

Н. Б. Мечковская

**ОБЩЕЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**
**Структурная и социальная
типология языков**

Учебное пособие

Для студентов
филологических и лингвистических
специальностей

ФЛИНТА • НАУКА

Н.Б. МЕЧКОВСКАЯ

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

**СТРУКТУРНАЯ
И СОЦИАЛЬНАЯ
ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ**

Учебное пособие для студентов
филологических и лингвистических специальностей

Второе издание

*Рекомендовано Учебно-методическим объединением вузов РФ
по педагогическому образованию*

Москва
Издательство «Флинта»
Издательство «Наука»
2001

УДК 800/801
ББК 81.2Р
М55

Рецензенты:

А. И. ПОДЛУЖНЫЙ, академик, директор Института языкознания НАН Беларуси

С. М. Толстая, доктор филологических наук, зав. отделом этнолингвистики и фольклора Института славяноведения Российской АН

З. А. Харитончик, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания МГЛУ

Мечковская Н. Б.

Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков: Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей. — 2-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2001. — 312 с.

ISBN 5-89349-275-7 (Флинта)

ISBN 5-02-011783-8 (Наука)

Особое внимание уделено новым направлениям **общего** языкознания — типологии лексики и литературных языков, типам языковых ситуаций и языковой политики.

Адресуется студентам филологических и лингвистических специальностей в качестве пособия по курсам «Общее языкознание» и «Введение в языкознание». Книга будет полезна также преподавателям и аспирантам.

Мечковская Н. Б.

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

СТРУКТУРНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ

Изготовление оригинал-макета

ООО «Билана В»

Подписано в печать 25.07.2001. Формат 60x88/16.

Гарнитура Тайме. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,1. Уч.-изд. л. 17,7.

Тираж 3000 экз. Заказ 2250. Изд. № 451

ИД № 04826 от 24.05.2001 г.

ООО «Флинта», 117342, г. Москва, ул. Бултерова, д. 17-Б, комн. 332.

Тел./факс: 336-03-11; тел.: 334-82-65. E-mail: flinta@mail.ru, ninta@cknb.ru

ЛР № 020297 от 23.06.1997 г.

Издательство «Наука», 117864, ГСП-7, Москва В-485, ул. Профсоюзная, д. 90.

ISBN 5-89349-275-7 (Флинта)

ISBN 5-02-011783-8 (Наука)

«Флинта», 2001

ГУП «Великолукская городская типография»

Комитета по средствам массовой информации и связям

с общественностью администрации Псковской области,

182100, г. Великие Луки, ул. Полиграфистов, 78/12

Тел./факс: (811-53) 3-62-95

E-mail: VTL@MART.RU

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	9
Введение. Предмет типологии языков.....	10
1. Лингвистический ландшафт Земли: многообразие структур, функций, статусов и исторических судеб языков.....	10
2. Типология как общенаучный метод. Лингвистическая типология — один из видов систематизации языков и раздел общего языкознания.....	14
3. Исторический экскурс: предшественники и основоположники типологии языков.....	16
4. Что объединяет и что различает типологию и лингвистику универсалий?.....	19
5. Структурная и социальная типологии языков: различие в предметах и сходство в методах.....	21

Часть первая. ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ

Факторы языкового сходства.....	25
6. Генеалогическое сходство и языковая семья.....	25
7. Ареальное сходство и языковой союз.....	27
8. Типологическое сходство и языковой тип.....	29
9. Резюме §§ 6—8 в табличной записи.....	32
10. Методологический экскурс: генеалогические, ареальные и типологические подходы в исследовании других гуманитарных объектов.....	32
Природа типологических сходств.....	36
11. Универсальное в фонации и аудировании.....	36
12. Язык, речь и два вида памяти.....	36
13. Универсальные закономерности речевого общения.....	39
14. Антропоморфность языковой картины мира и «психологическое единство человечества».....	40
Направления типологических исследований.....	44
15. Классы типологических сходств: типологическая закономерность, языковой тип, лингвистическая универсалия, лингвистическая фреквенталия	44

Оглавление

16. Основные направления типологических исследований	46
17. Исторический экскурс: сопоставительная фонология в трактате черноризца Храбра «О писменех» (конец IX — начало X в.).....	48
18. Типологические классификации и характерология языков.....	49
19. Методологический экскурс: принципы характерологии в исследовании гуманитарных объектов.....	51
Фонетико-фонологическая и просодическая типология.....	53
20. Вокалические и консонантные языки.....	53
21. Распространенные и редкие классы звуков.....	56
22. Типы звуковых цепей и строение слога. Слоговые и неслоговые (фонемные) языки.....	58
23. Супрасегментный (просодический) уровень языка. Тонические и атональные языки.....	61
24. Интонационно-ритмическое своеобразие языков.....	63
25. Типологические различия в звуковой организации языков и их возможные следствия в грамматике, лексике, стихосложении.....	66
Морфологические типы языков.....	69
26. Аналитические и синтетические языки.....	69
27. Количественные методы в определении степени аналитизма-синтетизма языков.....	71
28. Агглютинация и фузия как два типа морфологической организации слова. С какими чертами звуковой и синтаксической организации языка коррелирует морфология его слова?.....	73
29. Количественные методы в определении степени агглютинативности-фузионности языков.....	76
Типологические закономерности в синтаксисе.	
Контенсивная типология.....	79
30. Синтаксис как объект типологии ..!	79
31. Характер передачи субъектно-объектных отношений как основа контенсивной типологии.....	80
32. Семантико-грамматический экскурс: комплексный и универсальный характер функциональной категории залоговости	81
33. Номинативный, эргативный, активный, классный и нейтральный строй языка.....	84

Оглавление

34. Типология порядка слов: свободное и фиксированное словорасположение . Модели фиксированного словопорядка в триаде « субъект—действие—объект ».....	88
35. «Естественное» и «синтаксическое» развертывание фразы.....	91
36. Линейный порядок в синтагмах как один из принципов синтаксической типологии.....	92
Лексическая типология языков.....	95
37. Признаки, значимые для типологии лексических систем.....	95
38. Объем словарного фонда.....	96
39. Семантико-тематическая структура лексики.....	99
40. Наличие и глубина стилистической дифференциации словаря.....	101
41. Источники новых обозначений и сравнительная продуктивность разных средств пополнения словарного запаса.....	102
42. Социальные и внутриязыковые предпосылки заимствований.....	111
 <i>Часть вторая. СОЦИАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ</i>	
Функциональное разнообразие языков.....	117
43. Признаки, значимые для социолингвистической характеристики языков.....	117
44. Коммуникативные ранги языков.....	118
45. Здоровые, больные, исчезающие, мертвые и возрожденные языки.....	124
46. Письменность и литературные языки.....	128
47. Правовой статус языков.....	131
48. Исторический экскурс: пророческие и апостольские языки.....	134
49. Конфессиональный статус языка в качестве его социолингвистического параметра.....	136
50. Учебно-педагогический статус языков.....	137
51. «Иностранный язык» как категория функциональной типологии.....	140
52. Социолингвистический смысл понятия «классический язык».....	141

Оглавление

Типология литературных языков	144
53. Типологические различия между литературными языками.....	144
54. Факторы типологического qvоеобразования литературных языков.....	149
Типология языковых ситуаций	157
55. Геополитическая группировка языковых ситуаций.....	157
56. Признаки ситуаций, значимые для типологии.....	160
57. О разной корреляции дифференциальных признаков ситуаций	164
58. Демографические факторы в динамике языковых ситуаций.....	165
59. Диаспоры и компактное проживание этноязыковых групп.....	167
60. Этническое и культурное двуязычие.....	168
61. Диглоссия как особый вид культурного двуязычия.....	171
Вспомогательные международные языки и их типы	175
62. Три класса вспомогательных языков.....	175
63. Языки-посредники естественного происхождения.....	176
64. Международные «плановые» языки: эсперанто и другие «кабинетные» аналоги естественных языков.....	185
65. Специализированные искусственные языки.....	192
Языковая политика в типологическом освещении	199
66. Объекты и субъекты в языковой политике.....	199
67. Профили языковой политики в зависимости от типа социума.....	204
68. Уровни национально-языковой политики.....	208
69. Типы государственных стратегий в регулировании взаимоотношений этносов и языков.....	209
70. Типы национально-языковых идеологий.....	212
71. В поисках корней: национальный романтизм и мифопоэтические мотивы	215
72. Язык как объект правовой регламентации и границы действия законов о языке.....	216
73. Юридический спектр подходов к миноритарным языкам: от наибольшего благоприятствования до запрещения.....	219
74. Социальные роли языков в условиях двуязычия (модели законодательного регулирования).....	222

Оглавление

75. Языки и школа в условиях двуязычия (типы административно-законодательных решений).....	225
76. Кодификация языка как инструмент языковой политики в условиях двуязычия.....	229
77. Финансово-экономические рычаги.....	230
78. Основные направления языковой политики.....	231
79. Пределы сознательной активности общества по отношению к языку.....	241

Часть третья. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ

80. Как обнаруживают универсалии? Индуктивные и дедуктивные универсалии.....	247
81. Принципы систематизации универсалий.....	250
82. Виды универсалий в зависимости от степени универсальности: абсолютные и статистические универсалии.....	252
83. Виды универсалий в зависимости от их логической формы: простые и имплекативные универсалии.....	254
84. Семиотические универсалии (универсалии, обусловленные принадлежностью языка к знаковым системам).....	255
85. Языковые и речевые (психолингвистические) универсалии.....	257
86. Статические и динамические (диахронические) универсалии.....	261
87. Фонетико-фонологические универсалии.....	264
88. Морфологические универсалии.....	265
89. Синтаксические универсалии.....	266
90. Лексические и лексико-семантические универсалии.....	268
91. Социолингвистические универсалии.....	270
92. Язык-эталон: оптимальная систематизация универсалий и гипотетический инвариант языков мира.....	272

Заклучение. Место типологии и лингвистики универсалий

■ науке о языке	275
93. Типология и сравнительно-историческое языкознание.....	275

94. Сопоставительные и контрастивные исследования как лингвистическая основа преподавания иностраных (и неродных) языков	277
95. Типы языков и история цивилизаций	280
96. Философский смысл типологии языков и лингвистики универсалий	281
Литература	284
Именной указатель	295
Указатель языков, языковых групп и семей	304
Указатель таблиц, схем, диаграмм	311

Памяти Адама **Евгеньевича** Супруна

ПРЕДИСЛОВИЕ

Студенты редко читают предисловия к учебникам. Поэтому в этой книге первоначально предисловия не было. Однако в издательской рецензии на учебное пособие С.М.Толстая посоветовала подчеркнуть, и как можно раньше, «широкое» содержание понятия «социальная типология языков».

Определение *социальный* в этой книге понимается предельно широко — как **‘относящийся** к теме «Язык и общество», включая все виды взаимоотношений между языком и обществом (язык и культура, язык и история, язык и этнос, и церковь, и школа, и политика, и массовая коммуникация и т.д.)’. Таким образом, «социальная типология языков» — это типология функциональная, культурно-религиозная, коммуникативная, политологическая, правовая.

В названии книги не отражен ее последний (третий) большой раздел — «Лингвистические универсалии». Здесь систематизированы наиболее значительные явления, представленные во всех языках мира. Универсалии позволяют отчетливо увидеть родовое, общечеловеческое сходство тысяч языков на бесконечно разнообразной лингвистической карте нашей планеты — единый на всех широтах и под всеми флагами Язык людей.

* * *

Заключая предисловие, хочу выразить свою сердечную признательность рецензентам книги: Светлане Михайловне Толстой, Зинаиде Андреевне Харитончик, Александру Иосифовичу Подлужному — за критические замечания, советы и поддержку. Благодарю литературных редакторов книги — Татьяну Митрофановну Скрипову, Валентина Ефимовича Квачека — и тех, кто помог этой книге увидеть свет.

Апрель 2000года

Нина Мечковская

ВВЕДЕНИЕ

ПРЕДМЕТ ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВ

1. Лингвистический ландшафт Земли:
многообразие структур, функций, статусов
и исторических судеб языков

Человек как биологический вид *Homo sapiens* начинал формироваться в Африке примерно 100—75 тыс. лет назад, в качестве одной из двух ветвей в эволюции неандертальцев (в антропологии эту ветвь называют *ранние неандертальцы*). В отличие от *поздних неандертальцев*, для ранней ветви было характерно менее мощное физическое развитие, поэтому ранние неандертальцы выживали благодаря крупным объединениям в орды (или стаи). Примерно 50—40 тыс. лет назад возникает человек современного типа — *Homo sapiens sapiens* (*кроманьонцы*)¹. К этому же времени относят начало формирования звукового языка людей. Язык («дар языка») — это самое характерное отличие человека от более ранних разновидностей рода *Homo* (в том числе и от непосредственных предшественников человека — неандертальцев). Язык возник раньше таких важнейших событий в истории человечества, как искусство (декорированным деревянным и костяным предметам —

¹ *Парамонов А.Л.* Дарвинизм. М.: Просвещение, 1978. С. 180—182. Ср. имеющиеся различия в определении времени появления современного человека: 35—30 тыс. лет назад (биолог *М.И.Урынсон*, 1973); 100 тыс. лет назад (языковед *Вяч.Вс. Иванов*, 1990). Сложность вопроса в том, что считать началом собственно человеческой истории. По данным археологии, первые орудия труда появляются примерно 400 тыс. лет назад; ко времени примерно 300 тыс. лет назад относятся следы использования краски (охры). См.: *Ранние формы искусства: Сборник статей.* М.: Искусство, 1972. С. 105, 150.

более 25 тыс. лет, наскальной живописи — около 14 тыс.), как приручение животных и окультуривание растений (это произошло 10—6 тыс. лет назад). Примерно 6 тыс. лет назад появились пиктография и иероглифика, 5 тыс. — звуковое письмо.

По-видимому, первоначальный язык человека существовал как один (**единый**) язык. Около 30 тыс. лет назад люди расселились по Западной Евразии. В период между 20-м и 10-м тысячелетиями до нашего времени язык человека разделился на несколько языковых макросемей (таких, как *ностратическая семья языков*²), из которых позже произошли языковые **семьи**, существующие в наше **время**³.

Общее число языков в современном мире определяют в интервале от 2,5 до 5—6 тысяч. Такие огромные расхождения в оценках (более чем на 100 % !) вызваны трудностями разграничения языка и диалекта, в особенности для бесписьменного состояния. Исследователи языков в отдельных регионах Земли называют цифры, которые в сумме существенно превосходят 5—6 тысяч языков. Так, в Африке к югу от Сахары примерно 2000 языков (Вопросы 1969, 136). В Южной Америке не менее 3000 туземных языков; в трех государствах Океании — Папуа-Новая Гвинея, Соломоновы острова и Республика Вануату — более 900 языков: в Индонезии — 660 (Говард 1995, 88, 100). Число австралийских языков иногда оценивается в 500—600; австронезийских языков — около 800 (ЛЭС 1990, 12—13). В Индии, самой полиэтнической и многоязычной стране **мира**, — 1652 **языка**⁴; в Нигерии, самой полиэтнической стране Африки, — около 300 (Проблемы 1977, 94). В современной России — около 150 языков (Народы России 1994, 36).

Поразительно **структурное** разнообразие языков мира. Есть языки, в которых ни имена, ни глаголы не изменяются, а есть языки, где, напротив, — около 40 падежей. Есть языки, (например, славянские), где существительные делятся на три грамматических класса (рода), в языке *насиой* (Новая Гвинея) именных классов свыше 40, **а** во многих языках именных классов нет вовсе. В некоторых тюркских языках насчитывается 12 наклонений, но есть языки не только

² О ностратической гипотезе и ностратических языках см. § 6.

³ См. подробнее в ЛЭС 1990 статьи *Вяч. Вс. Иванова* «Глоттогенез», «Моногенеза теория», «Языки мира», а также статью *А.А.Леонтьева* «Происхождение языка».

⁴ Multilingualism in India / Ed. by Pattanayak D.P. Philadelphia, 1996.

без наклонений, но и без грамматического числа, без глагольного времени. Есть языки, в которых всего 10 фонем, а в других — фонем более 80. Возможен язык всего с одной гласной (и таких языков известно три), а в некоторых кавказских языках гласных 24. Бывают языки с очень редкими и потому странными звуками, — похожими на щелчки, на звук «тушения свечи», на «прочищение горла». А вот звуки [t], [p], [j] или [s] никому не покажутся странными — они есть в любом языке. Почти не бывает языков без носовых согласных ([п] или [m]), в то время как носовые гласные — большая редкость...

Перечислять редкие и удивительные явления в строении языков можно долго, ведь среди тысяч языков Земли нет двух одинаковых, и каждый язык имеет уникальные, только одному ему присущие черты. Однако естественно возникают и встречные вопросы: до какой степени языки могут быть разными, несхожими? Можно ли перечислить черты, которые присущи любому языку — просто «по определению», в силу его принадлежности к классу семиотических систем, называемых «естественный звуковой язык человека»? Имеется ли какая-то логика, закономерности в том, какие черты в строении языков сопутствуют друг другу, а какие — несовместимы? Вопросы о более и менее типических чертах в строении языков, о возможных типах языков — это и есть начало типологического языкознания.

Видимое разнообразие языков издавна приводило также к вопросам о причинах и следствиях различий между языками. В чем совершенство языка? В какой мере разные языки могут быть катализатором или, напротив, тормозом в истории познания и культуры? Что определяют языки в различиях между народами? Влияют ли на судьбы народов? Отчего зависят судьбы самих языков? На вопросы такого рода стремятся ответить *социальная типология языков, философия языка, философия истории*.

Разнообразие судеб языков, различия их коммуникативных ролей, функций, социальных статусов, юридических рангов — все это важная часть той реальности, в которой протекает языковое существование человечества. Без социолингвистической панорамы наше знание о человеке и обществе было бы неполным.

Исключительно разнообразны взаимоотношения между отдельными языками, с одной стороны, и некоторыми другими социальными параметрами человека и человечества, с другой. В ряду таких базисных параметров («измерений»), вслед за языком, обычно называ-

ют **этничность (национальность)**, гражданство (подданство), вероисповедание. Легко видеть кардинальные диспропорции между основными измерениями человечества: если языков на Земле 5—6 тысяч, то этносов — примерно 1300 (Брук 1986, 12); государств — около 220, в том числе государств-членов ООН — примерно 200; число же отдельных конфессий, если включать в него бесчисленные культы и верования в странах Третьего мира, неопределенно велико. Эти цифровые «разбежки» говорят о том, что на карте мира географические границы языков, этносов, государств и религий отнюдь не совпадают. Тем не менее конфигурации четырех географических карт мира — языковой, этнической, политической и конфессиональной — взаимозависимы и соотносимы, особенно в исторических объяснениях. Наиболее близки друг другу карта языков и карта народов мира, поскольку обе они основаны на генеалогической классификации языков.

Коммуникативно-функциональное разнообразие языков поражает не меньше, чем их структурная пестрота. На Земле нет двух тождественных языковых ситуаций, нет двух языков с равным объемом коммуникации, с одинаковой историей и с одинаковым будущим.

Есть языки, на которых говорят и пишут миллионы людей в разных странах на всех континентах, и есть языки, родные всего лишь нескольких сот человек в одном-единственном селенье.

Есть языки, письменная история которых насчитывает тысячи лет, — таковы *ведийский язык* и *санскрит* (разновидности древнеиндийского языка, начало литературной традиции — XV в. до н.э.), *древнееврейский язык* (время сложения «Торы», первых пяти книг Ветхого Завета, — XIII в. до н.э.), *вэньянь* (литературный древнекитайский язык, начало иероглифического письма — IX в. до н.э.). И есть языки, которые возникли в XIX—XX вв. в считанные годы, причем возникли обычным для языков путем — сами собой, стихийно (не «в кабинете»), в результате длительных контактов разноязычных людей и смешения их языков. Это *пиджины* и *креольские языки*, и их известно около 100 (см. §§ 63.3—63.4.).

Из 5—6 тысяч языков Земли только около 600 языков имеют систему **письма**⁵, но лишь около 300 из них реально используются в письменной коммуникации.

⁵ Впрочем, есть и другие цифры: по данным стокгольмского Института перевода Библии, к 1994 г. Библия или ее отдельные книги были переведены на 1545 языков мира (Арапович 1996, 52).

Есть языки, которые, хотя и имели письменность и литературную традицию, однако утратили коллектив исконных носителей, и стали поэтому языками мертвыми. Таковы *древнеегипетский язык* (на нем сохранились самые ранние в истории человечества иероглифические записи, датируемые IV тысячелетием до н.э.), *авестийский язык* (тексты с X в. до н.э.), *латынь* (собственно латинская письменность — с IV в. до н.э.), *старославянский язык* (первые памятники — 863 г.). И есть язык возрожденный, через две с половиной тысячи лет вновь ставший средством живого общения народа — так произошло с древнееврейским языком (*ивритом*).

Есть языки, в которых литературная («правильная») речь еще почти не отличима от диалектной. А в исландском языке эта оппозиция отсутствует по другой причине: в нем просто нет диалектов. Известны литературные языки, которые не используются в неофициальном, частном, дружески-фамильярном общении — например, литературный арабский язык...

У каждого языка — неповторимая социальная и культурная история, свое место в своем социуме, свои перспективы в будущем. Однако уникальность судьбы отдельного языка не означает, что нет общих закономерностей, типичных линий развития, типологически близких судеб. Вот почему для социальной лингвистики мало перечня отдельных ярких случаев: требуется типологическое освещение всего разнообразия языков. Это и составляет содержание социальной (функциональной, или социолингвистической) типологии языков.

2. Типология как общенаучный метод.

Лингвистическая типология — один из видов систематизации языков и раздел общего языкознания

В общенаучном масштабе типология — это метод исследования разнообразных и внутренне сложных объектов путем выявления их общих или сходных черт и группировки, объединения объектов с учетом меры этой близости в некоторые классы (группы, типы). Типологические исследования в различных науках могут существенно отличаться по принципам и логическим формам. Так, биологическая типология (систематика растительного и животного миров) опирается на эволюционный принцип; в географии, геологии, этнографии типологические исследования строятся с

учетом иерархических (**субординативных**) отношений между объектами (соответствующие группы объектов одного ранга называются **таксонами**, а их классификации — **таксономическими классификациями**, или **таксономиями**⁶). Для понимания некоторых других областей реальности важно выявить как иерархию объектов (т.е. их «вертикальные» взаимоотношения), так и горизонтальные связи, обусловленные разной силой проявления некоторого общего признака (или группы признаков). В результате соответствующая предметная область предстает как **континуум**⁷ объектов или их классов (такой континуум, например, представлен в каждой строке таблицы Периодической системы элементов Менделеева).

В лингвистике используются три основных вида систематизации языков: 1) генеалогические объединения, в которых учитываются родственные взаимоотношения языков; 2) типологические классификации языков, понимаемые как объединения (**группировки**), логически независимые от родословных деревьев языков; 3) территориальные (**ареальные**) классификации языков (подробно см. §§ 6—9). В систематизации языков используются общенаучные принципы типологических исследований, методы генетических и таксономических классификаций, **континуумных** и **ареальных** исследований. Однако только в типологических исследованиях языков используется сама идея **типа** в качестве некоторого объединения объектов с учетом их общих черт. Поэтому в лингвистике принято терминологически отграничивать собственно типологию от всех иных видов систематизации языков (т.е. от генетических и **ареальных** их объединений).

⁶ Термин *таксономия* (от греч. *táxis* — расположение, строй, порядок и *nomos* — закон) обозначает также теорию классификации объектов в иерархически организованных областях реальности. Применительно к лингвистике см. статью В.А.Виноградова «Таксономия» в ЛЭС, 1990.

⁷ *Континуум* (лат. *continuum* — непрерывное, сплошное) — непрерывность, неразрывность явлений, процессов («связное множество» в математике, «сплошная среда» в физике, семантическая непрерывность внутри многих синонимических рядов, ср. *туман, дымка, мгла, дым, марево* и т.п.). В общенаучном смысле континуум — это непрерывная, или связанная совокупность объектов, различия между которыми носят градуальный (ступенчатый) характер и определяются местом объектов в данной совокупности.

Следует различать понятия «тип (класс) языка» в качестве эмпирической реальности (это группа конкретных языков, обладающих рядом типологически существенных общих черт) и «тип языка» в качестве абстрактного мысленного конструкта (в книге или в сознании исследователя): это логическое построение, в котором отображается набор значимых признаков, отвечающих данному типу языков.

3. Исторический экскурс: предшественники и основоположники типологии языков

Хотя первые типологические классификации и термины принадлежат началу XIX в., однако предпосылки типологического языкознания и лингвистики универсалий закладывались еще в Средние века — благодаря многовековой уверенности людей в том, что внутренне все языки схожи и что поэтому по грамматике латинского языка можно понять устройство и категории любого из народных языков⁸. Повсеместное в Средние века культурное двуязычие побуждало постоянно сопоставлять языки, замечать их сходства и различия, при этом греческий, латынь или церковнославянский были своего рода «точками отсчета», «эталонными» языками.

Стихийный универсализм средневековой грамматической мысли, убеждение в принципиальной «соизмеримости» любых языков впоследствии получили теоретическое развитие в знаменитой грамматике Антуана Арно и Клода Лансло «Грамматика всеобщая и рациональная Пор-Рояля» (1660)⁹. Под ее влиянием еще в нача-

⁸ Францисканец и оксфордский профессор Роджер Бэкон (ок. 1214—1294), философ и естествоиспытатель, писал: *Грамматика по сути одна и та же во всех языках, хотя случайно может варьироваться (Grammatica una et eadem est secundum substantiam in omnibus linguis, licet accidentaliter varietur)* (цит. по кн.: Кубрякова и др. 1996, 183). Это убеждение Бэкона тем более характерно для эпохи, что он отнюдь не был чистым теоретиком: известны составленные Бэконом грамматики древнееврейского и греческого языков.

⁹ Недавно издан ее русский перевод. См.: Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля / Перевод с французского, комментарии и послесловие Н.Ю.Бокадоровой; Общ. ред. и вступ. статья Ю.С.Степанова. М.: Прогресс, 1990.

ле XIX в. в разных странах Европы грамматики разных языков продолжали называться *всеобщими*, *рациональными* или *философскими*¹⁰.

Среди предшественников типологического языкознания выдающаяся роль принадлежит знаменитому английскому социологу и экономисту Адаму Смиту (1723—1790). Задолго до Шлегеля, в сочинении «О первоначальном формировании языков и о различии духовного склада исконных и смешанных языков» (Лондон, 1781), Смит увидел движение ряда индоевропейских языков от синтетизма к аналитическому строю и обсуждал причины такой типологической эволюции. Им высказаны удивительно прозорливые мысли о природе первоначального языка человека: это была отнюдь не номенклатура, но знаки для энергичного, часто побудительного сообщения о событии, которое происходит или ощущается как актуальное в момент речи. Смит допускал синкретическое существование слова и предложения на ранних стадиях становления языка человека. В XIX в. к сходным мыслям пришли исследователи инкорпорирующих языков. Смит первым высказал мысль о том, что смешение языков ведет к упрощению морфологии, иными словами, способствует нарастанию аналитических черт контактирующих языков (подробно см. Кацнельсон 1982). Однако типологические идеи Смита не были замечены современниками. Начало типологических исследований относится к рубежу XIX—XX вв. и связано оно с немецкой культурой.

Основы типологии закладывались почти одновременно с формированием сравнительно-исторического языкознания¹¹. Первые компаративисты были и первыми типологами. В их числе — автор

¹⁰ В том числе в отечественной традиции, ср.: Николай Язвицкий. Всеобщая философическая грамматика (СПб., 1810); Иван Орнатовский. Новейшее начертание правил российской грамматики, на началах всеобщей основанных (Харьков, 1810); Илья Тимковский. Опытный способ к философическому познанию российского языка (Харьков, 1811); Лудвиг Якоб. Начертание всеобщей грамматики (в качестве 2-й части в его «Курсе философии для гимназий Российской Империи». СПб., 1812).

¹¹ Впрочем, термин *типология* появляется более века спустя: по данным Г.А.Климова, — в начале 20-х годов, в работах Н.Я.Марра. В 1929 г. термины *типология*, *языковой тип* употреблены в знаменитых «Тезисах» Пражского лингвистического кружка, представленных на I Международном съезде славистов (Климов 1981, 21).

книги-манифеста индоевропеистики «О языке и мудрости индусов» (1808) Фридрих фон Шлегель (1772—1829), давший первую типологическую классификацию языков; основоположник немецкой философии языка Вильгельм фон Гумбольдт (1765—1835); автор первой сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков Франц Бопп (1791—1867). Уже тогда были предложены основные категории морфологической типологии языков: **флексия (флективные языки), агглютинация и фузия, аналитические и синтетические языки, изолирующие языки, инкорпорация** (см. §§ 26—28). **Основные** типологические противопоставления у Гумбольдта представлены на следующей **схеме**¹².

Рис.3*. Морфологическая типология языков по Гумбольдту

изолирующие языки (или аморфные) [в поздней терминологии — аналитические языки]	языки, для которых характерен синтез в слове вещественных и грамматических значений [в поздней терминологии — синтетические языки]
агглютинирующие языки	фузионные и флективные (понимаемые как языки, использующие внутреннюю флексию)
неинкорпорирующие языки	инкорпорирующие [в поздней терминологии — полисинтетические языки]

Создавая морфологическую типологию, **компаративисты-типологи** «первого призыва» стремились к ее исторической интерпретации, т.е. к тому, чтобы представить типы языков как **стадии** единого исторического процесса формирования языков мира. Этот процесс иногда называют **глоттогонией, или глоттогоническим про-**

¹² Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества (1830—1835 гг.). См. в кн.: Гумбольдт 1984.

¹ Нумерация рисунков, таблиц и диаграмм соответствует номеру параграфа.

дессом (от греч. *glōtta* — ‘язык’ и *goné, gonéia* — ‘(за)рождение’). Наименее древним они считали **аморфный строй** языков, где фраза состояла из однословных слов-корней, лишенных всяких служебных морфем, как бы не оформленных. Затем **агглютинация** и последовавшие **фузионные** процессы привели к появлению **флексии, звуковых** чередований. Флективная (фузионная) морфология, следовательно, здесь рассматривалась как высший этап грамматического развития, а утрата флексии — как упадок языка.

Конечно, этот романтический пессимизм первых типологов-компаративистов принадлежит прошлому. Однако их исследовательские достижения остаются общим категориально-терминологическим фундаментом типологии. В XX в. развитие типологии в значительной мере заключалось в **эмпирико-языковом** (в том числе квантитативном) и логическом уточнении тех классификаций и понятий, которые были выдвинуты в первой трети XIX в. При этом современная типология почти отказалась от историко-культурной и тем более оценочной интерпретации языковых типов.

Зато возникло новое направление в типологических исследованиях — лингвистика **универсалий**.

4. Что объединяет и что различает типологию и лингвистику универсалий¹³?

Типология языков и лингвистика универсалий — это две близкие по интересам области языкознания, составляющие единое исследовательское пространство. Их общим объектом являются одинаковые или сходные черты самых разных языков, в том случае, если эта близость не обусловлена ни родством языков, ни их влиянием друг на друга.

Типологи, по мере расширения круга исследуемых языков, приходили к количественным оценкам распространенности тех или иных **языковых** явлений: одни явления имеют место во **всех** языках, другие — в большинстве или во многих, **третьи** — в некоторых или в немногих языках, четвертые явления **уникальны** (т.е. известны всего в одном языке). Этот **ес-**

¹³ **Лингвистические универсалии** (от лат. *universalis* — общий, всеобщий) — это языковые явления (свойства, характеристики, отношения, процессы), которые имеют место во всех (или почти во всех, за очень малым исключением) языках мира.

естественный переход исследователя от типологии к лингвистике универсалий можно видеть в работе выдающегося польского языковеда Тадеуша Милевского «Предпосылки типологического языкознания» (см. Милевский 1963). Говоря о фонологическом «минимуме» (минимальной системе фонем, присущей всем языкам), об универсальных явлениях в сфере лексики, местоимений, синтаксиса, Милевский подчеркивал их двоякую познавательную ценность: **во-первых**, исторически (и в фило- и в онтогенезе) все это наиболее ранние, опорные и устойчивые языковые феномены; во-вторых, подсистемы универсальных языковых явлений могут послужить естественной точкой отсчета или своего рода «масштабной линейкой» при типологическом «соизмерении» и сопоставлении языков.

Различие между типологией языков и лингвистикой универсалий связано с характером наблюдаемой общности: типология изучает **взаимосвязанные** сходные **черты** (в отдельных языках), стремится понять такие системные сходства в качестве некоторого **типа** устройства языка и на этой основе выявить существующие на Земле типы языков. Лингвистика универсалий стремится обнаружить общие **черты**, присущие **всем** языкам Земли¹⁴, не ограничивая при этом поиск универсалий их «весом», т.е. их структурной или содержательной (мыслительной) значимостью. В перечнях универсалий есть как «крупные» черты, связанные с фундаментальными принципами строения языка человека, так и «мелкие черточки», интересные, однако, тем, что это не особенности отдельного языка или группы языков, но «подробности» устройства, присущие всем языкам планеты (см. в этой связи § 92 о языке-эталоне).

Естественно, что различия между типологией и лингвистикой универсалий, касающиеся того, что является непосредственным

¹⁴Такие черты и называются *универсалиями*. Это, по словам **А.Ф. Лосева**, «какое-то неожиданное средневековое **обозначение**», входит в обновленное употребление после конференции 1961 г. в Нью-Йорке, посвященной лингвистическим универсалиям (Материалы конференции составили сборник **«Universals of Language»**. Ed. by **J.H. Greenberg**, Cambridge (Mass.), 1963). В схоластике **X—XIV** вв. универсалии трактовались как **‘общие понятия’**; с различным объяснением природы универсалий — существуют ли они «до вещей» (в качестве их идеальных прообразов), «в вещах» или «после вещей» (в человеческом мышлении) — связаны различия основных направлений в средневековой философии (теория познания Авиценны; **реализм**, «умеренный» реализм и номинализм в Западной Европе).

предметом их внимания, сказываются в различиях методов и результатов соответствующих исследований.

В силу исторических причин, в континентальной Европе собственно типология остается по традиции главным, первым или основным направлением общелингвистических межъязыковых исследований, в то время как в США и Англии, напротив, в этом разделе языкознания первенствует лингвистика универсалий.

5. Структурная и социальная **типологии** языков: различие в предметах и сходство в методах

Типологические исследования **фонетико-фонологической** организации языков мира, их грамматического строя и лексических систем составляют область **структурной** лингвистической типологии. Исторически типология начиналась с изучения именно структурного разнообразия языков мира.

Социальная (функциональная, или социолингвистическая) типология — это новое направление, связанное с изучением того, как языки **функционируют** в различных социальных и **этно-культурных** средах. Социолингвистическая типология стремится выявить типы языков в зависимости от их роли в процессах коммуникации. Социальные различия между языками бывают исключительно резкими (**подобно** тому, как социальное неравенство людей может существенно превышать степень индивидуальных физических различий людей на фоне анатомио-антропологического «инварианта» вида *Homo sapiens*). В социально-типологическом плане языки различаются по количеству говорящих на них людей, по распространенности языков за пределами коллектива (или коллективов) исконных носителей, по составу общественных функций и сфер употребления языков, по их социальному статусу, престижу, известности, по жизнеспособности.

Социальная и структурная типология языков в главном взаимно **независимы**¹⁵. Однако их объединяет стремление увидеть в

¹⁵ Впрочем, существуют определенные зависимости между типом языковой ситуации, характером контакта языков и, как следствие, типологическими процессами в синтаксисе и лексике (см. §§ 35, 37—42); Между типом литературного языка и типологическими чертами лексики, — например, такими, как наличие и глубина стилистической дифференциации словаря (подробно см. §§ 46, 53—54 и §§ 39, 42).

бесконечно разнообразном языковом ландшафте Земли явления, которые обладают разным «весом», разной частотой в глобальной совокупности языковых феноменов: с одной стороны, есть явления уникальные и редкие, а с другой, — явления и закономерности характерные, типичные и, наконец, универсальные.

Общие задачи обуславливают известное сходство методов в структурной и социальной типологии языков. Общая логика типологического подхода такова: 1) вначале выявляют типологически значимые признаки (в структурах или социальном бытии языков); 2) затем на основе выявленных признаков строят типологические характеристики или классификации языков (или языковых подсистем, языковых ситуаций или состояний); 3) затем исследуют степень распространенности тех или иных типологических закономерностей (что и приводит к открытию новых лингвистических универсалий).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТРУКТУРНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ

- Факторы языкового сходства
- **Природа** типологических сходств
- Направления типологических исследований
- **Фонетико-фонологическая** и просодическая типология
- Морфологические типы языков
- Типологические закономерности в синтаксисе.
- **Контекстная** типология
- Лексическая типология языков

ФАКТОРЫ ЯЗЫКОВОГО СХОДСТВА И СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ИМ КЛАССЫ ЯЗЫКОВ

6. Генеалогическое сходство и языковая семья

Любые возможные сходства между двумя языками могут быть вызваны одной из четырех причин: 1) родство языков, т.е. их общее происхождение (**генеалогический** фактор); 2) (**взаимо**)**влияние языков**, т.е. сродство — возникновение сходства вследствие контактов языков (**ареальный фактор**¹⁶); 3) принципиальная общность человеческой природы, проявляющаяся в общих закономерностях языковой коммуникации и общих чертах в строении языков (**типологический** фактор); 4) случайное совпадение.

Генеалогическую близость языков легко видеть во внешнем сходстве слов и корней (в родственных языках) с относительно схожей семантикой, особенно если знать фонетические процессы, приведшие в свое время к регулярным различиям в звуковой оболочке современных рефлексов некогда общих форм, — ср., например, русск. *золото*, болг. *злато*, польск. *złoto*. **латышск.** *zēlts* 'золото', далее (с тем же значением): нем. *Gold*, **англ.** *gold*, **др.-индийск.** *híraṇyam*, авестийск. *zaranya*, кроме того: лат. *helvus* 'янтарно-желтый, буланный', др.-индийск. *hári-* 'желтый, золотистый, зеленоватый'. Для широких генеалогических объединений языков (языковых семей), чье языковое единство принадлежит далекой древности, подобную близость можно увидеть на до-

¹⁶ *Ареальный* — пространственный, от *ареал* (лат. *area* — площадь, пространство); в природоведении *ареал* — это область распространения какого-либо явления, видов животных, растений, полезных ископаемых. *Ареальная лингвистика* (или *лингвистическая география*) изучает территориальное распространение языковых явлений в связи с межъязыковым (междиалектным) взаимодействием.

вольно ограниченном и специфическом языковом материале — таком, как термины родства, числительные первого десятка, первичные местоимения, обозначения некоторых домашних животных, важнейшие цветообозначения и т.п. Генеалогическая близость языков проявляется также в некоторых общих чертах их грамматического строя. Так, все языки индоевропейской семьи относятся к языкам номинативного строя (о понятии «номинативный строй» см. § 33), они различают имена и глаголы, а в глаголе — словоизменительные категории лица, времени и наклонения.

Чем уже генеалогическая общность языков (если идти от языковой семьи к группе, подгруппе, подподгруппе и т.д.), тем больше имеется унаследованных одинаковых черт (как древних, так и более поздних) в языках, входящих в соответствующую общность. Так, в любом из современных славянских языков совокупный объем **праславянского** наследства (например, сохранившейся праславянской лексики), существенно больше, чем доля сохранившихся элементов индоевропейского праязыка в современных индоевропейских языках. В близкородственных языках (например, в белорусском и украинском) удельный вес общего языкового наследства выше, чем в языках с более отдаленными родственными отношениями (например, белорусский и словенский). Так что нередко люди, говорящие на близкородственных языках, понимают друг друга без переводчика.

Языки, связанные отношениями родства, образуют языковые семьи, а внутри семей — группы и подгруппы более близких в генеалогическом отношении языков. Итогом систематизации языков по родству являются генеалогические классификации языков. О познавательной ценности генеалогических классификаций говорит то, что на их основе строится языковая карта мира, а также карты народов мира.

Относительно некоторых соседствующих языков (палеоазиатские языки, группа **нило-сахарских** языков) неизвестно, какого рода сходство их объединяет — родство или **ареальное** сближение на почве многовековых контактов. Родственные связи некоторых языков остаются невыявленными или недоказанными — например, японского, корейского, баскского, бурушаски; такие языки считают генеалогически изолированными.

Современная компаративистика выделяет примерно 20 языковых семей. Языки некоторых соседствующих семей обнаруживают определенное сходство, которое можно объяснить родством. Это позволяет видеть в подобных широких языковых общностях **макросемьи** языков. Так, в начале XX в. Хольгер Педерсен (Дания) высказал предположение о родстве урало-алтайской, индоевропейской и афразийской языковых семей и назвал эту общность **ностратическими** языками (от лат. *noster* — наш). В науке по-разному определяется состав языковых **семей**, образующих **ностратическую** макросемью. Согласно одной концепции, это **афразийские**, индоевропейские, картвельские, уральские, дравидийские и алтайские языки. Другие исследователи считают афразийские языки отдельной макросемьей, генетически не связанной с ностратическими языками. Реконструкция **ностратического** языка была предложена **В.М.Илличем-Свитычем**¹⁷.

7. Ареальное сходство и языковой союз

Проявления **ареальной** общности языков чрезвычайно разнообразны и разномасштабны. Самый распространенный и элементарный случай — это лексическое заимствование из одного языка в соседний. Иногда, в силу социокультурных обстоятельств, такие заимствования характеризуются значительной географической широтой и проникают в отдаленно родственные и неродственные языки. Например, белорусск., русск. и украинск. *школа*, словенск. *Sola*, польск. *szkoła*, нем. *Schule*, англ. *school*, шведск. *skóla*, лат. *schola*, франц. *école*, венгерск. *iskola*, финск. *koulu*, турецк. *okul* — это общее заимствование, через разное языковое посредство восходящее к **греч. scholé** (первоначально означавшее ‘иметь свободное время, быть праздным; мешкать, медлить’; затем ‘заниматься чем-либо во время досуга’, ‘проводить время в ученых беседах’).

Широкое и продолжительное ареальное взаимодействие языков приводит к развитию сходных черт глубокого структурного

¹⁷ См.: *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения **ностратических** языков. Сравнительный словарь (т.1—3). М.: Наука, 1971—1984. См. также в ЛЭС 1990 статьи **Вяч.Вс.Иванова** «Генеалогическая классификация языков», «Языки мира», «Моногенеза теория»; статью **В.А.Дыбо** и **В.А.Терентьева** «Ностратические языки».

характера. Так, в ряде «среднеевропейских» языков (чешском, польском, французском, английском) ударение стало фиксированным на определенном слоге (**Б.Гавранек**); в ряде языков Евразии вследствие **ареальных** факторов развилась оппозиция твердых и мягких согласных (Р.О.Якобсон, Е.Д.Поливанов).

Ареальное сходство соседствующих, а иногда и отдаленных, но культурно тяготеющих друг к другу языков проявляется на всех уровнях. Кроме прямых лексических заимствований происходит калькирование (в том числе семантическое калькирование, т.е. развитие нового значения в слове под влиянием семантики соответствующего слова в чужом **языке**¹⁸), усваиваются морфологические, словообразовательные и синтаксические модели, стилистические оппозиции, вплоть до отдельных графических **приемов**¹⁹ и принципов речевого **этикета**²⁰. Все это бесчисленные факты конвергенции языков.

Многовековые конвергентные процессы ведут к образованию ареальных общностей языков — **языковых союзов**. Наиболее выразительные примеры таких общностей — это балканский языковой союз, волжско-камский, кавказский.

Генеалогическая близость языков, с одной стороны, а с другой, — ареальные изменения (которые состоят в сближении с одними языками, что оборачивается отдалением от других языков) — это факторы, которые в судьбах конкретных языков противостоят друг другу. Именно контакты, **ареальное** взаимодействие не-

¹⁸ Например, в ряде славянских языков слова со значением **‘вкус’** (русс. *вкус*, украинск. *смак*, словенск. *okus*) под влиянием (иногда опосредованным) французского языка развили некоторые переносные значения: **‘чувство изящного, способность эстетической оценки’**. Белорусский язык для выражения этого значения заимствовал польское слово (восходящее к лат. *gustus*), а чешский — русское (*vkus*) при том, что были слова *chur’* (прямое значение, как в сочетании *вкус меда* и т.п.) и *žaliba* (в значении **‘склонность, влечение’**). В любом случае это сходства **ареального** происхождения.

¹⁹ Так, под влиянием немецкого письма в словенском, чешском, словацком, латышском языках порядковые числительные записываются арабской цифрой, после которой ставится точка (чтобы отличить от соответствующего количественного числительного), т.е. словенск. *1.lekcija=prva lekcija*, но / *lekcija=ena lekcija*.

²⁰ В частности, употребление «вежливого» *Вы* и соответствующих форм глаголов развилось в ряде славянских языков под французским влиянием.

родственных или отдаленно родственных языков ведут к ослаблению исконной генетической близости родственных языков и, следовательно, к отдалению, к растущей непохожести и поэтому непонятности родственных языков. Например, в словенском, чешском и отчасти словацком языках праславянские числительные, обозначающие «некруглые» числа после 20 (**21, 74, 95**), стали образовываться не по праславянской модели («название десятков + название единиц», ср. русск. *двадцать пять*), а по образцу немецких числительных: «название единиц+название десятков»: *petindvajset* (буквально: **‘5 и 20’**), *triinsedemdeset* (**‘3 и 70’**) и т.д. Если генетическая близость — это постепенно утрачиваемое, «истончающееся» общее наследство далекого прошлого родственных языков, то ареальные сближения могли происходить в самое недавнее время. В случае конвергентного развития определенных языков, черты **ареальной** близости могут усиливаться.

а Типологическое сходство и языковой тип

Если одинаковые или похожие явления в разных языках нельзя объяснить ни их родством, ни **ареальными** причинами, то остается самое общее, но и самое глубокое объяснение: наблюдаемое сходство языков обусловлено принципиальным единством **человеческой природы**. Такое сходство называется **типологическим**.

Типологическая общность языков обусловлена единством биологической и психической организации человека как вида *Homo sapiens*. У человечества общие биологические корни (род *Homo*) и общая **эволюция**, которая **100—75** тыс. лет назад дала толчок к выделению из рода *Homo* современного вида *Homo sapiens* и обусловила глубинное сходство его разных племен в последующем **социально-историческом** развитии человечества. Эта общая биологическая и психо-физиологическая основа сходств языков проявляется в ряде зависимостей между коммуникативно-интеллектуальными потребностями и возможностями человека и строением его языка. Такого наиболее общего и, так сказать, умеренного понимания природы типологического сходства языков (более конкретно см. в §§ 11—14).

Существует, однако, и более радикальное объяснение универсальных черт в языках мира: «универсальное ядро» языков — это не столько проявление общей природы человека, **сколько**

врожденные речемыслительные механизмы, «запрограммированные» в нейрофизиологии (в структурах мозга) человека на генетическом уровне. Идеи о врожденном характере глубинных категорий (или образов) сознания, восходящие к Платону (IV в. до н.э.), позже развивали Роджер Бэкон (1214—1292), Рене Декарт (1596—1650), Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716), Карл Густав Юнг (1875—1961), в наше время — Ноэм Хомский (США).

Типологический фактор сходства языков — самый широкий и общий. Его проявления носят множественный и вероятностный характер: это все те возможности устройства языка, которые «разрешены» природой человека. Среди них есть общие для **всех** языков и поэтому обязательные черты (это **универсалии**), но есть и явления, проявляющиеся статистически (т.е. не во всех, а только в ряде **языков**), и поэтому факультативные. Самый простой и легче всего выявляемый вид типологических сходств — это **типологическая закономерность**. Этим термином называют какое-либо сходство, наблюдаемое в нескольких (хотя бы в двух) неродственных языках и при этом не обусловленное контактами этих языков. Ниже приводятся примеры типологических закономерностей:

- в некоторых языках (литовский, шведский, китайский, японский и др.) ударение является **тоническим** (музыкальным);
- в некоторых языках есть **дифтонги**;
- в некоторых языках есть **аффрикаты**;
- в некоторых языках имена разделяются на классы (например, по роду, по **одушевленности—неодушевленности**, или **активности—неактивности**, **исчисляемости—неисчисляемости** и т.п.);
- в некоторых языках есть **определенные и неопределенные артикли**;
- в некоторых языках **синтаксическая функция имени выражается флексией** (т.е. имеет падеж);
- в некоторых языках **расположение слов в предложении является несвободным**;
- в некоторых языках значение **‘язык’** и значение **‘народ’** выражаются одним словом. В славянских языках этот семантический синкретизм слова **язык**, свидетельствующий о тесной связи понятий «язык» и «народ» в сознании людей, восходит еще к старославянским текстам. Он известен языкам различных семей: **индо-**

европейским (например, лат. *lingua*; см. Фасмер IV, 550—551, со ссылкой на А.Мейе и А.Вайяна), финно-угорским (причем не только финскому или венгерскому, но и коми, марийскому), турецкому, некоторым языкам Африки.

— в некоторых языках есть названия инструментов, приспособлений, механизмов, которые образовались на основе переносного (метафорического) употребления названий животных или представляют собой морфемные производные от названий животных.

Последняя из названных закономерностей настолько психологически **интересна**, что проиллюстрируем ее некоторыми лексическими параллелями: русск. *лебедка* от *лебедь*, *клещи* от *клещ*, *змеевик* от *змея*, *журавль* (вид колодца), *собачка* (спусковой механизм в огнестрельном оружии; приспособление, препятствующее обратному движению зубчатого колеса), *еж* (противотанковое зарядное устройство), *волчок* (игрушка), *ерш* (*щетка*), *жучок* (самодельный предохранитель электропробки; скрытое подслушивающее устройство), *червячная передача*, *гусеница* (танка), *быки* (опоры моста) и т.п., включая компьютерные термины: *мышь*, *вирусы*; немецк. *Kranich* — журавль, *Kran* — подъемный кран; немецк. *Hahn* — петух, кран, курок; франц. *grue* — журавль, подъемный кран; венгерск. *daru* — журавль, подъемный кран; венгерск. *gem* — цапля, журавль, стрела, стрелка, а *gemeskut* — колодец с журавлем; словенск. *petelnik* — петух, флюгер, кран, курок; венгерск. *kakas* — петух, курок, собачка; турецк. *horoz* — петух, курок, дверная защелка; венгерск. *kutya* — собака, вагонетка; турецк. *hortum* — хобот (слона), шланг; венгерск. *kigyó* — змея, *kigyókő* — змеевик.

Если в ряде языков наблюдаемое типологическое сходство охватывает большую серию системно связанных между собой явлений, то такие языки **можно** рассматривать как определенный **языковой тип**. Серии системных межъязыковых сходств существуют на разных языковых уровнях — фонологическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом и др. При этом языки, входящие, например, в один фонологический тип, могут быть далеки друг от друга по типу своего синтаксиса или стилистики. Поэтому в типологии не только возможен, но и необходим ряд различных типологических объединений (классификаций) языков. В этом существенное различие между типологическими и генеалогическими классификациями языков. В компаративистике родословная у

каждой языковой семьи одна (хотя она, конечно, может быть не вполне изучена, и поэтому могут сосуществовать, но как бы временно, альтернативные варианты генеалогической классификации языков). Иначе в типологии: один язык, с учетом устройства его отдельных уровней, может входить в несколько языковых типов. Поэтому типологические классификации языков строятся на принципиально разных основаниях (подробно см. §§ 16, 18).

9. Резюме §§ 6—8 в табличной записи

Рассмотренные различия между генеалогическими, ареальными и типологическими факторами и их следствиями в истории языков и языкознания суммированы в таблице 9.

10. Методологический экскурс: генеалогические, ареальные и типологические подходы в исследовании других гуманитарных объектов²¹

Различение генеалогического, ареального и типологического слагаемых в процессах и явлениях существенно для понимания не только языка, но и других самых разных гуманитарных (исторических) объектов. Вот некоторые параллели.

В психологических характеристиках человека существенны, во-первых, наследственность, а также другие биологические параметры человека — его постоянный признак (пол) и признак, закономерно меняющийся во времени (возраст); во-вторых, важна среда (что соответствует контактам и взаимовлиянию); в-третьих, принимается во внимание психофизиологический тип человека (холерик, сангвиник, флегматик, меланхолик).

В исследованиях мифологии, фольклора и литератур также возможны три рода объяснений сходств (а сходство разительное:

²¹ В теории познания гуманитарные, или исторические объекты (системы) противопоставляются естественным и техническим системам. Отличительная черта гуманитарных объектов состоит в неповторимости (уникальности) каждого из них, поскольку для гуманитарного объекта существенно его бытие в конкретном географическом и социальном пространстве.

Таблица 9. Три фактора, условия и следствия межъязыковых сходств

Фактор сходства / Условия и следствия	Генеалогический фактор (родство языков)	Ареальный фактор (средство языков)	Типологический фактор (типологическое сходство)
1. Внеязыковые условия сходства	Этническая (родоплеменная) общность народов, говорящих на этих языках	Длительное соседство и контакты народов, говорящих на этих языках	Принципиальная общность природы человека и его языка
2. Языковые условия сходства	Медленность языковой эволюции, сохраняющая элементы праязыка в языках-«потомках»	Конвергенция языков на основе массового двуязычия представителей разных языковых коллективов	«Стремление» языков к достижению (или сохранению) системно-структурной устойчивости в соответствии с природой человеческого языка
3. Динамика во времени некоторого корпуса (массива) сходных черт ряда языков	Уменьшается в направлении от прошлого к настоящему	Зависит от миграции и этнических контактов; при длительных контактах сходство возрастает	Типологическая отнесенность конкретного языка со временем может измениться; универсалии — панхроничны
4. Вид классификации (систематизации) языков	Генеалогическая классификация (родословное дерево); генеалогическая карта языков	Лингвогеографическая карта языкового (диалектного) континуума	Ряд построенных на разных основаниях типологических классификаций языков
5. Название класса (объединения) языков	Языковая семья	Языковой союз	Языковой тип
6. Раздел лингвистики, изучающий соответствующие сходства	Сравнительно-историческое языкознание (компаративистика)	Ареальная лингвистика, лингвистическая география	Типология языков, лингвистика универсалий

2/3 сюжетов в разных фольклорных традициях одинаковы): 1) общий генезис; 2) взаимовлияние культур; 3) общечеловеческий характер (т.е. определенное единство) психофизиологии и сознания людей любой расы или этнической принадлежности. Основные исследовательские школы различались по существу тем, какой из трех указанных факторов в истории фольклорно-мифологических представлений признавался главным. Так, **мифологическая школа** (у ее истоков стояли немецкие романтики братья Гримм, братья Шлегели, в России — Ф.И.Буслаев, А.Н.Афанасьев) объясняла сходство ранних форм словесности индоевропейцев тем, что она развилась из общей для этих народов древнейшей мифологии. **Миграционная теория** (еще ее называли теорией заимствования и теорией «бродячих сюжетов»; ее основоположником был немецкий филолог Т.Бенфей; в России «бродячие сюжеты» изучали А.Н.Пыпин, В.В.Стасов, В.Ф.Миллер, отчасти Александр Н.Веселовский). Сторонники миграционной теории рассматривали сходство фольклорных сюжетов и мотивов как результат контактов человеческих коллективов и взаимовлияния соседних культур друг на друга, приводившего к заимствованию сюжетов, т.е. к их перемещению в пространстве.

Антропологическое (или **психологическое**) течение (британские антропологи и этнографы Э.Тэйлор, Дж.Фрезер, российские филологи А.А.Потебня, Александр Н.Веселовский, фольклорист, диалектолог и этнограф Д.К.Зеленин) причину сходства в мифологии, фольклоре, а также в средневековых сюжетах разных народов видело в единстве человеческой психики. В русле этой школы была выдвинута теория *самозарождения сюжетов* — на основе сходных первобытных ритуалов и мифологических представлений. Психологическое объяснение общих черт фольклора было поддержано теорией «коллективного бессознательного» (**понятие**, введенное швейцарским психоаналитиком Карлом Густавом Юнгом). **По-видимому**, коллективное бессознательное существует в форме врожденных и универсальных (общечеловеческих) психических структур, которые Юнг называл **архетипами**²². Юнг посту-

²² Термин *архетип* ('первообраз', от греч. *arché* — 'начало' и *typos* — 'образ') был уже у Филона Александрийского, выдающегося семасиолога времен эллинизма (ок. 25 г. до н.э. — ок. 50 г. н.э.) — для обозначения протообраза, общей идеи ряда образов.

лировал наличие таких структур, как «я», «ть» (антипод, антагонист), «анима» (существо противоположного пола), «мать», «дитя», «мудрый старик», «герой», «самость» и некоторые другие (впрочем, «список» архетипов варьировался уже у классиков психоанализа, особенно при сближении архетипов и «комплексов» бессознательного²³). **Возможно**, именно такие генетически наследуемые и бессознательные психические образования мотивировали первые ритуальные телодвижения и жесты, которые становились опорой для формирования как мифологических представлений, так и языка.

Современная культурология, исследуя развитие сознания, не считает названные факторы взаимоисключающими. По-видимому, разные сходные явления и черты могут иметь разную природу — или общее происхождение, или взаимовлияние (**ареальный** фактор), или единство человеческой психики (типологический фактор), однако история сознания в целом — это результирующая **всех** названных сил.

Приведенные параллели говорят о том, что при исследовании гуманитарных объектов различать их генеалогические, **ареальные** и типологические аспекты и слагаемые методологически полезно.

²³ Ср. мысли и аргументацию В.Н.Топорова в связи с тезисом об «изоморфизме **пренатального** развития и таких мифопоэтических символов, как мировое древо, мировой столп, мировая нить, пуп и т.п., взятых в рамках мистической анатомии и физиологии», а также его исследования о психофизиологических основах ряда «поэтических комплексов» (например, моря); см. Топоров 1995.

ПРИРОДА ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СХОДСТВ

11. Универсальное в фонации и аудировании

Психофизиологические условия фонации (производства звуков речи) и аудирования (восприятия и распознавания звуков) в главном одинаковы для всех людей всех рас и этносов. Эти условия ограничивают репертуар **звукотипов** по ряду признаков: 1) разнообразие звуков и их сочетаемость определяются возможностями речевого аппарата; 2) звуки человеческой речи располагаются в определенном интервале частот (между инфра- и ультразвуками), доступных человеческому уху. Названные факторы, в частности, обуславливают следующие универсалии: число звукотипов (фонем) по языкам мира не меньше 10 и не больше **81**; в каждом языке есть два основных класса звукотипов — гласные и согласные (поскольку человек не в состоянии ни произносить, ни воспринимать речь, которая состояла бы из одних гласных или одних **согласных**); при этом в синтагматике гласные и согласные имеют тенденцию чередоваться (поэтому, в частности, самая распространенная в языках мира структура слога соответствует модели «**согласный+гласный**»). Подробнее см. § 87 («Фонетико-фонологические универсалии»).

12. Язык, речь и два вида памяти

Здравый смысл, а позже компьютерные аналогии подсказали психологам, что есть два основных вида памяти. Одна память — **долговременная** (постоянная), в ней откладывается язык и другая информация, нужная человеку в течение всей его жизни. Вторая память (**кратковременная**, или оперативная) непосредственно связана с внешним миром (через мгновенную сенсорную память), но также и с постоянной памятью. Оперативная память отвечает за удерживание и переработку информации в данном (текущем) коммуникативном акте — при порождении высказывания говорящим и восприятии сообщения **слуша-**

ющим. Долговременная память имеет огромный, видимо, практически неограниченный объем и работает неопределенно долго, между тем как в оперативной памяти поступившая информация удерживается (без повторения) всего около 12 секунд, а ее объем ограничен «магическим числом» 7 ± 2 (элементов **информации**)²⁴.

Информация, хранимая в долговременной памяти, должна быть четко структурирована — иначе механизмы мозга не смогли бы в считанные миллисекунды отыскивать в долговременном хранилище и посылать в оперативную память смыслы, нужные для текущего речевого акта. Главные закономерности устройства языков универсальны: языки имеют уровневое (иерархическое) строение и все языковые уровни организованы системно.

С «магическим числом» 7 ± 2 соотносимы многие важные количественные параметры в организации языка — такие, как среднее (по языкам мира) количество частей речи; среднее количество членов предложения; средняя длина высказывания (в устной речи); среднее количество слов в естественных лексико-семантических группах и словообразовательных гнездах; средняя длина синонимического ряда; среднее количество морфем в словах.

Пределы оперативной памяти и пороги человеческой психики в распознавании знаков определяют универсальную меру **избыточности** языков в передаче **сообщений**²⁵. Благодаря **избыточнос-**

²⁴ Солсо Р.П. Когнитивная психология / М.: Тривола, 1996. С. 153—154. В инженерной психологии имеются также и другие количественные оценки видов памяти: в сенсорной памяти информация хранится не более 1,5 секунд, в кратковременной — не более 30 секунд (Психологический словарь / М.: Педагогика-Пресс, 1996. С. 247).

²⁵ Проявления языковой избыточности разнообразны. В частности, в условиях возможной частичной «зашумленности» плана выражения сообщения, многие слова тем не менее могут быть распознаны. Ср. слова *инфля*, *девальва*, шуточные и не требующие перевода, в речи королевского министра финансов (в пьесе Евг. Шварца); слово *хохороны*, с вкрадшейся в телеграмму опиской и тем не менее правильно понятое (в рассказе А.Чехова), или написание *слува* без гласных: *нрзбр* в значении 'неразборчиво'. Избыточность проявляется также в дублировании наиболее важных языковых значений, что обуславливает **предсказуемость** отдельных компонентов сообщения. Это позволяет уже по началу (или обрывку) высказывания ... *вижу большого...* понять, что речь идет об одушевленном объекте (иначе было бы *вижу большой...*), мужского пола (иначе было бы *вижу большую...*) и именно об одном объекте (иначе было бы *вижу больших...*). Об универсалии, отображающей свойство избыточности естественных языков, см. в § 80.

ти слушающий, воспринимая сообщение, всегда в той или иной мере «предугадывает» (предсказывает с определенной вероятностью) появление следующих элементов сообщения, что создает «запас прочности» в передаче информации и делает языковое общение достаточно надежным.

В синтаксисе возможности оперативной памяти ограничивают среднюю «глубину» и «ширину» «дерева подчинения» в синтаксической структуре высказывания (см. рисунки на схеме 12)²⁶. За-

Схема 12. Деревья подчинения (графические схемы) четырех высказываний

Терминология связана с построением графических (изобразительных) моделей синтаксических структур. Глубина дерева подчинения определяется количеством «узлов» в цепочках последовательного подчинения. Так, в высказывании (а) *Встретил жену художника* глубина подчинения равна двум узлам (или двум уровням), а в высказывании (б) *Встретил соседа брата жены художника* глубина подчинения равна четырем узлам (см. рис. а и б). Ширина дерева зависит от количества подчиняющих и количества соподчинительных связей в предложениях. Так, в высказывании (в) *Встретил жену и дочку художника*, имеется один «куст» соподчинения *встретил*, шириной в два однородных дополнения (*жену и дочку*), а в высказывании (г) *Вчера неожиданно встретил возле студии жену, дочку и внучку художника* ширина увеличилась: от слова *встретил* зависит три обстоятельства и три дополнения (см. графические модели приведенных высказываний на схеме 12). Б.Ю.Норман на основе психолингвистических экспериментов показал, что при порождении высказывания говорящие (сами того не осознавая) строят высказывание так, чтобы **симметризовать**, уравновесить его глубину и ширину, что облегчает для слушающего понимание синтаксических отношений в воспринимаемой фразе. См. Норман 1994, 199—204.

кономерности в организации памяти, далее, вынуждают говорящих использовать один знак для передачи ряда значений — такова одна из **психо-физиологических** предпосылок полисемии (представляющей собой универсальное лексическое явление). Как заметил **Отто Есперсен**, язык, лишенный полисемии, превратился бы в лингвистический ад.

13. Универсальные закономерности речевого общения

Универсальная структура языкового акта, выявленная Клодом Шенноном и Романом Якобсоном (см. Якобсон [1960] 1975), позволили увидеть, что в любом высказывании должен присутствовать некоторый «обязательный минимум» информационно-коммуникативной ясности. В частности, в высказывании должны быть так или иначе обозначены такие базовые параметры коммуникативной ситуации, как указание на общую функцию (прагматику) высказывания (является ли оно приказом, вопросом, ответом или сообщением); как различие говорящего, слушающего и **не-участника** данного коммуникативного акта; как различие субъекта речи и субъекта действия (о котором сообщается); различие субъекта и объекта данного действия. В частности, замечено, что в самых разных языках высказывания, содержащие общий вопрос (требующий ответа *Да* или *Нет*), произносятся с повышением тона в конце (что связано с физиологическим напряжением голосовых связок говорящего, поскольку внутренне он еще не закончил коммуникацию — он ждет ответа). Таким образом, коммуникативно обусловленная физиологическая особенность вопросительных высказываний выступает как универсальный показатель вопросительной прагматики.

С постоянной необходимостью различать говорящего, слушающего и неучастника разговора связана такая **универсалия**, как существование в любом языке личных **местоимений**, причем с обязательным различием 1-го, 2-го и 3-го лица (т.е. адресанта, адресата и того, о ком (о чем) идет речь). С категорией лица (реализуемой в личных местоимениях и в личных формах глагола) связана также универсальная необходимость обозначить взаимоотношения между участниками-неучастниками речевого акта и субъектом действия (о котором говорится в высказывании): формы **1-го** лица указывают на совпадение субъекта речи с субъектом

действия; в глагольных формах 2-го лица представлены действия, которые совершает слушающий; 3-е лицо — формы для **действий**, которые совершает не-участник разговора.

Различение говорящего, слушающего и неучастника разговора представляет собой исключительно глубокую коммуникативно-психологическую универсалию. Неслучайно именно это различение лежит в основе главной жанровой оппозиции в искусстве слова — оппозиции лирики, драмы и эпоса.

Философский смысл универсальности личных местоимений состоит в необходимости для человеческого сознания различать категории **‘Я’ — ‘Ты’ — ‘Он’** (**‘Она’, ‘Оно’**). Этот смысл нашел отражение в философской этике выдающегося религиозного мыслителя XX в. Мартина Бубера, который одним из первых (наряду с М.М.Бахтиным) увидел **диалогическую** устремленность человеческого бытия. Его знаменитое сочинение, учившее видеть сущность человека в поиске диалога со своими ближними и дальними, имело характерное «местоименное» заглавие — «Я и Ты» (1922).

Фундаментальная значимость оппозиций «Я» — «Ты» — «Он», «Я» — «Другой» влияла также и на развитие лингвистических идей. Как пишет Н.Д.Арутюнова, «концепция Другого ввела в фокус изучения следующие три круга явлений: 1) семиотизацию личности — ее речевых и поведенческих проявлений; 2) самопознание через **диалогизацию** внутреннего мира и превращение субъекта сознания в объект познания; 3) поляризацию своего и чужого (сферы Эго и сферы Другого)» (Арутюнова 1998, 648 — 649).

14. Антропоморфность языковой картины мира и «психологическое единство человечества»

В семантике естественных языков запечатлена в основном та картина мира, которая была доступна человеческому сознанию во время формирования грамматического строя языка и его древнейших лексических пластов. Вот как об этой картине мира писал Эдвард Сепир: «Дело как будто бы обстоит так, что в какую-то давнопрошедшую эпоху несознательный ум племени наспех проинвентаризировал свой опыт, доверился этой скороспелой классификации, не допуская пересмотра, и наделил наследников своего языка наукой, в которую они перестали всецело верить, но которую не в силах опрокинуть. [...] Категории языка образу-

ют систему пережившей себя догмы, догмы бессознательного» (Сепир [1921] 1993, 100).

Картина мира, запечатленная в естественных языках, увидена глазами человека, услышана его слухом, осмыслена его еще **дописьменным** и поэтому наивным сознанием. Человеческое зрение, слух, обоняние уже не были так остры, как у зверей и птиц, однако еще и не были усилены приборами. Сознание еще не осложнялось требованиями логики, математическими представлениями о точности и мере; еще не была так развита способность человеческого ума к саморефлексии. В эпоху формирования языка сознание человека в значительной степени носило мифологический характер: оно легко отождествляло часть и целое, предмет и имя предмета; смешивало предшествование во времени и причину, причину и следствие, цель и средство, похожее и тождественное, живое и неживое.

Мифопоэтические представления древнего человека основывались на архетипических смысловых структурах, составлявших «коллективное бессознательное» социума (К.Г.Юнг). Вполне вероятно, что архетипы имеют врожденный и общечеловеческий характер. Вот почему в семантических **структурах** самых разных языков так много схожего.

Ярким примером антропоморфного видения мира могут служить обозначения частей рельефа: в самых разных языках соответствующие названия восходят к названиям частей тела человека, ср.²⁷ : **горный хребет**, устье и рукав реки, подошва и подножие горы, перешеек, губа **‘название морских далеко вдающихся в сушу заливов и бухт на севере’** (напр., *Обская губа, Онежская губа*), бровка **‘край канавы, кювета или обочины дороги’**, жерло (родственно слову *горло*) *вулкана*, *обочина* (от *бок*), *нос* (обозначение мыса в географических названиях на севере Евразии, например, *Канин нос*); ср. также в географических названиях: *Лысая Гора, Морское Око* (польск. *Morskie Oko* — озеро в Татрах); **англ. ridge — гребень** горы и хребет; *mouth* — рот, уста; устье (реки); вход (в гавань, пещеру, шахту); *foot* — **ступня**, нога; основание, опора, подножие, подошва; *arm* — рука, *arm of a river* — рукав реки; **eye** — глаз, око; устье шахты; **neck** — шея; перешеек, коса, узкий пролив; **head** —

²⁷ В иллюстрации ограничимся примерами из русского и английского языков.

голова; мыс; исток реки; *head of a mountain* — вершина горы; *back* — спина; гребень (волны, холма); *throat* — горло, глотка; узкий проход, узкое отверстие, жерло вулкана; *brow* — бровь; выступ (скалы), кромка уступа, бровка.

Рассмотренная метафоричность — явление не только широко распространенное, но и живое, продуктивное. Например, относительно недавно в разных языках слова со значением 'легкое (орган дыхания)' развили значение 'массивы зеленых насаждений; парки, скверы', ср. русск. *легкие города*, англ. *the lungs of London* и т.п.

Наблюдая подобные антропоморфные метафоры, один итальянский автор XVIII в. заметил: «Невежественный человек делает себя мерилom Вселенной» (Цит. по работе Ульманн 1970, 277). Для современного слуха эти сближения, скорее, трогательны и человечны — как сказки детства или бабушкины поговорки.

Первоисточник рассмотренной антропоморфной топографии лежит в космогонической мифологии. Согласно древнейшим индоевропейским мифам, творение мира происходило по воле (слову) Бога-демиурга Брахмы: разделялись земля и небо, первоначально слитые в мировом яйце; мир создавался из огромного тела первочеловека и *первожертвы Пурushi*²⁸, с множеством глаз, голов, рук, ног. Части тела Пурushi становятся основными элементами мироздания: его дух стал *луной*, *глаз* — солнцем, *дыхание* — ветром, пуп — воздушным пространством, голова — небом, ноги — землей, *уста* — священной рекой Индрой и огнем... Таким образом, мифологическая картина творения представляла собой цепь уподоблений: элементы макрокосмоса (небо, *земля*, вода, ветер, *солнце*, горы, *реки*...) осознавались как элементы *микрокосмоса* — тела мифологического существа («первожертвы»), из частей которого и был создан мир (Елизаренкова, Топоров 1984).

По-видимому, образно-метафорическое уподобление мира телу человека формировалось одновременно и в мифопоэтических представлениях древности и в семантике языка.

Метафорический строй мифологии надолго закреплял и делал более частым, продуктивным древний способ осознания действительности человеком: на основе образного видения предме-

²⁸ На ведийском языке это слово означало 'человек' и было образовано от глагола со значением 'наполнять'. Пуруша выступает как материальный «заполнитель» вселенной (В.Н.Топоров).

тов и естественной свободы переносно-образного употребления слов. В итоге складывались, во-первых, универсальные модели семантического развития слов (метафора, метонимия, синекдоха м т.п.) и, во-вторых, одинаковое или сходное смысловое наполнение образных структур мышления. Так, в разных языках наблюдается метафорическое или метонимическое уподобление молодости и любви весне и цветению, смерти — сну или покою, битвы — пиру или жатве, неба — шатру или крыше, речи — течению реки, ума — голове, речи — гортани или горлу, начала — семени или корню, знания или разума — свету, книги — засеянному полю, наставника — сеятелю, поэта — пророку и т.д. Ср. также распространенные в разных языках зооморфные символы мифопоэтического происхождения: змея как символ мудрости или коварства, волк — свирепости, ягненок — кротости, лиса — хитрости или мудрости, пчелы и муравьи — трудолюбия и т.д.

НАПРАВЛЕНИЯ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

15. Классы типологических сходств: типологическая закономерность, языковой тип, лингвистическая универсалия, лингвистическая фреквенталия

Типологические сходства языков не только многочисленны, но и разнообразны. В основу их систематизации могут быть положены два дифференцирующих признака: 1) степень распространенности данного явления в языках мира и 2) атомарный или системный характер наблюдаемого сходства.

В зависимости от степени распространенности различаются несколько видов типологических сходств. **Типологическая закономерность** — это сходство (негенеалогического и **неареального** происхождения), которое наблюдается хотя бы в двух языках. Но обычно к типологическим закономерностям относят сходства более широкого распространения, т.е. наблюдаемые в целом ряде языков. Примеры типологических закономерностей приведены в § 8.

Интересным примером широкой типологической закономерности могут служить обозначения зрачка. По данным **Ч.Тальявини (C.Tagliavini)**, во многих языках, в том числе в 20 очень далеких неиндоевропейских языках (например, в **суахили**, саами, китайском, японском, коми, самоанском, древнеегипетском, древнееврейском), а также во многих индоевропейских (включая древние **языки** — санскрит, древнегреческий, латынь) обозначение зрачка восходит к слову со значением 'человечек' или 'женщина, девочка' (Ульманн [1961] 1970, 275). Ср.: словенск. *punčica* — 'девочка, зрачок'; англ. *pupil* — 'ученик, воспитанник, малолетний; зрачок' и т.д. Если в английском, немецком, словенском данный перенос, возможно, связан с влиянием других языков (ср. лат.

pupilla — 'девочка, куколка; зрачок, зеница'), то отмеченное в Словаре Даля значение 'зрачок' в словах *человечек* и *мальчик*, по-видимому, возникло «само собой» — в силу типологической возможности вот **так** обозначить зрачок¹.

В отличие от типологических **закономерностей**, для лингвистических **универсалий** характерна максимальная степень представленности соответствующего явления в языках мира — в принципе, во всех языках. Впрочем, рядом с универсалиями иногда выделяют еще два близких класса типологических сходств: **почти-универсалии** (или **статистические универсалии**) — это универсалии, для которых известно один или два языка-исключения (см. также § 82); под **фреквенталиями** (от лат. *frequens* — частый) понимают типологические явления, широко распространенные по языкам мира: **фреквенталии** встречаются в меньшем числе языков, чем это характерно для универсалий, но все же чаще, чем просто типологические закономерности. Таким образом, различия между четырьмя классами типологических сходств носят градуальный характер.

В познавательном плане различия в распространенности типологических сходств представляют большую ценность. Очень существенна для понимания языка относительная, или сравнительная частотность сопоставимых явлений. **Так**, из двух видов ассимиляции — прогрессивной (звук уподобляется своему **левому** соседу, например, палатализация заднеязычных в праславянском под влиянием предшествующих передних **гласных**²) и регрессивной (уподобление **правому** соседу, например, произнесение русск. *ладно* как [л^{ан}на]) — в языках мира значительно чаще встречается именно регрессивное уподобление. Это связано с неосознаваемым стремлением **говорящего** как бы забежать вперед, опережая или предвосхищая развертываемую речь; в результате артикуляция «следующего» звука начинается слишком **рано**, «не дожидаясь своей очереди», и тем самым влияет на артикуляцию звука, произносимого в данный момент. Таким образом, факты, говорящие о разной частотности двух звуковых **явлений**, проливают дополнительный свет на закономерности фонации.

¹ Даль поясняет: «Потому что в чужом зрачке видишь себя, будто бы в толстом зеркале» (т. IV, с. 588).

² Процесс известен как III (Бодуэновская) палатализация заднеязычных: ст.-слав. *къназь* (восходит к прагерманск. * *kuningaz*), *ЗЕРЦАЛО* (из * *zerbkalo*) и т.п.

К типологическим сходствам рассмотренных трех видов (типологические закономерности, универсалии и **фреквенталии**) относятся языковые факты или черты, которые носят преимущественно атомарный, изолированный характер. В отличие от них, для понятия **языковой тип** существенны именно с и с т е м н о связанные типологические закономерности, позволяющие строить типологические классификации языков. Понятно, что сама идея классификации языков предполагает не универсальный, но групповой характер тех закономерностей, которые являются основанием для выделения языковых типов и групп языков.

16. Основные направления типологических исследований

Классы типологических сходств, рассмотренные в § 15, определяют структуру предмета той области языкознания, которую называют «типология языков и лингвистика универсалий» или, несколько общо и поэтому менее точно, «типологические исследования». Основным видам типологической общности языков соответствуют определенные направления типологических исследований. Противопоставление типологии языков и лингвистики универсалий (главное в данной исследовательской области) соответствует двум основным оппозициям при систематизации возможных сходств языковых явлений: 1) различению системных и несистемных (атомарных, изолированных) сходств; 2) различению универсальных и неуниверсальных сходств. Типология языков исследует системные и групповые (неуниверсальные) сходства; лингвистика универсалий занята универсальными сходствами языков, не связывая непосредственный поиск универсалий с вопросом об их системных связях.

В собственно типологической сфере есть два основных раздела: структурная типология языков и социальная типология. В структурной типологии основные направления исследований различаются, во-первых, в зависимости от того, какие уровни языковой структуры являются непосредственным предметом изучения, и, во-вторых, в зависимости от количества анализируемых языков и некоторых специальных аспектов их типологического изучения. В зависимости от изучаемого языкового уровня (или его подсистемы) различают следующие направления типологических исследований: типология звуковой организации языков (см. §§ 20—25), морфологическая типология (§§ 26—29), синтаксическая (§§ 26—32), лек-

сическая (§§ 33—38). Внутри названных областей существуют свои подразделения: например, в сфере типологии звуковой организации — разделы о сегментных (линейных) средствах: типология фонологических систем и подсистем (§ 20); типология слоговых структур (§ 22); в разделах о **супraseгментных** средствах — типология ударения и интонации (§§ 23—24); в сфере синтаксиса — типология выражения **субъектно-объектных отношений** (это основной предмет контентивной типологии, см. §§ 31—33), типология порядка слов (§§ 34—36) и т.д.

Основные направления в социальной типологии определены главными объектами социолингвистических исследований: коммуникативные типы языков (§§ 43—52); типология языковых ситуаций и языковой политики (§§ 55—61, 66—79); типология литературных языков (§§ 53—54).

В зависимости от количества анализируемых языков в рамках типологии существует различие между общей типологией (ее предметом являются все и любые языки) и типологией отдельных групп языков или даже 2—3 языков. Примером типологического исследования групп языков могут быть классическая статья А.В.Исаченко о типологии лексических систем в славянских языках (Исаченко 1958); книга Г.А.Цыхуна о морфолого-синтаксических инновациях **в языках** балканского языкового союза (Цыхун 1981); исследование Н.В.Солнцевой и В.М. Солнцева о языках, объединенных прежде всего типологически, но также и географически, — об изолирующих языках Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (Солнцева 1985, Солнцев 1995) и др. Легко видеть, что предметом типологического изучения могут быть группы языков, объединенные на **разных** основаниях: генетического родства, типологической общности, географической близости.

В типологической литературе иногда считают отдельным исследовательским направлением лингвистическую **характерологию**. Такие исследования стремятся не столько к классификациям языков, сколько к тому, чтобы понять «характер» изучаемых языков — путем создания их планомерных характеристик, которые строятся с учетом ряда предварительно отобранных типологически весомых черт или признаков (см. § 18).

Типологическое изучение 2—3 языков составляет предмет и методологию **сопоставительного** языкознания. Эта область типологии наиболее непосредственно связана с практикой преподава-

ния неродных языков (см. § 94). При типологическом изучении близкородственных языков иногда целесообразно сосредоточиться только на различиях между языками — тогда своеобразие языков выступает особенно рельефно. Такие исследования называют **контрастивными**. Впрочем, нередко термины **контрастивный** и **сопоставительный**, а также **конфронтативный** употребляют как равнозначные (см. Ярцева 1981).

Наконец, для типологии языков, как и для всей лингвистики, значимо противопоставление синхронии и диахронии. По мере углубления в предмет исследователи приходят именно к диахроническим проблемам типологии (см., например, Гухман 1981, Климов 1983; о связи типологии и истории языков см. § 93; см. также Якобсон 1963).

17. Исторический экскурс: сопоставительная фонология в трактате черноризца Храбра «О писменех» (конец IX — начало X в.)

Первые шаги в сопоставительном изучении языков обычно сопутствовали практической встрече с миром чужого языка — при устных и письменных переводах, при адаптации заимствованного письма к звучанию своего языка или в условиях учебного («школьного») двуязычия.

Первое у славян сочинение о языке, принадлежащее «золотому веку» славянской письменности, носило отчетливо сопоставительный характер. Оно доказывает преимущества глаголического письма в сравнении с записью славянской речи греческими буквами «без устроения» (такая запись, одними греческими буквами, существовала на территории Первого Болгарского царства по крайней мере с начала IX в.). Автор называет обычные славянские слова, звучание которых нельзя передать одними греческими буквами: «Но как можно хорошо написать греческими буквами: «бог» или «живот», или «зѣло», или «црькы» или «чаание», или «широта», или «юдь», или «жд», или «юность», или «азык» и иные подобные этим (слова)»³. В каждом из перечисленных слов имеется буква, которой не было в греческой азбуке; таким обра-

³ Цит. в переводе Б.Н.Флоря по изданию: Сказания о начале славянской письменности. М.: Наука, 1981. С.102.

зом, новоизобретенные буквы, представленные в перечне, обозначали именно те звуки, которыми славянский язык отличался от греческого: *Б, Ж, С* («зѣло»), *Ц, Ч, Ш, М*, («йотированный юс малый»), *Ж* (юс большой), *Ю, Я*. Легко видеть, что слова даны в алфавитном порядке новоизобретенных букв. Это говорит о продуманности аргументации и о письменном («кабинетном») происхождении сочинения.

Автор апологии, «черноризец» (монах) Храбр, — самое загадочное имя среди болгарских книжников IX—X вв. Допускали, что Храбр — это псевдоним, под которым могли выступать Климент Охридский, экзарх Иоанн, Наум, брат царя Бориса Дукс; особенно часто в этой связи называли царя Симеона (составителя знаменитого «Изборника»).

В последующие века с распространением кириллицы апология Храбра стала пониматься более широко: как защита и прославление славянского письма вообще. Сочинение было очень популярно в допетровской Руси и поэтому сохранилось в рекордном для светского произведения количестве списков (более 80); оно входило в первые печатные буквари (Ивана Федорова и Василия Бурцева).

18. Типологические классификации и характерология языков

Понятие «языковой тип» (как эмпирический класс языков и как мысленный конструкт, т.е. как знание о наборе признаков, релевантных для языков данного класса, см. § 2) является центральной категорией лингвистической типологии.

В XIX в. понятие «языковой тип» (в качестве класса, объединения языков, обладающих комплексом внутренне взаимозависимых сходных черт) мыслилось как основная классификационная категория лингвистической типологии, а общая совокупность языковых типов — как классификационная сеть или схема, которая в принципе должна охватывать все многообразие языков мира. Однако, по мере расширения круга наблюдаемых языков и обращения не только к морфологии, но и к другим уровням языковой структуры, идея единой типологической классификации языков (т.е. собственно разнесения языков по классам) становилась все более нереальной. Последняя по времени (1921 г.) и самая совершенная общая типологическая классификация языков

была разработана выдающимся языковедом XX в. Эдвардом Сепиром в его книге «Язык. Введение в изучение речи»⁴. В основе это морфологическая классификация, но улучшенная: многопризнаковая, гибкая и поэтому как бы объемная, однако далеко не «всеобъемлющая» систематизация — в сводную таблицу включен 21 язык (см. Сепир [1921] 1993, 134).

Современная типология, сохраняя в качестве важнейших типологических категорий представления, выработанные еще основателями типологии, — «аналитический тип языка», «синтетический тип», «агглютинация», «фузия» и т.д., — отказалась от **идеи одной** и общей типологической классификации языков. Стало очевидно, что только одной типологической классификации (например, морфологической) мало, поскольку на разных языковых уровнях имеются свои типологически значимые черты, не зависящие от строения других уровней языка. Поэтому, помимо морфологической классификации, потребовались **разные** другие классификации языков: в зависимости от типа фонологической системы, характера ударения, типа синтаксиса, типа лексикона, характера словообразования, функционального (коммуникативного) профиля языка, типа нормативно-стилистического уклада языка (в типологии литературных языков) и т.д.

Изменилось и понимание языкового типа. Стало очевидно, что не существует языков, которые можно было бы рассматривать в качестве «чистых», «сто процентных» представителей того или иного типа. Любой язык — это более или менее «типичный представитель» «своего» типа. Поэтому сама категория «языковой тип» (аналитический тип, синтетический, агглютинация и т.д.) стала трактоваться иначе: не как ячейка в классификации, а как одна из возможных идеальных (мысленных) схем устройства языка (или некоторого уровня языка); эта схема создается на основе изучения ряда языков в качестве их обобщенного и, разумеется, отвлеченного образа и далее применяется (как бы «примеривается») к отдельным конкретным языкам (Теоретические основы 1990, 4). В результате типологи не только перешли от поисков **одной** типологической классификации **к ряду** классификаций, но и стали иначе видеть отдельные классификации: не столько как

⁴ Первое русское издание книги вышло в 1934 г.; второе — в 1993 г., см. Сепир [1921] 1993.

схемы с четкими границами между клетками-рядами, сколько как языковой **континум**, т.е. ряд языков, в котором наблюдается плавное нарастание одних признаков и уменьшение других (например, в направлении от «полюса» синтетизма к «полюсу» аналитизма; см. §§ 27, 29).

Трудности типологической классификации все чаще приводят к тому, что вместо классификаций языков составляют перечни их типологически значимых черт. В результате возникают как бы типологические «характеристики» **составляемых** языков. Это направление (или жанр) типологических исследований называют **характерологией языков**⁵. В виде типологических характеристик или перечней типологически значимых черт чаще всего предстают результаты исследований по типологии лексических систем, литературных языков, языковых ситуаций, т.е. наиболее сложных, многопризнаковых лингвистических феноменов.

19. Методологический экскурс: принципы характерологии в исследовании гуманитарных объектов

Трудности типологической классификации языков объективны и в принципе непреодолимы: они связаны с тем, что языков много, они очень различны и, главное, обладают сложным внутренним строением, так что в любом языке имеется целый ряд типологически существенных признаков и они не сводимы к некоторым исходным типологическим чертам. Именно поэтому исследователи отказываются от типологических классификаций, предпочитая им типологические характеристики языков.

Сходная картина наблюдается при исследовании некоторых других сложных гуманитарных объектов — таких, как религии и конфессии; темпераменты (типы психической организации человека — сангвиник, холерик и т.п.); **идеолого-художественные** направления-стили (барокко, романтизм и т.п.); политические и государственно-избирательные системы и нек. др. При типологи-

⁵ Термин *характерология* предложил в 1928 г. выдающийся чешский языковед, один из основателей Пражского лингвистического кружка, Вилем Матезиус в работе «О лингвистической характерологии (на материале современного английского языка)»; недавно опубликован ее русский перевод (см. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. **Контрастивная лингвистика**. М.: Прогресс, 1989. С.18—26.).

ческом изучении подобных объектов жестким оппозициям предпочитают пространства-континуумы, классификациям — характеристики, основанные на предварительном определении типологически существенных черт изучаемых объектов; при этом во внимание принимаются все группы факторов, создающих характерологию отдельных объектов (что в общем, отвлекаясь от различий в терминах, соответствует генетическим, **ареальным** и типологическим факторам в судьбах языков).

В частности, религиоведение, видя многообразие религий и конфессий и отмечая бесспорное взаимовлияние и преемственность в истории отдельных религий, вместе с тем давно признает, что ни единая родословная, ни стадияльная типология, ни тем более таксономические классификации не могут быть адекватным представлением религиозно-конфессионального разнообразия человечества.

Плодотворными оказываются иные подходы: выдвигание типологически значимых для религиоведения признаков и характеристика конкретных религиозных систем с точки зрения наличия и далее степени и характера проявления тех или иных признаков (например, таких, как политеизм — теизм — монотеизм; отношение к чуду; наличие и характер мистического компонента; соотношение эзотеризма и **экзотеризма**; соотношение черт, характерных для религий Культа, и черт, характерных для религий Писания; характер эсхатологических представлений; отношение к свободе воли верующего и т.д).

ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ И ПРОСОДИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

20. Вокалические и консонантные языки

История типологии сложилась так, что ее первым объектом стала грамматика, способы выражения грамматических значений и в особенности морфология слова. Поэтому первые типологические классификации назывались **морфологическими**.

. Типология звуковой организации языков возникла в XX в. Ее пионерами стали ученые Пражского лингвистического кружка (Алпатов 1998, 183—184). Еще в 1922 г. **Богумил** Гавранек представил Международному конгрессу «по фонетическим наукам» доклад «О фонологической географии». В 1935 г. Владимир **Скаличка** опубликовал результаты сопоставления чешской и венгерской фонологических систем (есть русский перевод работы; см. **Скаличка** 1967). Благодаря достижениям структурной фонологии (прежде всего работам Н.С.Трубецкого), типологические исследования звуковой организации языков развивались быстро и успешно. В силу относительной простоты организации звукового уровня (в сравнении с морфологией, синтаксисом или тем более лексикой), в типологической фонологии распространены и вполне информативны классификации фонологических систем (а не только их типологические характеристики).

Наиболее общим противопоставлением фонологических систем является различие систем, в которых число гласных превышает их среднее (по языкам мира) количество, и систем, в которых число согласных превышает средние показатели. В силу **артикуляционно-физиологических** причин, в языках мира гласных звукотипов в целом меньше, чем согласных. Поэтому даже в максимально вокалических языках количество гласных все-таки ред-

ко превышает 50% от общего числа фонем, в то время как количество согласных в консонантных языках может достигать 98% всего фонемного инвентаря.

Ярким примером предельно вокалического языка может служить датский язык, в котором гласных (включая дифтонги) даже больше, чем согласных (23 гласных при 20 согласных, т.е. 53,5% от общего количества фонем). К вокалическим языкам относятся также английский, немецкий, французский, причем французский язык, в сравнении с другими романскими языками, имеет самый ослабленный консонантизм. В класс консонантных языков входят большинство славянских языков, арабский язык, иврит, персидский, почти все иберийско-кавказские языки, «атлантичская» группа индейских языков (языки коренного населения Северной Америки) и др.

Самые консонантные из славянских языков — польский и русский. По подсчетам А.В.Исаченко, в польском языке согласные составляют 87% фонем, в русском — 82% (Исаченко [1939—1940] 1963, 115). Радикально вокалические славянские языки — это словенский, сербский, хорватский и кашубский (гласные составляют около 50% от общего числа фонем)¹. Из двух восточнославянских языков — белорусского и русского — белорусский в большей мере вокалический язык, что связано с наличием полугласного [ў], выступающего как аллофон фонем <в> и <л>: [траўка], [воўк] в соответствии с русск. [тра́вка], [волк].

Для оценки степени вокаличности языка существенно учитывать соотношение гласных и согласных не только в «списке» (в парадигматике), но и в речевой цепи (в синтагматике). Так, по данным В.Г.Гака, в парадигматическом плане французская фонология носит значительно более вокалический характер, чем русская, однако в синтагматике эти различия существенно меньше (Гак 1977а, 35). Ср. таблицу 20.

¹ В «Исторической типологии славянских языков» (Киев, 1986) количественное соотношение вокализма—консонантизма иное (что связано с разной методикой выделения считааемых единиц), однако общая картина достаточно сходна (см. Историческая типология 1986, 33–35).

Таблица 20. Различия между парадигматической и синтагматической вокаличностью французского и русского языков

Языки \ % гласных	В парадигматике	В синтагматике
Французский	43 %	45 %
Русский	12 %	43 %

Если сопоставить белорусскую и русскую речь по насыщенности гласными (а также сонорными), то заметно, что в белорусском доля согласных меньше, чем в русском. Этому способствуют не только полугласный [у] и ряд фонетических упрощений в окончаниях (ср. белорусск. *цягне*, л/, *новы* в соответствии с русск. *тянет*, *пей*, *новый*), но и некоторые синтагматические тенденции в белорусской фонетике. Например, перед «трудными» сочетаниями согласных в начале слова или внутри таких сочетаний развиваются гласные «прокладки» или приставные звуки: *рубель*, *журавель*, *бабёр*, /мгла ('мгла'), *аржаны* ('ржаной'), /мша ('месса'), *ільгота* ('льгота'); ср. также белорусское диалектное произношение [Пб-лацак]. В ряде случаев в белорусском языке сохраняются беглые гласные, в то время как в русском в тех же позициях гласные не произносятся (ср. современные формы косвенных падежей от др.-русс. *ротъ* и ровь: белорусск. *у роце*, *у рове* — русск. *во рту*, *во рву*). Белорусский предлог-приставка, восходящий к праславянск. **въ*, в отличие от русск. *в*, отнюдь никогда не оглушается, но, напротив, превращается в гласный [у] или полугласный [ў]; если же согласный [в] и сохраняется, то он обрастает вокалическим «окружением» (*ува мне*, *уваход*, *ва універсітэце* и т.п.).

Насыщенность речи гласными (а также сонорными) создает впечатление «звучности», «мелодичности», «певучести» языка. Отчасти с впечатлениями такого рода бывают связаны мнения о разной эстетической ценности тех или иных языков, их неодинаковой «пригодности» для пения, декламации или стихосложения.

Вспомним знаменитые слова Ломоносова о главных европейских языках: *великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского...* (из предисловия к «Российской грамматике» 1755 г.). В значительной мере эти характеристики основаны на «суммарных» акустических впечатлениях,

обусловленных соотношением в речи гласных и согласных, сонорных и шумных, звонких и глухих или даже «гладкого» [л], «рычащего» [р], «шероховатых» [ш] и [х].

21. Распространенные и редкие классы звуков

Сведения о том, что в языках мира встречается часто и, следовательно, может считаться «типичным», а что — редко и, следовательно, «нетипично», было бы логично дополнить сведениями о том, что в языках мира имеется всегда, т.е. является обязательным для любого языка, а что представляет собой редчайший случай, экзотизм. Лингвистическая информация такого рода и является целью типологических исследований языков. Однако эта информация оказывается распределенной между двумя направлениями типологических исследований: в поле зрения собственно типологии оказываются закономерности, которые встречаются «довольно часто» и «довольно редко», в то время как лингвистика универсалий занята поиском того, что встречается «всегда» или «почти всегда» (за редчайшим исключением) или не встречается «никогда» или «почти никогда» (что предполагает обязательность некоторого противоположного или обратного явления). Таким образом, данный параграф 21 ограничен констатациями, которые сопровождаются **словами-кванторами**² «часто», «иногда» или «редко», т.е. информацией о типичном и нетипичном, однако для полноты типологической картины этот параграф должен быть дополнен (а лучше бы — предварен) информацией о тех явлениях в фонетике-фонологии, которые характеризуются с помощью кванторов «всегда» и «никогда». Об этом говорится в § 95 («Фонетико-фонологические универсалии»).

Итак, чтобы увидеть типологически типичное в фонетико-фонологической организации конкретного языка, необходимы представления о сравнительной распространенности того или иного явления. Существенно, в частности, что сонорные и взрывные

² Кванторы (лат. *quantum* — ‘сколько’) — логические операторы (эквиваленты слов *все, каждый, некоторый, никакой, существует* и т.п.), введение которых дает **количественную** характеристику той области предметов, к которой относится данное выражение. **Кванторная** символика используется при стандартной записи лингвистических универсалий (см. Успенский 1965; Языковые универсалии 1969).

звуки существуют в любом языке, а шумные фрикативные (у восточных славян это звуки <з>, <ж>, <х> и др.) и аффрикаты (вроде русск. <ц>, <ч> или белорусск. <дз'>, <ц'>) могут отсутствовать, при этом аффрикаты — класс более редкий, чем фрикативные звуки. Не случайно, например, в праславянском языке аффрикаты, как и шипящие фрикативные <ш> и <ж> — это достаточно поздние звуки, возникшие в результате палатализации заднеязычных <г>, <к>, <х>. Носовые **согласные** (хотя бы один из них) есть в любом языке, в то время как носовые **гласные** встречаются значительно реже — примерно в 22 % языков, при этом количество носовых гласных никогда не превышает количество чистых (**неносовых**) гласных³. Все гласные способны образовывать слог, но только немногие согласные в отдельных языках являются слоговыми (обычно это самые звучные из согласных — плавные сонорные <г> и <л>, реже — носовые сонорные <т> и <п>).

Редкие звуки — это звуки или сложной, «громоздкой» артикуляции, или звуки, в образовании которых участвуют наиболее глубокие, «внутренние» зоны речевого аппарата. Выше были названы те классы редких звуков, которые могут служить примером «тяжелой» артикуляции: аффрикаты сочетают в себе фрикативную и взрывную артикуляции; носовые гласные образуются сочетанием вокальной (ротовой) и консонантной (носовой) артикуляций; произнесение слоговых согласных требует особой мускульной напряженности речевого аппарата и сильного воздушного толчка, что нетипично для сонорных.

Примером звуков, которые артикулируются на периферии речевого аппарата, могут быть **надгортанниковые (эпиглоттальные)** фрикативные согласные, образуемые трением воздуха о напряженный надгортанник. Эти звуки известны в семитских и кавказских языках — например, глухой арабский звук [x], напоминающий, по характеристике **А.А.Реформатского**, «сдавленный шепот» (Реформатский 1967, 174).

Редкость некоторых звуковых классов связана с тем, что нетипичным является сам принцип артикулирования звука. Например, говорение в подавляющем большинстве случаев происходит на **выдохе**, однако в готтентотских и бушменских языках⁴ рас-

³ В базе данных, насчитывающей 700 языков (An Encyclopedia of Language / Ed. by N.E.Collinge. London - New York, 1990. P. 299).

⁴ Составляют койсанскую макросемью языков Африки.

пространены согласные, которые произносятся без выдоха, — напротив, в их артикуляции есть движения, напоминающие вдох или сосание. Это так называемые *щелкающие* согласные (их еще называют *недыхательными*, *всасывающими*, или *кликсами*, от англ. *click* — *щелкать*)⁵.

22. Типы звуковых цепей и строение слога.

Слоговые и неслоговые (фонемные) языки

Звуковая неповторимость отдельного языка создается не столько составом фонем и аллофонов, сколько их частотностью и характерными цепочками звуков в границах слога. Эти особенности издавна подмечались людьми. По-видимому, в каждом языке или диалекте есть шутливые речения, анекдоты или прибаутки, пародирующие речь ближних или дальних иноязычных *соседей*⁶. Самые меткие из таких наблюдений в сгущенном (и потому смешном) виде представляют особенности именно синтагматического характера: типичные звуковые цепочки чужой речи.

В сборнике Даля «Пословицы русского народа» (1861—1862) есть такая приговорка: *Штуки-шпеки. Немецки человеки*. Значительно позже в учебниках по русской лексикологии будет сказано, что начальные сочетания *шт*, *шп* — это яркая примета заимствований из немецкого языка... Кто хотя бы раз слышал чешскую и польскую речь, не* ошибется, о ком такие, например, шуточки: *Не стрч прст прз крк* или *Не пепшь вепша пепшем бо пшепепшишь*. Маяковский в «Бане» так пародировал английскую речь: *Дед свел в рай трам из двери в двери лез и не дошел туго* и т.д. В харак-

⁵ Именно эти звуки так поразили когда-то И.А.Гончарова. В путевых записках «Фрегат “Паллада”» (1855—1857) он передает свое впечатление от речи бушмена: «Как отец по-вашему? — спросил смотритель. Бушмен медленно раскрыл рот, показал бледно-красные челюсти, щелкнул языком и издал две гортанные ноты. **А мать?** — спросил смотритель. Бушмен щелкнул и издал две уже другие ноты. Вопросы продолжались. Ответы изменялись или в нотах, или в способе прищелкивания. «Совершенно звериный способ объясняться! И это мой брат, ближний!» — думал я, болезненно наблюдая это какое-то **недосозданное**, жалкое существо».

⁶ Это, кстати, одно из множества проявлений **мстязыковой** рефлексии человека.

терном нагромождении коротких слов угадываются английские клише *That's well... Right ...Very...Yes* и т.п.

Для большинства языков можно указать не только характерные звуковые цепочки, но и недопустимые сочетания **звуков**, «запрещенные» фонетическим строем языка. Существуют также ограничения в **составе** «разрешенных» моделей слоговых структур. Это означает, что слоги образуют не любые комбинации звуков (гласного и одного или нескольких согласных), а некоторые определенные последовательности звуков. В большинстве языков звуки, образующие слог, по тем или иным признакам соответствуют друг другу. Чем больше это взаимное соответствие звуков в слоге, тем отчетливее слогоделение, тем в большей мере слог выступает как единая (слитная) произносительная единица речи.

Наиболее тесно взаимосвязаны звуки, образующие слог, в так называемых слоговых языках, или языках слогового строя. (К ним относятся большинство языков Китая и Юго-Восточной Азии). В таких языках существует множество ограничений, накладываемых всем фонетическим строем языка на сочетаемость звуков. Допустимые слоги представляют собой фактически комбинации «заданных» звуков. Поскольку появление звуков, образующих слог, в значительной мере обусловлено другими звуками этого **слога**, то звуки в таких языках не обладают самостоятельными смысловоразличительными возможностями. Поэтому в слоговых языках минимальной смысловоразличительной единицей является **не фонема**, а **слог** (такой слог называют **силлабофонемой**), при этом каждая силлабофонема — это звуковая оболочка морфемы или одноморфемного слова.

В слоговых языках жестко ограничен не только **круг** допустимых моделей слогов, но и само количество разных слогов. Например, в китайском языке все слоги построены по модели «**согласный+гласный** (монофтонг, дифтонг или **трифтонг**)», причем сочетания согласных невозможны. Поэтому общее количество допустимых комбинаций согласного начала слога и его гласного конца ограничено: в **пунтухуа**⁷ насчитывается около 400 слогов, различающихся по звуковому составу (Задоевко, Хуан Шуин 1983, 6—7). Поскольку тако-

⁷ *Пунтухуа* (буквально — ‘общепонятный язык’) — общенародный китайский язык, сложившийся на основе северных диалектов.

го количества слогов-морфем явно мало для обозначения элементов опыта, в китайском языке развилось смысло-различительное (фонологическое) использование слоговой интонации. Четыре разных тона (в качестве обязательных характеристик китайского слога) увеличивают количество слогов-морфем до 1324 единиц. Из этого исходного семантического материала строятся сложные слова (двух- или трехморфемные).

В неслоговых языках (т.е. в языках, где основной смысло-различительной единицей является фонема, а не слог) звуковые цепи, а также количество допустимых моделей слогов, более разнообразны. Однако и здесь наблюдаются самые разные ограничения. Например, в арабском языке в плане сочетания согласных и гласных возможны только две модели слога: **1) открытый слог: согласный+гласный** и **2) закрытый: согласный+гласный+согласный**. В шведском языке в закрытых слогах между гласным и следующим за ним согласным обязательны своеобразные «компенсаторные» отношения: за кратким гласным следует долгий согласный, а за долгим гласным — краткий согласный. В немецком языке звонкие шумные не встречаются в конце слога. (См. статью С.В.Кодзасова «Слог» в ЛЭС 1990).

В праславянском языке существовало всего 8 моделей слоговых структур, при этом все слоги были открытыми и строились по **восходящей звучности** (т.е. в пределах слога каждый звук был более **звучным**, чем его «левый сосед» — предыдущий звук). Структура праславянского слога кроме того определялась тенденцией к **гармонии слога** по мягкости-твердости звуков (образующих слог), так что в пределах слога были возможны только два вида сочетаний согласного и гласного: или твердого согласного с непременным гласным или, **напротив**, палатализованного согласного с передним гласным.

Указанные две закономерности в строении праславянского слога (восходящая звучность и **сингармонизм**⁸) можно интерпретировать как проявления одной более широкой линии развития — тенденции к консолидации слога. Такое развитие делало слогоделение вполне **четким**, а слог психологически весомой, почти **смысло-раз-**

⁸ О гармонии слога и гармонии слова в языках разных семей подробно см.: Реформатский 1967, 271, 487—488.

личительной единицей. По-видимому, праславянский язык эпохи восходящей звучности и слогового сингармонизма какое-то время был на том «пути», который вел к слоговым языкам. Однако неизбежное офанечение количества допустимых слогов, которое сопутствует тенденции к консолидации слога, **по-видимому**, оказалось в противоречии с другой линией развития праславянского языка, особенно актуальной в конце праславянской **эпохи**, — в противоречии с потребностями в быстром росте словаря. Поэтому тенденция к консолидации слога в праславянском языке как бы отступила и фонетическая эволюция пошла по другому пути (произносительная консолидация не **слога**, а слова).

В современных славянских языках, в отличие от праславянской поры, слоговые структуры достаточно разнообразны (возможны даже слоги с нисходяще-восходящей **звучностью**, ср. *мхом, ржавь*). Современный русский язык иногда называют в ряду тех немногих **языков**, в которых вообще отсутствуют фонологические признаки слога (С.В.Кодзасов). С этим, в частности, связаны столь обычные затруднения школьников при разделении слова на слоги (**мок-рый** или **мо-крый**): говорящие во многих случаях не чувствуют границы между слогами.

Легко видеть, что ограничения в моделях слогов и звуковых цепей непосредственно влияют на номинативные ресурсы языка, а также на их динамику. В частности, от степени «свободы» звуков в синтагматике существенно зависит то, из какого источника язык «предпочитает» черпать новые обозначения: то ли он с легкостью «наладит» словопроизводство новых единиц, то ли будет заимствовать слова из чужих языков, то ли будет развивать новые значения у имеющихся **слов**. (о различиях языков в источниках пополнения словаря см. § 42).

23. Супraseгментный (просодический) уровень языка. Тонические и атональные языки

Фонемы, будучи **линейными** и **смысло-различительными** единицами, образуют **сегментный** уровень языковой структуры, а ударение и **интонация**, как бы **наслаиваясь** на звуки и характеризуя слово или фразу **в целом**, воспринимаются (или во всяком случае записываются в транскрипциях) как **супraseгментные** (надсегментные) средства языка. Супraseгментный уровень

называют также **просодическим** (или **просодией**, **просодикой**), поскольку в античных и зависимых от них европейских грамматиках ударение первоначально рассматривалось не в фонетико-орфографическом разделе, но в разделе о стихотворных размерах (этот раздел назывался *просодия*⁹).

Просодия слова определяется ударением, а просодия предложения (высказывания, фразы) — интонацией (§ 24).

Словесное ударение организует слоги в единое произносительное целое, выступая при этом как своего рода произносительная кульминация слова. В зависимости от фонетической природы различают три вида словесного ударения.

При тоническом ударении (варианты термина: *музыкальное*, *мелодическое* ударение; в некоторых лингвистических традициях его называют также *хроматическим*, т.е. ‘цветным’) ударный звук выделяется (по сравнению с неударным) повышением или понижением тона, т.е. основной высоты в звучании данного гласного. **Тонические языки** (т.е. языки с тоническим ударением) довольно многочисленны: это, во-первых, все **слоговые** языки (т.е. языки, где в качестве минимальной **смыслоразличительной** единицы выступает слог, а не фонема, см. § 22); во-вторых, многие неслоговые языки: древнегреческий, старославянский, балтийские (литовский, латышский), сербский, хорватский, скандинавские (шведский, норвежский и отчасти датский) и др.

При динамическом ударении (варианты термина: *выдыхательное*, *экспираторное*, *силовое ударение*) ударный звук выделяется (по сравнению с неударным) большим напором выдыхаемой воздушной струи и большей мускульной напряженностью в артикуляции ударного слога. К **атоническим** языкам (т.е. языкам с динамическим ударением) относятся романские языки, английский, немецкий, большинство славянских (исключая сербский, хорватский и отчасти словенский, в котором музыкальное ударение сохраняется в некоторых диалектах и принимается современной кодификацией — как благородное **архаическое** произношение).

Р.О.Якобсон считал, что для истории языков Европы и Евразии характерен переход от музыкального ударения к динами-

Греч. *prosōdia* — припев, ударение.

ческому. Приведенные выше перечни языков с указанными разными типами ударения подтверждают такой вывод: в древности политония была распространена шире; сейчас она сохраняется лишь на периферии европейского ареала (Балканы, Скандинавия).

Количественное ударение (при котором ударный гласный выделяется длительностью звучания) типологически возможно, однако реально оно не встречается самостоятельно (вне соединения с динамическим или музыкальным ударением). Разумеется, такое ударение типологически несовместимо с оппозицией долгих и кратких гласных фонем (как в чешском, словенском, английском, немецком и многих других языках).

В отдельном языке представлен, как правило, один тип ударения — динамическое или музыкальное. Однако все же есть языки, в которых встречаются сразу два вида ударения (например, датский). Шведский язык использует все три вида ударения, нередко в одном и том же слове: начальный слог, как правило, выделен динамически и количественно, а один из следующих слогов отмечен изменением тона.

В некоторых языках словесное ударение отсутствует, например, в палеоазиатских языках (чукотско-камчатских, эскимосско-алеутских, енисейских и др.), в ряде тунгусо-маньчжурских языков (эвенский, эвенкийский и др.) (см. Зиндер 1979, 262).

24 Интонационно-ритмическое своеобразие языков

Просодические средства предложения (высказывания, фразы) иногда обобщенно называют **интонацией**, но фактически здесь присутствует целый комплекс явлений: 1) мелодика (или собственно интонация, тон, т.е. изменение высоты звучания); 2) интенсивность (сила, или, в аспекте восприятия, громкость) звучания; 3) длительность; 4) темп произнесения речевых отрезков и паузы; 5) ритм, понимаемый как регулярное воспроизведение (повторение) соизмеримых интонационно-ритмических единиц; 6) тембр (впрочем, в отличие от других компонентов интонации, тембр не обладает общезыковой значимостью, поскольку целиком принадлежит индивидуальной речи). Мелодика (движение тона), по мнению большинства исследователей, является главным средством фразовой интонации. Однако некоторые авторы видят

такой организационный просодический центр в темпоральных (временных) параметрах фразы.

В частности, Т.М.Николаева называет в качестве главного просодического явления слитность речи. Степень слитности произнесения фразы (как типологическая черта языка) проявляется в большей или меньшей временной компрессии (сжатости) произнесения, что в свою очередь определяет более или менее тесное объединение меньших просодико-сегментных единиц в **бóльшие**. Высокая слитность фонации некоторого языка означает, что в этом языке сильна взаимная ассимиляция пограничных звуков между словами и между морфемами (внутри слов), так что границы между сегментами речи имеют тенденцию стираться, вплоть до исчезновения. В языках с высокой просодической слитностью речи фразовая интонация существенно доминирует над интонацией слова. По мысли Т.М.Николаевой, в истории разных языков прослеживается тенденция к возрастанию слитности фразы: так в звуковой организации речи реализуется прогрессирующее в человеческой культуре «стремление передавать все больше информации в единицу времени» (Николаева 1996, 15).

В мелодической организации каждого языка имеется свой набор интонационных единиц (**называемых интонема**, иногда **мелодема**, или **интонационная конструкция**, **интонационная модель**, **интонационный контур**). Впрочем, пока точно неизвестно, сколько таких единиц в отдельном языке: исследователи называют разные цифры — в интервале от 6 до 20 интонем. Различия связаны с неясностью, что считать основной единицей (интонемой), а что — ее вариантом.

Интонемы — это двусторонние единицы: они обладают формой (ее создают дифференцированные по языкам совокупности фонетических параметров) и содержанием. Содержание интонемой относится к разным уровням **синтактики** и прагматики высказывания: 1) они членят речь на смысловые части (на высказывания; на синтагмы внутри высказываний и т.д.); 2) различают коммуникативные типы высказываний (вопрос, побуждение, восклицание, повествование и др.); 3) выражают актуальное членение высказывания (различение темы и ремы); 4) участвуют в выражении эмоций и подразумеваемых значений (подтекста). Каждая из указанных общих функций реализуется в конкретных **интонемах** и в других интонационных явлениях.

Как показали инструментальные исследования С.В.Кодзасова, в экспрессивной речи имеются специальные интонационные **типы голоса**, соответствующие эмоционально-экспрессивной функции высказывания: **напряженный** голос (указывает на повтор или переспрос: *Что-что ты говоришь?*), **расслабленный** (ласкающий голос: *Ах, ты мой маленький!*), **придыхательный** (выражает высокую степень чувства: *боже, как она прекрасна!*), **скрипучий** (передает отрицательное отношение: *Зря ты ему помогал*). См. статью С.В.Кодзасова «Интонация» (Русский язык, 1997).

Если то общее содержание, которое передается с помощью интонации, представляется в достаточной степени универсальным (в силу его предельно общего характера), то интонационные рисунки «одноименных» интонем в каждом языке свои, индивидуальные. **Л.Р.Зиндер** считал, что интонация — это наиболее характерный фонетический признак того или иного языка (**Зиндер 1979, 270**)¹⁰. С другой стороны, основные модальные значения (вопрос, утверждение, отрицание, приказ, мольба, уверенность, сомнение), а также сильные эмоциональные значения (радость, ласка, скорбь, гнев, агрессия, страх) в разных языках имеют до некоторой степени сходное интонационное выражение.

По данным Милана Ромпортла, в чешском и русском языке есть по две интонемы для общих вопросов (т.е. вопросов, начинающихся не с вопросительного слова): 1) модель, состоящая в повышении тона во второй половине фразы и последующем понижении тона в конце (восходяще-нисходящая интонема); при этом, однако, для русской интономы характерно более сильное повышение тона (на высоком **уровне**), чем для чешской; 2) модель, состоящая в повышении тона в конце фразы (восходящая интонема). Однако самое серьезное различие между языками, причем в рамках литературных **языков**, состоит в территориальном распределении двух интонем. Это различие показано в таблице 24. Подробно см. Ромпортл 1983.

¹⁰ Поэтому в лингводидактике говорят специально о преодолении интонационной интерференции (в ряду разных видов интерференции в речи на **неродном** языке).

Таблица 24. Распределение моделей интонации общего вопроса в литературном чешском и русском языках

Мелодические характеристики интоном общего вопроса	Характеристики интоном по частотности и прагматике		
	Чешский язык		Русский язык
	в Чехии	в Моравии	
Восходяще-нисходящая	более частотная, нейтральная и слабо экспрессивная	более редкая и более экспрессивная	более частотная, нейтральная и слабо экспрессивная
Восходящая	более редкая и более экспрессивная	более частотная, нейтральная и слабо экспрессивная	более редкая и более экспрессивная

Роль интонации в конкретных языках существенно зависит от характера словесного ударения (§ 23): в тонических языках, где высота ударного слога выполняет фонологические функции (т.е. различает слова), интонация не может быть самостоятельным средством модификации семантики всего высказывания.

25. Типологические различия в звуковой организации языков и их возможные следствия в грамматике, лексике, стихосложении

Межъязыковые различия в организации **фонетико-фонологического** уровня, на первый взгляд, могут показаться чисто «техническими» особенностями, не связанными с более общими и содержательными характеристиками языков. Однако, в силу **межуровневой** корреляции, типологически значимые черты фонетико-фонологического уровня как бы «отзываются», находят свое соответствие в типологических особенностях других уровней.

Например, существует обратная зависимость между количеством фонем и средней длиной морфемы (**Ч.Хоккет**), а также средней длиной корневой морфемы. В частности, корень может состоять из одной фонемы только в тех языках, где фонем не менее 40. Ограничения в допустимых моделях слога и в типах звуковых цепей сказываются на способности языка заимствовать слова из чужих языков. Например, в венгерском, финском, иврите, японском,

китайском языках заимствования непродуктивны прежде всего по фонетическим причинам.

Причинно-следственные векторы **межуровневых** корреляций бывают разнонаправленными. Иногда «инициатива» исходит от фонологии: фонологическое своеобразие выступает в качестве фактора или предпосылки некоторой типологической черты грамматического или лексического строя языка. Но может быть и обратная зависимость: фонологическая особенность развилась вследствие каких-то грамматических тенденций. Так, гармония гласных в тюркских языках — это не просто «спутник» агглютинации, но ее «союзник»: звуковая «техника» сингармонизма поддерживает агглютинативные устои тюркского слова — **доминацию** корня и организующую роль именительного падежа в парадигме склонения.

Т.М.Николаева, видя в истории языков тенденцию к возрастанию просодической слитности и доминированию фразовой интонации над интонацией слова, считает, что тип интонации влияет на коммуникативные возможности языка: возрастание «слитности речи» (см. выше § 23) коррелирует с информационной насыщенностью общения. Языки с пословной (а не фразовой) реализацией интонации «не оказываются в настоящее время способными занять первые места среди международных языков современной коммуникации. Именно поэтому, в частности, древнегреческий язык (язык с музыкальным ударением) уступил свои позиции международного языка латыни» (Николаева, 1996, 14).

С типологическим своеобразием звукового строя языка, как правило, бывают связаны особенности стихосложения на этом языке. Р.О.Якобсон в «Ретроспективном обзоре работ по теории стиха» (1979) писал: «Конституенты любого метра — чисто лингвистические» (Якобсон 1985, 244).

В частности, метрическое, или квантитативное (количественное) стихосложение, основанное на соизмеримости строк (стихов) по времени их произнесения, возможно только в тех языках, где имеется оппозиция долгих и кратких фонем (древнегреческий, латынь, классический арабский, персидский). Важнейшим компонентом звукового строя китайского языка является тонированность слогов (т.е. определенное движение тона при произнесении гласного), и именно с этим связана самая заметная особенность китайского стихосложения: классический китайский стих основан на

контрасте восходящих и нисходящих тонов. Якобсон говорил, что «чем меньше функциональная нагрузка ударения¹¹ в системе какого-либо языка, тем вероятнее для этого языка чисто силлабическая или преимущественно силлабическая система стихосложения» (Якобсон 1985, 249). Показательна в этой связи гораздо **большая** органичность и значительность польской силлабической традиции, нежели белорусской или русской. **Силлабо-тонические** стихи органичны для языков с разноместным динамическим ударением (английский, **немецкий**, русский).

Возникновение рифмы и ассонанса в средневековой европейской поэзии некоторые исследователи связывают с особенностями французской фонетики: тенденция к открытому слогу в вокалическом французском языке в сочетании с ударением на последнем слоге создавали значительное сходство конечных слогов и тем самым как бы «подсказывали» рифмы (Гак 1977а, 72).

Эдвард Сепир, говоря о связи звукового строя языка и его поэтической традиции, писал: «Изучите внимательно фонетическую систему языка и прежде всего его динамические особенности, и вы сможете сказать, какого рода стихосложение в нем развито, или, в случае, если история подшутила над его психологией, какого рода стихосложение должно было в нем развиться и рано или поздно разовьется» (Сепир [1921] 1993, 202).

¹¹ Функциональным (фонологическим) может быть только свободное (разноместное и подвижное) ударение (ср. русск. *дома — дома*), поскольку связанность ударения с определенным по порядку слогом (как в чешском, польском, французском, венгерском языках) препятствует использованию ударения для различения смыслов.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ ЯЗЫКОВ

В морфологической типологии (а это хронологически первая и наиболее разработанная область типологических исследований) принимаются во внимание, во-первых, **способы** выражения грамматических значений и, во-вторых, характер **соединения морфем** в слове. В зависимости от способов выражения грамматических значений различают **синтетические и аналитические языки** (§ 26; см. также § 27). В зависимости от характера соединения морфем различают **агглютинативные и фузионные языки** (§§ 28—29).

26. Аналитические и синтетические языки

В языках мира существуют две основных группы способов выражения грамматических значений: 1) синтетические способы и 2) аналитические. Для синтетических способов характерно соединение грамматического показателя с самим словом (в этом мотивированность термина **синтетический**¹). Таким показателем, вносящим грамматическое значение «внутри слова», могут быть **окончание, суффикс, приставка, внутренняя флексия** (т.е. чередование звуков в корне, например, *теку — течет — поток*), изменение **ударения** (*ноги — ноги*), **супплетивное видоизменение** основы слова (*я — меня, хожу — иду, хороший — лучше*), **трансфикс** (в семитских языках²: состоящий из нескольких гласных комплекс, который «вплетается» в **трехконсонантный** корень, добавляя к нему

¹ *Синтетический* (от греч. *synthesis* — сочетание, составление, объединение) — основанный на синтезе, объединенный.

² Ветвь афразийской (семито-хамитской) семьи. Включает древнееврейский и иврит, арамейские языки (древне- и новосирийские языки и диалекты), ассиро-вавилонский, финикийский, палестинский, арабский, эфиопский. Число говорящих в современном мире около 200 млн. чел.

лексико-грамматические и синтаксические значения и таким образом достраивая корень до требуемой словоформы), **повтор морфемы**³. Подробно о грамматических способах в разных языках см.: Реформатский 1967, 263—313.

Общей чертой аналитических способов является выражение грамматического значения за пределами слова, отдельно от него — например, с помощью предлогов, союзов, артиклей, вспомогательных глаголов и других служебных слов, а также с помощью порядка слов и общей интонации **высказывания**⁴.

В большинстве языков есть и аналитические и синтетические средства выражения грамматических значений, однако их удельный вес бывает разным. В зависимости от того, какие способы преобладают, различают языки синтетического и аналитического типа. К синтетическим языкам принадлежат все славянские языки (кроме болгарского), санскрит, древнегреческий, латынь, литовский, якутский, немецкий, арабский, суахили и мн. др.

К языкам аналитического строя относятся все романские языки, болгарский, английский, датский, новогреческий, новоперсидский и мн. др. Аналитические способы в этих языках преобладают, однако в той или иной мере используются и синтетические грамматические средства.

Языки, в которых почти отсутствуют возможности синтетического выражения ряда грамматических значений (как в китайском, вьетнамском, кхмерском, лаосском, тайском и др.), в начале XIX в. называли *аморфными* (**'бесформенными'**), т.е. как бы лишенными **формы**⁵, но уже Гумбольдт назвал их *изолирующими*. Было доказано, что эти языки отнюдь не лишены грамматической формы, просто ряд грамматических значений (именно син-

таксические, реляционные значения) выражаются здесь отдельно, как бы «изолированно», от лексического значения слова (Подробнее см. Солнцева 1985, Солнцев 1995).

Есть языки, в которых слово, напротив, оказывается **настолько** «переобремененным» разными служебными и зависимыми корневыми морфемами, что такое слово превращается по смыслу в предложение, но при этом остается оформленным как слово. Такое устройство «слова-предложения» называют *инкорпорацией* (лат. *incorporatio* — **'включение в свой состав'**, от лат. *in* — **'в'** и *corpus* — **'тело, единое целое'**), а соответствующие языки — *инкорпорирующие*, или *полисинтетические* (некоторые индейские языки, чукотский, корякский и др.).

27. Количественные методы в определении степени аналитизма-синтетизма языков

Обращение типологов к количественным методам было связано с непреодолимыми трудностями в классифицировании языков. В частности, оказалось, что изолирующие языки — это отнюдь не «сверханалитические» языки: здесь может быть достаточно высок удельный вес синтетических явлений. Оказалось также, что инкорпорация (полисинтетизм) может сочетаться с сильными аналитическими чертами в строении языка.

Еще Гумбольдт писал, что языковые типы — это своего рода мысленная абстракция; не существует «чисто» аналитических или «чисто» синтетических языков. В реальности отнесение некоторого языка к тому или иному типу языков означает лишь **преобладание** в нем способов выражения грамматических значений, соответствующих данному типу.

К идее измерения типологических свойств языков был очень близок Сепир. В своей классической книге «Язык» (1921) он постоянно стремится обозначить разную степень представленности тех или иных явлений: одни языки он характеризует как *слегка синтетический тип*, другие — как *слабо агглютинативные языки*, третьи — *чуть символический, сильно символический тип* (термин *символический* у него означает **'использующий внутреннюю флексию'**); некоторые языки он помещал в скобки для указания на «слабое развитие» данного явления (см., например, Сепир 1993, 134).

³ Таково, в частности, происхождение **праславянского** показателя имперфекта: длительность действия передавалась «изобразительно», путем более продолжительного произнесения глагольных форм — благодаря удвоению суффиксального гласного или добавлению другого, похожего, гласного, ср. **ст.-слав. ГЛАГОЛАХЪ, НЕСЪАХЪ**.

⁴ *Аналитический* (от греч. *analysis* — разъединение, разложение, расчленение) — разъединяющий, разлагающий на составные части; связанный с анализом.

⁵ Впрочем, и современный автор назвал раздел об аналитических языках (в своей книге) «Языки "без грамматики"» (см. Плунгян 1996, 153).

Один из ведущих современных типологов Джозеф Гринберг предложил методику количественной оценки ряда типологически значимых черт морфемно-грамматического уклада языков⁶.

В частности, считая вслед за Сепиром, что синтетичность языка, по сути дела, зависит от степени морфемной сложности слова, Гринберг вычислял для разных языков коэффициент синтетичности путем отнесения общего количества **морфов** (в одинаковом тексте на этих языках) к общему количеству **слов** в этом тексте. Например, если некоторый язык не использует аффиксов и не прибегает к **словосложению**, то в тексте длиной в 100 слов окажется 100 морфов и, **следовательно**, индекс синтетичности такого языка будет равен 1.

Понятно, что 1 — минимальный индекс синтетичности и одновременно — показатель максимальной аналитичности языка. Если в языке каждое слово имеет в среднем хотя бы 1 аффикс, то на 100 слов в таком языке приходится 200 морфов (100 корневых и 100 аффиксальных) и, значит, его индекс синтетичности равен 2. Индексы синтетичности от 1 до 2 были получены для языков, которые традиционно считали аналитическими языками; от 2 до 3 — для синтетических языков; выше 3 — для инкорпорирующих языков (их стали называть полисинтетическими).

В таблице 27 приведены индексы синтетичности для санскрита (из засвидетельствованных языков самый близкий к индоевропейскому праязыку), трех языков индоевропейской семьи (причем для английского — с учетом его двух исторических периодов), для якутского языка (тюркская семья), одного из африканских языков (семья банту), для вьетнамского языка (изолирующий язык с предельно низким индексом **синтетичности**⁷) и для полисинтетического эскимосского языка. (Источники: Гринберг 1963, 91; Квантитативная типология 1982).

⁶ В докладе «**Квантитативный** подход к морфологической типологии языков» (1954); русский перевод см. Гринберг 1963.

⁷ Еще более низкий индекс синтетичности (1,05) получен М.В.Дьячковым для креольского западноафриканского языка **крио** (Теоретические основы 1980, 160—161), что подтверждает мнение о сильном аналитизме как о характерной черте гибридных языков.

Таблица 27. Индексы синтетичности для 9 языков

Санскрит	Англо-саксонский	Английский	Немецкий	Русский	Якутский	Суахили	Вьетнамский	Эскимосский
2,59	2,12	1,68	1,97	2,39	2,17	2,55	1,06	3,72

Индексы синтетичности-аналитичности позволяют видеть не только синхронные различия языков в степени синтетичности, но и разную скорость, с какой происходит общая типологическая эволюция родственных языков.

28. Агглютинация и фузия как два типа морфологической организации слова. С какими чертами звуковой и синтаксической организации языка коррелирует морфология его слова?

Существует два основных типа морфемного устройства слова: **фузия** (от лат. *fusio* — сплавление) и **агглютинация** (лат. *agglutinatio* — приклеивание, склеивание). В фузионном слове границы между морфемами неотчетливы, они как бы сплелись: иногда они проходят внутри звука, (например, в слове *стричь* в звуке [ч] слились последний звук корня *стригу* и первый согласный инфинитивного показателя *-ти*), иногда некоторые части морфем вообще не просматриваются (*принять, взять*). Для фузионного слова характерно то, что служебные морфемы одновременно выражают несколько грамматических значений (например, в слове *стена* флексия *-а* имеет три значения: женский род, именительный падеж, единственное число). Фузия распространена в индоевропейских и семитских языках. Среди **фузионных** языков есть как синтетические (древнегреческий, латынь, славянские, немецкий), так и аналитические (английский, французский и др.).

В агглютинативном слове границы между морфемами вполне отчетливы, при этом каждый аффикс имеет только одно значение и каждое значение выражается всегда одним аффиксом. Характерная для агглютинации полная определенность значения и формы любых морфем обуславливает то, что в агглютинативных языках все морфемы обладают большей психологической реальностью для говорящих: они лучше вычлняются, точнее семан-

тизируются и живут в сознании говорящих в большей мере как бы сами по себе (в то время как в **фузионных** языках даже корневые морфемы не всегда осознаются говорящими, а некоторые из них неотделимы от **аффиксов**)⁸. Поскольку в условиях агглютинации все морфемы обладают большей самостоятельностью (чем при фузии), то в агглютинативных языках противопоставление корневых и аффиксальных морфем менее значимо, чем в фузионных, а оппозиция деривационных и реляционных морфем (т.е. суффиксов-префиксов, с одной стороны, и окончаний, с другой) и вовсе нерелевантна.

Структура агглютинативного слова представляется прозрачной и достаточно рациональной. Неслучайно в эсперанто слова устроены именно **агглютинативно**.

Принципы и логика агглютинации широко используются при создании современных терминов. Например, в обозначениях кислот галогенов суффикс прилагательного строго соответствует количеству атомов кислорода в молекуле кислот: если один атом, то используются суффиксы **-оват+ист**, два атома — суффикс **-ист**, три атома — суффикс **-оват**, четыре атома — суффикс **-н**.

Ср.: HClO — **хлорн-оват-ист-ая** HJO — **иодн-оват-ист-ая**
 HClO₂ — **хлор-ист-ая** HJO₂ — **иод-ист-ая**
 HClO₃ — **хлорн-оват-ая** HJO₃ — **иодн-оват-ая**
 HClO₄ — **хлорн-ая** HJO₄ — **иодн-ая**

Агглютинативные языки по своему грамматическому строю более устойчивы, чем **фузионные** языки. Это связано с тем, что для агглютинативного слова, с его однозначными и стандартными по форме аффиксами, с четкими морфемными границами, не характерны процессы опрощения, переразложения, ведущие к утрате мотивированности знаков и поиску новых обозначений. Агглютинативных языков на Земле значительно больше, чем фузионных: это все языки алтайской макросемьи, все языки **тюр-**

⁸ Это так называемые связанные корни, вроде русск. **-верг-**, который существует в языке (т.е. в сознании говорящих) только в связке с тем или иным аффиксальным окружением: **ввергнуть, отвергнуть, по-ввергнуть, опровергнуть, свергнуть, низвергнуть, подвергнуть, извергнуть, изверг, извержение** и т.п. Спросите постороннего: **Что значит по-русски верг?** Скорее всего, будут затруднения, потому что корень недостаточен самостоятелен.

кской, дравидийской семей, все языки банту, все австралийские языки, большинство индейских языков, некоторые финно-угорские, грузинский, японский, корейский и др. Агглютинативная техника используется как в синтетических и полисинтетических языках, так и в языках аналитических и изолирующих.

Характеристика некоторого языка в терминах морфологической типологии является важнейшей, возможно, самой информативной характеристикой устройства данного языка в целом. Тип морфологии слова коррелирует (т.е. закономерно соотносится) с некоторыми существенными чертами звуковой и синтаксической организации языка. Как показал Тадеуш **Милевский**, четыре основных типа языков (изолирующие, агглютинативные, фузионные и **альтернирующие**)⁹ различаются не только способом морфологического устройства слова, но и существенным **фонетико-синтаксическим своеобразием** синтагм (под термином «синтагма» он понимал соединения слов или **соединения** морфем в слове, выражающие синтаксические значения).

В частности, для **изолирующих** (предельно аналитических) языков характерны: 1) музыкальное ударение; 2) семантически значимое слоговое деление (т.е. деление речи на слоги совпадает с морфемным членением речи); 3) максимальная (в сравнении с языками других типов) свобода построения синтагм; 4) недостаточная самостоятельность, отдельность слова (простое слово иногда не отличимо от морфемы, сложное слово — от синтагмы). Поэтому, как замечает Милевский, «при описании этих языков термин «слово» излишен [...], изолирующие языки являются по природе несловесными» (Милевский 1963, 26).

Для слова в агглютинативных языках характерны: 1) максимальная степень семантической самостоятельности и формальной определенности аффиксов (в том числе их «самостоятельности» и отдельности в языковом сознании говорящих); 2) наибольшая свобода структуры слова при большой **нагруженности** словоформ отдельными грамматическими, в том числе синтаксическими значениями; 3) **синграмонизм** (единообразное вокалическое оформление) слова, необходимый в качестве того «цементирующего

⁹ Термином **альтернирующие языки** Милевский называл (и отчасти характеризовал) семитские языки с их вокалическим трансфиксом, меняющим («чередующим») свой состав в зависимости от приносимого трансфиксом значения. См. § 26.

средства» (И.А. Бодуэн де Куртенэ), которое обеспечивает целостность и отдельность агглютинативной словоформы.

Для слова во флективных (фузионных) языках характерны: 1) высокая степень семантической и формальной слитности структурных компонентов слова (грамматическая многозначность аффиксов; ассимилятивное взаимодействие аффиксов); 2) бинарность и резкая асимметрия семантической структуры слова: основа слова выступает как носитель «вещественных», более конкретных, а также постоянных для данного слова лексико-грамматических значений, в то время как окончания выражают преимущественно синтаксические и другие меняющиеся значения.

Для альтернирующих языков характерны: 1) максимально спаянная структура слова: по сути слово здесь предстает в виде морфологически неразложимого целого, состоящего чаще всего из одного корня; 2) ограниченное число гласных; 3) резкое функциональное различие между согласными и гласными в структуре слова: выразителем вещественного значения являются согласные, а гласные, чередующиеся между согласными, выполняют синтаксические функции (Милевский 1963, 26)¹⁰.

Таким образом, имеются значимые корреляции (соответствия) между, с одной стороны, типом морфологического устройства слова, а с другой, — некоторыми типологически существенными чертами, затрагивающими синтаксический и фонологический уровни языков.

29. Количественные методы в определении степени агглютинативности-фузионности языков

Даже в самых фузионных языках есть элементы агглютинации: например, в русском — стандартная частичка *-ка*, смягчающая повелительную или начинательную модальность. Как истинно агглютинативный аффикс, *-ка* присоединяется к глагольным формам в любом лице и числе: *дай-ка, дайте-ка, пойдём-ка, пой-*

¹⁰ Ср. иное классификационное решение у А.А.Реформатского: «Любая словоформа типа арабского *КаТала* ('убил', где неизменный корень *КТЛ* означает 'убить', а трансфикс *а-а-* — прошедшее время) двухморфемна, и соединение этих морфем, несмотря на взаимопроникновение, следует признать (соединением. — Н.М.) агглютинирующего типа» (Реформатский 1967, 285).

демте-ка, пойдё-ка я, пусть-ка он попляшет и т.п. Однако этот агглютинативный казус не меняет фузионной основы языка. Тем не менее вопрос об агглютинативности или фузионности относительно многих языков не решается так просто. Между тем для определения характера языка весьма существенна степень его агглютинативности. Достаточно сказать, что значительная агглютинативность морфологии — это та типологическая черта, которая объединяет скандинавские языки и отличает их от других языков германской группы.

Дж. Гринберг предложил оценивать меру агглютинативности языков на основе «индекса агглютинации», который определяется «отношением числа агглютинативных конструкций к числу морфных швов» (Гринберг 1963, 75). Под агглютинативной конструкцией понимается морф, обладающий одним значением (а не комплексом значений, как при фузии); число «морфемных швов» в принципе соответствует количеству морфов в слове (только на единицу меньше).

Узбекские словоформы *китоб-лар* ('книги'), *китоб-ни* ('книгу'), *китоб-им* ('моя книга'), *китоб-да* ('в книге') содержат по одному агглютинативному морфу; словоформы *китоб-лар-им* ('мои книги'), *китоб-лар-да* ('в книгах') — по два агглютинативных морфа; словоформа *китоб-лар-им-да* ('в моих книгах') содержит 3 агглютинативных конструкции. В предложении *Китобларни каердан сотиб олса булади?* 'Где можно купить книги?' имеется 7 агглютинативных морфов, при этом общее число морфов 12, т.е. отношение 7:12, и индекс агглютинативности равен 0,508.

В фрагменте русского текста *По-йдём-ка по-говор-им с брат-ом* имеется один агглютинативный морф (*-ка*) и 9 неагглютинативных, т.е. соотношение 1:10, следовательно, индекс агглютинации для данного фрагмента равен 0,1. Можно представить, как уменьшится этот индекс для фрагмента на русском языке длиной в 100 слов. А если в этом тексте не окажется морфа *-ка*, глагольного показателя множественного числа 2-го лица *-те* (*идите, пойдёмте, нате*) и возвратной частицы *-ся / -сь*, то индекс агглютинативности вообще будет нулевым.

В таблице 29 приведены рассчитанные Гринбергом индексы агглютинации для некоторых языков. Легко видеть, как с течением времени усиливается агглютинативность индоевропейских

языков (санскрит, англосаксонский, английский, персидский). В силу предельного аналитизма вьетнамского языка (где на 100 слов приходится всего 6 аффиксов, см. § 27), коэффициент агглютинативности для него не был получен, хотя вообще агглютинативные конструкции в нем имеются.

Таблица 29. Индексы агглютинативности для 8 языков

Сан-скрит	Англо-саксонский	Англий-ский	Персид-ский	Якут-ский	Суахи-ли	Вьет-намский	Эски-мосский
0,09	0,11	0,30	0,34	0,51	0,69		0,036

Логическая четкость и последовательный эмпиризм в методах типологии приводят к тому, что на смену морфологическим классификациям приходит более реалистическое представление разнообразия языков — в виде лингвистического континуума, в котором отдельные языки различаются не разными признаками, а разной **мерой** проявления определенных типологически значимых общих признаков или свойств.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ В СИНТАКСИСЕ. КОНТЕНСИВНАЯ ТИПОЛОГИЯ

30. Синтаксис как объект типологии

Типологические сходства и различия в синтаксисе разных языков в определенной мере выявляются уже в морфологической типологии — поскольку, например, отнесение некоторого языка к аналитическим «автоматически» означает, что в этом языке порядок слов более регулярно (чем в синтетическом языке) используется для выражения реляционных значений, шире используются служебные слова, более определены грамматические функции интонации. Однако таких констатации недостаточно. В категориях морфологии нельзя понять главный предмет синтаксической типологии — сходства и различия языков в устройстве предложения.

В задачи синтаксической типологии входит изучение коммуникативно-мыслительных структур, с помощью которых на разных языках происходит формирование и сообщение мысли. Это предполагает выявление основных синтаксических моделей (структурных схем предложения) в качестве выработанных языками устойчивых содержательных структур, каждая из которых обладает своими возможностями представления той ситуации или **события**, о которых говорится в высказывании. Типология стремится найти сходства и различия в закономерностях построения предложений в разных языках и на этой основе выявить синтаксические типы языков. Типология предложения строится с учетом того, каким образом и с помощью каких средств синтаксический строй языка представляет взаимоотношения структурно-смысловых компонентов предложения (субъекта, предиката, объекта, атрибута, причины, следствия, цели, условия и т.п.).

Синтаксическая типология выражения **субъектно-объектных** отношений неожиданно оказалась той областью лингвистики, где

вновь ожили надежды понять содержательные (а не только формальные и технические) различия между языками и где, кажется, снова верят в возможность целостной типологической классификации языков мира (см. § 31).

Типологические исследования в синтаксисе особенно часто носят сопоставительный и **контрастивный** характер. По-видимому, это связано, с одной стороны, с трудностью объемных (многopризнаковых) синтаксических классификаций представительных групп языков, с другой, — с информативностью и очевидной практической полезностью в преподавании сведений о сходстве и различиях в синтаксисе родного и изучаемого языка.

Например, учителю английского или немецкого языков в славянской аудитории важно **видеть**, что в изучаемых языках бессубъектные (по смыслу) предложения не являются грамматически **бесподлежащими** и что, **следовательно**, столь популярным в родном языке предложениям с безличным сказуемым (вроде русск. *Дождит, Тошнит, Лень* или белорусск. *Нельга, Сварбиць у носе, Балиць у нагу* и т.п.) в английском и немецком соответствуют предложения с обязательным смысловым или хотя бы формальным подлежащим (ср. англ. *It rains 'Дождит'*, дословно *'Оно дождит'*; нем. *Es dunkelt 'Смеркается'*, дословно *'Оно смеркается'*).

Изучая французский, полезно знать, что безличные предложения во французском встречаются в 3—4 раза реже, чем в русском (по данным В.Г.Гака), а также представлять, когда безличное русское предложение лучше перевести на французский **личным**, а когда — безличным.

Интенсивные **синтактико-типологические** и сопоставительные исследования ведутся также в области типологии порядка слов (§§ 34—36). Типологически существенное знание о синтаксическом уровне было сформулировано не только собственно в типологии языков, но и в лингвистике универсалий (см. § 89).

31. Характер передачи субъектно-объектных отношений как основа контенсивной типологии

Возможные отношения между субъектом и объектом действия ('кто кого', 'кто о ком', 'кто кому', 'кто с кем', 'между кем и кем' и т.п.) — это понятийная (содержательная) основа

залога¹. Вместе с тем содержательная область субъектно-объектных отношений значительно шире грамматической семантики глагольного залога, поэтому в лингвистике нередко говорят о более широкой мыслительной категории «залоговости» (или о «залоге в широком смысле», о «функционально-семантическом поле залоговости» (А.В.Бондарко); иногда в этом же расширительном смысле употребляют термин *диатеза*² (А.А.Холодович и его школа), а глагольный залог считают только ядром «залоговости».

32. Семантико-грамматический экскурс: комплексный и универсальный характер функциональной категории залоговости

Грамматический залог (в узком смысле) — это глагольная словоизменяемая категория, реализуемая в оппозиции форм **действительного и страдательного залога**: *Лебедка поднимает груз; лебедка, поднимающая (груз); лебедка поднимавшая (груз)*, с одной стороны, а с другой, — *Груз поднимается лебедкой; поднимаемый (лебедкой) груз; поднятый груз (впрочем, последнее страдательное причастие — это форма другого глагола — не поднимать, а поднять)*.

Залог в широком смысле (диатеза) выходит за рамки глагола, он реализуется не в отдельной словоформе, а на пространстве всего высказывания и охватывает **все** виды значений, характеризующие отношения между субъектом действия, действием и объектом. В формировании семантической области диатезы участвует целый комплекс средств, относящихся к разным уровням языковой структуры. Это, во-первых, семантика глагола, называющего действие, о котором идет речь; во-вторых, семантика слов, обозначающих субъект и объект данного действия; в-третьих, синтаксическая структура данного **предложения**³.

¹ Ср.: «Залог (диатеза) — грамматическая категория глагола, выражающая различные отношения между субъектом и объектом действия» (Ахманова 1966, 152).

² От греч. *diathesis* — расположенность, размещение, душевное состояние; залог (в глаголе); терминологическое значение этого слова восходит к грамматике Дионисия Фракийца (конец II в. до н.э.).

³ Ср. замечание В.В.Виноградова о том, что категория залога «лежит уже на самой пограничной черте между грамматикой, лексикологией и фразеологией, а в области грамматики — ближе к синтаксису предложения, чем к морфологии слова» (Виноградов 1947, 606).

В самом деле, глагол-сказуемое — это главный источник залоговых значений в предложении, причем нет глагола, который стоял бы вне выражения этих значений. В частности, основные лексико-грамматические классы глаголов — переходные, непереходные и возвратные — различаются тем, что называют достаточно разные «классы» действий, различия между которыми связаны с самой «природой» (онтологией) действий и процессов во внеязыковой реальности, и именно эти объективные различия обуславливают разные залоговые потенции глаголов соответствующих классов.

Так, переходные глаголы — это названия **действия**, которое способно полностью переходить на объект, целиком охватить объект (это как бы «сверхактивный» залог, и именно поэтому только переходные глаголы имеют формы пассива). Непереходные глаголы (*идет, спит, мечтает*) называют действие, которое по своей природе «не нуждается» в прямом объекте, т.е. в предложениях с непереходным глаголом связь субъекта и объекта слабее всего и вообще необязательна. В силу необязательности объекта при непереходных глаголах, называемое ими действие предстает как менее «активное» — оно никого «не охватывает». Возвратные глаголы (*женится, тренируется, надеется*) называют **действие**, которое, исходя от **подлежащего** — субъекта действия, в силу своей природы в той или иной мере переходит на него **же**, т.е. субъект действия является (хотя бы отчасти) и объектом действия (при этом иногда в представление об объекте действия оказывается включенным, помимо подлежащего, и еще кто-то или что-то — в случае глаголов, значение которых определяют как взаимно-возвратные, например, *Сергея встречается с Наташей*).

Залоговые значения и оттенки существенно зависят от семантики слов, называющих каждый из трех членов **субъектно-предикатно-объектной** связки. Достаточно сравнить такие фразы:

- (1) *Сергея встретил Наташу*
- (2) *Сергея слушает Наташу*
- (3) *Сергея обнял Наташу*

Понятно, что степень «активности» субъекта действия (Сергея) и степень пассивной «охваченности» действием объекта (Наташи) в каждой из трех ситуаций разная, а в случае (2) Сергей, вполне

вероятно, вообще менее **активен**, чем Наташа (поскольку Наташа говорит, а Сергей **слушает**)⁴.

Зависимость залоговых значений от семантики слов, находящихся в позиции объекта, легко увидеть сравнив, например, такие две конструкции: *моется с мылом* — здесь залог собственно-возвратный, а *моется с детьми* — **взаимно-возвратный**.

Насколько тесно связано залоговое значение с лексической семантикой, можно судить по тому, что разные значения одного глагола могут выражать разный залог: *Сергея пишет письмо* — здесь прямопереходный глагол, т.е. действие «сверхактивное», а во фразе *Он славно пишет, переводит (А.Грибоедов)* — действие непереходное и поэтому менее направленное, «менее активное».

Зависимость залоговых значений от синтаксического контекста хорошо видна в следующих фразах:

- (1) *Сергея вспомнил Наташу*
- (2) *Сергея вспомнил о Наташе*
- (3) *Сергею долго вспоминалась Наташа*
- (4) *О Наташе больше не вспоминалось*

Залог в узком смысле (как оппозиция активных и пассивных глагольных форм) встречается далеко не во всех языках. Залог в широком смысле (как то или иное представление взаимоотношений в триаде «**субъект-действие-объект**», осуществляемое с использованием комплекса языковых средств — путем словоизменения, с опорой на возможности лексики и синтаксиса), — это универсальная содержательная категория, которая тем или иным образом выражается во всех языках **мира**⁵.

Изучение категории залога как сферы разнообразных **субъектно-объектных** отношений привело И.И.Мещанинова в 30-х годах нашего столетия к открытию классов языков, для которых

⁴ Залоговые значения зависят даже от рода существительного, называющего лицо-субъект **действия**. Так, фраза *Сергея целуется* понимается как '**Сергея целует (Наташу)**', в то время как фраза *Наташа целуется* — это, скорее, '**Наташу целует (Сергея)**'.

⁵ Анализируя грамматику высказываний, состоящих из значений '**крестянин**', '**тигр**', '**убить**', Э. Сепир указывал, что ни в одном языке такие высказывания нельзя построить без различения субъекта и объекта, т.е. без значений, входящих в сферу залога: «Можно умолчать о времени, месте и числе и о множестве других значений всякого рода, но нельзя вернуться от вопроса, кто кого убивает» (Сепир [1921], 1993, 95).

характерны глубоко различные типы организации предложения — номинативные и **эргативные** структуры (см. его посмертно изданную книгу: Мещанинов 1984). Так были заложены основы синтаксической типологии языков.

Последующие исследования показали, что изучение структуры и семантики **субъектно-объектных** отношений перерастает рамки синтаксической типологии. Это происходит потому, что, во-первых, сами отношения «субъект-действие-объект» в разных языках могут быть представлены (как бы «увидены» языком) принципиально по-разному. Различия между номинативным и **эргативным** строем настолько глубоки и значимы для понимания возможных способов видения мира «сквозь призму» языка, что их стали трактовать как содержательные различия между группами языков, а **соответствующие** исследования стали называть **контенсивной**⁶ типологией (подчеркивая ее отличия от морфологической типологии, занятой формой, «техникой языка»). Во-вторых, в силу комплексного (разноуровневого и системного) характера средств выражения залоговых значений, контенсивная типология вновь возвращается к понятию **языкового типа**, понимая его в качестве «совокупности признаков-координат различных языковых ярусов — синтаксического, морфологического, лексического и, как можно в настоящее время догадываться, фонологического (во всяком случае, морфофонологического)» (Климов 1983, 210).

33. Номинативный, эргативный, активный, классный и нейтральный строй языка

К языкам **номинативного строя** относится большинство языков мира, в том числе все языки индоевропейской, тюркской, монгольской семей, афразийской (семито-хамитской) макросемьи, языки уральской макросемьи (включающей финно-угорскую и самодийскую семьи), тунгусо-маньчжурские языки алтайской семьи, большинство языков китайско-тибетской семьи, большинство южноамериканских индейских языков (кечумара).

⁶ От англ. *content* — содержание. Нередко предмет контенсивной типологии языков понимают шире: не только **субъектно-объектные** структуры предложения, но вообще сходства и различия в плане содержания языков; такая контенсивная типология ориентирована на «понятийные» (семантические) категории грамматики и лексики.

В номинативных языках весь строй предложения направлен на максимальное различие субъекта действия и его объекта. Это достигается благодаря ряду грамматических и лексико-грамматических средств, таких как: 1) оппозиция падежа для субъекта действия (номинативного, или именительного) и падежа для объекта (в первую очередь винительного, но также и других косвенных падежей); 2) лексико-грамматическое противопоставление переходных и непереходных глаголов, при этом переходность глагола-сказуемого способствует особенно четкому различению субъекта и объекта (вплоть до выработки специальных активных и пассивных морфологических форм и синтаксических структур); 3) противопоставление прямого и косвенного объектов; при этом позиция прямого объекта, т.е. винительный падеж, способствует максимальному различению субъекта и объекта, в то время как в других косвенных падежах может наблюдаться частичная нейтрализация субъектно-объектных различий (ср. размытость различий между косвенным объектом и пассивно-безличным субъектом в позиции дательного падежа: *мне пишут, мне приходится писать, мне пришло в голову, мне думается, мне не пишется* и т.п.).

Эргативный строй предложения ориентирован на максимальное различие более активных действий, в большей мере самостоятельных и независимых от внешних инициатив или субъектов, и действий менее активных и самостоятельных. Это различие осуществляется следующим образом: 1) имеется **лексико-грамматическая** оппозиция переходных (более активных) и непереходных (менее активных) глаголов; 2) имеется оппозиция двух падежей для субъекта действия в зависимости от его большей или меньшей активности: при большей активности субъект действия (подлежащее) стоит в **эргативном падеже**⁷ (это падеж производителя действия, его инициатора); при меньшей активности подлежащее стоит в **абсолютном падеже** (это падеж для носителя действия, как бы исполнителя внешней инициативы); 3) имеется оппозиция двух падежей для объекта действия в зависимости от большей или меньшей активности действия: при большей активности требуется **прямой объект**, который стоит в абсолютном падеже; при меньшей активности требуется **косвенный объект** (часто это инструмент действия или адресат), который ставится в эргативном падеже.

⁷ От греч. *ergátēs* — действующее лицо.

Ср. примеры Г.А.Климова из аварского языка: А) эргативная конструкция: *Ди-ца бече б-ачана* 'Я теленка пригнал': местоимение 1-го лица *Ди-ца* стоит в эргативном падеже, прямое дополнение (*бече*) — в абсолютном. Б) абсолютная конструкция предложения: *Бече б-ачана* Теленок пришел': подлежащее стоит в том же абсолютном падеже, в каком в первом предложении пребывало дополнение. В результате один и тот же глагол (в аварском есть группа **переходно-непереходных** глаголов, конкретизирующих свою семантику в зависимости от эргативности-абсолютности конструкции) получает существенно разные значения в плане активности-неактивности — 'сделать так, чтобы некто пришел' и 'быть пришедшим'.

Таким образом, и эргативный и абсолютный падеж могут быть формами и для субъекта действия и для его объекта: выбор падежа диктуется не необходимостью различить субъект и объект, а необходимостью различной передачи самого действия — путем указания на то, насколько действие активно и независимо. Возможно, более глубокий смысл этого противопоставления заключается в оппозиции двух «семантических ролей» в структуре предложения: «агента (источника действия) и фактитива (носителя действия)» (Климов 1983, 215).

К языкам эргативного строя относятся большинство иберийско-кавказских языков, баскский язык, многие папуасские, австралийские, чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские, североиндейские языки.

Оппозиция активного и неактивного действия с еще большей последовательностью, чем в эргативных языках, выражена в языках **активного строя**. Все возможные субъекты действия обладают показателями активности или неактивности действия: существительные распределены на соответствующие классы, личные местоимения имеют две парадигмы склонения — активного деятеля и неактивного; имеется два класса глаголов: активные (глаголы действия) и глаголы состояния. Как и в эргативных языках, **субъектно-объектные** отношения не имеют регулярной манифестации в структуре предложения. К языкам активного строя относятся многие автохтонные языки Северной и Южной Америки.

Для языков **классного строя** характерно разделение главных частей речи на семантические классы (разряды). Например, в кругу

существительных есть разряд человека, разряды животных, растений, длинных предметов, предметов коротких, круглых, плоских и т.д.; глаголы разделяются на глаголы ситуации и глаголы качества; им соответствуют определенные конструкции предложения, при этом в конструкциях с глаголами ситуации передаются общие субъектно-объектные отношения (Принципы 1976, 132—133; Климов 1983, 87—89). К классному типу относятся многие языки Центральной Африки, включая языки семьи банту и в их числе суахили — один из самых распространенных в межэтническом общении африканских языков.

В силу недостаточной изученности, языки **нейтрального строя** пока могут быть охарактеризованы, скорее, отсутствием тех черт, которые составляют отличия номинативного, активного и классного строя. Не исключено, что даже имя и глагол здесь морфологически не дифференцированы. Трудно указать **семантико-синтаксическую** доминанту предложения в этих языках: они «нейтральны» и в передаче **субъектно-объектных** отношений, и в различении активных и неактивных действий. К нейтральному типу принадлежат некоторые языки Западной Африки.

Пять рассмотренных типологических систем, по мнению Г.А.Климова, могут быть интерпретированы в качестве **стадий** в развитии языка человека. «Если сопоставить структурные импликации всех коротко охарактеризованных выше типологических систем, то по степени своей взаимной близости они, по-видимому, с необходимостью выстраиваются в следующий ряд: 1) нейтральный тип; 2) классный тип; 3) активный тип; 4) эргативный тип; 5) номинативный тип. Именно такая последовательность диктуется прежде всего степенью усиления ориентации их структуры на передачу субъектно-объектных отношений» (Принципы 1976, 142). И хотя в более поздней работе Г.А.Климов значительно осторожнее в вопросе об историческом объяснении **контенсивно-типологической** классификации языков, в целом сохраняется мысль о «едином процессе постепенного усиления **субъектно-объектной** ориентации языковой структуры» и «необратимости развития от одного языкового типа к другому» (Климов 1983, 219, 218).

На лингвистической карте мира резко преобладают языки номинативного и, далее, эргативного строя, а также языки, совмещающие номинативные и эргативные черты. По-видимому, это обстоятельство может быть одним из эмпирических **подтвержде-**

ний эволюции языковых структур в направлении к номинативно-му укладу. Возможно, именно номинативный и **номинативно-эргативный** строй характерен для языков современного человечества.

34. Типология порядка слов: свободное и фиксированное словорасположение. Модели фиксированного словопорядка в триаде «**субъект—действие—объект**»

В типологии порядка слов существенны следующие различительные признаки: 1) свободное или фиксированное положение основных мыслительных категорий внутри предложения; для языков с фиксированным порядком существенно также то, в какой последовательности относительно друг друга располагаются главные мыслительные категории (и соответствующие члены предложения) (§ 34); 2) преобладание «естественного» или «синтаксического» порядка в развертывании полипредикативных высказываний (§ 35); 3) преобладание «естественного» или «синтаксического» порядка в линейной организации синтагм (§ 36).

В языках со свободным порядком слов (как, например, в славянских) взаиморасположение членов предложения может быть любым, т.е. используются все 6 теоретически возможных моделей словопорядка: ср. русск.:

- (1) *Саша ведет машину* (модель **SVO**⁸)
- (2) *Саша машину ведет* (модель **SOV**)
- (3) *Машину ведет Саша* (модель **OVS**)
- (4) *Машину Саша ведет* (модель **OSV**)
- (5) *Ведет Саша машину* (модель **VSO**)
- (6) *Ведет машину Саша* (модель **VOS**)

Свобода или фиксированность словопорядка коррелируют с существенными морфологическими чертами языков. При свободном порядке слов синтаксическая функция слова (функция обозначения, допустим, субъекта или объекта действия) зависит не от его места в предложении, но от его падежной формы. При фиксированном порядке слов место слова соответствует его синтаксической функции и в таком случае морфологические показатели синтаксической роли слов (т.е. падежи) становятся излиш-

⁸ Общепринятые в типологии **акронимические** символы трех главных членов предложения: S — субъект действия, V — действие (лат. *verbum* — глагол), O — объект действия.

ними. Таким образом, оппозиция «свободный — фиксированный порядок», коррелируя с наличием /отсутствием категории падежа, имеет основополагающее значение для типологии языков. Свободный порядок слов — это яркая черта синтетического строя, в то время как фиксированный словопорядок типичен для аналитических языков.

В языках со свободным словорасположением порядок слов, не будучи связанным с передачей синтаксических значений, находит свое функционально-семантическое применение в формировании других значений, более частных, в той или иной мере факультативных и «поверхностных», но заметных и важных для говорящих в конкретных актах общения. Свободный порядок слов позволяет говорящим с помощью **словорасположения** выражать или уточнять логические или психологические акценты, тема-рематическую и/или временную перспективу, экспрессивно-стилистические коннотации и другие подобные оттенки плана содержания высказывания. Ср.:

Машину Саша водит (данный порядок говорящий избирает потому, что в подтексте или следующем высказывании может быть примерно такое содержание: '**Машину** водит, а вот катер еще не **умеет**'; или '**Водит**, а чинить не **умеет**', или '**Водит**, но не **любит**' и т.д.).

Саша водит машину (в подтексте: '**А** Петя управляет самолетом' и т.п.).

Водит Саша машину (в подтексте: '**А** между тем думает, как бы пересечь на **вертолет**' и т.п.).

Однако оппозиция «свободный — фиксированный порядок», даже если иметь в виду чисто грамматические функции словорасположения, — это отнюдь не жесткая дихотомия, а плавный континуум, со многими «отступлениями» от фиксированного порядка и столь же многочисленными «ограничениями» свободного **словорасположения**⁹. Если же говорить о коммуникативных функциях порядка слов (различение темы и ремы), о его роли в выражении логического и психологического содержания, его экспрессивных и эмфатических возможностях, то представления о «норме» в сло-

⁹ Так, в славянских языках, в случае омонимии именительного и винительного **падежей**, порядок слов становится фиксированным: субъект обязательно предшествует объекту. Ср. рус. *Бытие определяет сознание* и *Сознание определяет бытие*; словен. *Tele gleda irebe* '**Теленок** смотрит на **жеребенка**' и *Žrebe gleda tele* '**Жеребенок** смотрит на **теленка**' и т.п.

вопорядке и инверсии нуждаются во многих уточнениях применительно к конкретным языкам.

В отличие от языков со свободным **словопорядком**, при котором возможны любые комбинации V / S / O (сказуемого и его главных актантов — субъекта и объекта; см. выше), в языках с фиксированным порядком слов в высказываниях преобладает та или иная **одна** модель взаиморасположения SVO. В языках мира с фиксированным словопорядком встречаются все из 6 возможных комбинаций SVO в качестве доминирующей модели **слово-расположения**, при этом, однако, встречаемость в языках мира каждой из 6 моделей существенно разная. Ниже в таблице приводятся данные о количестве и удельном весе групп языков с разными доминирующими моделями словопорядка (из 402 языков, обследованных в 1986 г. Р.С.Томлином¹⁰), а также примеры языков с преобладанием соответствующего словопорядка.

Таблица 34. Представленность в языках мира 6 моделей порядка слов

№	Модель порядка слов	Количество и процент языков (из 402 языков)	Примеры языков с преобладанием соответствующей модели
1	SOV	180 (44,78 %)	Японский, корейский, хокальтекские языки (из группы индейских языков), неварский (из группы тибето-бирманских языков)
2	SVO	168 (41,79 %)	Английский, вьетнамский, языки подгруппы банту (центральная Африка), бушменские языки (Африка), ирокезские языки (из группы индейских языков)
3	VSO	037 (9,20%)	Языки берберо-ливийской ветви афразийской макросемьи
4	VOS	012 (2,99 %)	Три языка амазонского ареала, некоторые языки на Мадагаскаре, в западнотихоокеанском ареале
5	OVS	005 (1,24 %)	Некоторые языки карибского и амазонского ареалов
6	OSV	000 (0 %) ¹¹	Некоторые языки карибского и амазонского ареалов

¹⁰ An Encyclopedia of Language / Ed. by N.E.Collinge. London — New York, 1990. P. 297.

¹¹ В базе данных Р.С.Томлина такие языки не были представлены, однако позже **словопорядок** модели OSV обнаружили в ряде языков карибского и амазонского ареалов (см. Иванов 1988, 124—126).

Порядок взаиморасположения сказуемого и его двух основных актантов коррелирует с некоторыми другими чертами порядка слов в данном языке. Как показал Дж. Гринберг, при доминации модели VSO язык использует предлоги, но не послелогои; напротив, при доминации SOV в языке возможны исключительно послелогои (Гринберг 1970).

35. «Естественное» и «синтаксическое» развертывание фразы

В диахронической типологии, а также в сопоставительных синтаксических исследованиях различают два способа синтаксического развертывания содержания. Первый из них иногда называют **естественным**, второй — **синтаксическим** (хотя встречается и другая терминология). При естественном развертывании фразы порядок слов или словосочетаний отражает очередность появления в сознании говорящего компонентов мысли или даже хронологию событий в реальной ситуации или иерархию объектов. Чарльз Пирс и позже Р.О. Якобсон называли такое словорасположение **диаграмматическим** и рассматривали его как одно из проявлений иконичности (изобразительности) языковых знаков. Последовательность глаголов *veni, vidi, vici* [‘пришел, увидел, победил’] воспроизводит последовательность действий Цезаря, т.е. ход событий, а порядок **словорасположения** двух подлежащих во фразе *На собрании присутствовали президент и государственный секретарь* соответствует должностной иерархии лиц (Якобсон [1965] 1983, 107). При синтаксическом развертывании порядок слов направляется не хронологией событий и не «потокотом сознания», а выработанными в языке схемами или моделями синтаксической организации мысли. Ср.: *Благодарю, что не умер вчера* (А.Вознесенский); *Разговорились мы с ним, случайно оказавшись за одним столом* (вопреки реальной последовательности действий: *не умер — вчера, сегодня — благодарю; вначале оказались по соседству, потом разговорились*).

Преобладание «естественного» или «синтаксического» начала в словорасположении зависит не столько от типологии языка, сколько от степени развития его письменно-литературных форм выражения. Одна из магистральных линий в развитии литературных языков как раз и состоит, говоря словами Л.А.Булаховского, в «более строгой синтактизации» речи, в возрастании ее синтаксической «выдержанности» (Булаховский 1953, 391—392).

В языковой практике «естественное» развертывание фразы остается характерным для разговорной речи, в том числе для речи людей, вполне владеющих нормами литературного языка. Такое **развертывание** часто синтаксически непоследовательно (не говоря о логике). Зависимые слова не всегда рядом. «Поток сознания» направляется субъективно-экспрессивными факторами. Естественная «речевая цепочка» часто разорвана, иногда говорящий как бы «прыгает» с одного компонента мысли (фразы) на другой. В записи на бумаге такая «естественная» фраза, без сопровождения жестов, мимики, интонации, лишённая контекста и опоры на ситуацию, понятную говорящим, понимается с большим трудом, чем фраза, построенная по сложившимся синтаксическим моделям, хотя бы и громоздким. Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить заурядное проявление такого «естественного синтаксиса» и «то же» содержание, но как бы перелитое (как расплавленный металл в заранее подготовленные формы) в созданные языком синтаксические структуры. Ср.: *Нам наша пианистка хватит того что портит нервы* (запись устной речи) и *Нам хватит того, что наша пианистка нам портит нервы*. О закономерностях разговорного синтаксиса см. также § 93.

36. Линейный порядок в синтагмах как один из принципов синтаксической типологии

Помимо оппозиции «фиксированный — свободный словоупорядок», в типологии порядка слов значимы различия языков, касающиеся взаиморасположения членов в подчинительных конструкциях. В любой подчинительной синтагме зависимый член может стоять либо **после** подчиняющего члена (непосредственно или дистантно), т.е. **справа** от него (например, *вспоминает дед*¹², *пишу письмо*, *сыр голландский*, *трели соловья* и т.п.), либо **перед** подчиняющим словом, т.е. **слева** от него и тоже необязательно контактно (*дед вспоминает*, *письмо пишу*, *голландский сыр*, *соловья трели*).

¹² Согласно некоторым современным синтаксическим теориям, в предикативной синтагме сказуемое является главным (подчиняющим) членом, а подлежащее — зависимым (подчиненным).

Люсьен Теньер, исходя из того, что в линейном отношении речь развертывается слева направо, предложил различать в синтагмах порядок слов **центростремительный**, или **восходящий** (когда стрелка зависимости направлена слева направо, «по ходу» линейного развертывания речи: как в словосочетании *сыр* ⇒ *голландский*), и порядок **центробежный**, или **нисходящий** — когда стрелка зависимости направлена справа налево, «против хода» линейного развертывания речи — как в синтагме *голландский* ⇐ *сыр* (Теньер 1988, 33–34).

Ориентированность зависимости слева направо в целом соответствует логике развертывания мысли: вначале независимый член — потом зависимый, т.е. вначале действие, потом объект (*пишу письмо*); вначале предмет, потом его признак (*сыр голландский*); вначале действие — потом субъект (*вспоминал дед*) и т.д. Для любого высказывания можно определить количество случаев центростремительного и количество случаев центробежного словоупорядка. Например, во фразе *Вороне где-то Бог послал кусочек сыру* три центробежные связи и две — центростремительные.

Соотношение двух указанных видов **словорасположения** в разных языках (разумеется, определенное на текстах достаточного объема) было положено **Л.Теньером** в основу типологической классификации языков. Помимо языков «строго центробежных» и «строго центростремительных», он выделяет две срединные зоны языков «умеренно центробежных» и «умеренно центростремительных». В итоге типологическая классификация языков по линейному порядку подчиняющих и подчиненных элементов предстала в виде следующего континуума (см. таблицу 36).

Индоевропейские языки занимают в целом срединное место, при этом одни из них — «умеренно центробежные», другие — «умеренно центростремительные». Типологическое качество порядка слов с течением времени может меняться: так, в разных подклассах оказались праязык и его потомок (латынь и французский). Отмечая достаточно четкое географическое распределение центробежных и центростремительных языков, Теньер замечает: «Было бы странно, если бы столь четкое распределение оказалось чистой игрой случая» (Теньер 1988, 45).

Таблица 36. Типологический континуум языков в зависимости от «цетростремительности»-«центробежности» словорасположения

Центробежные	Строгие	Банту Семитские (древнееврейский, арабский) Австронезийские
	Умеренные	Языки тропической Африки Тасманийский Древние языки Передней Азии (шумерский, эламский) Языки американских индейцев Баскский Кельтские Романские (итальянский, испанский, французский)
Центростремительные	Умеренные	Греческий Латинский Германские (английский, немецкий) Славянские (русский) Языки Австралии Папуасские языки Андаманские Сино-тибетские (китайский)
	Строгие	Кавказские Языки Южной Африки (готтентотский , бушменский) Дравидийские Бурушаски Языки побережья Северного Ледовитого океана (чукотско-камчатские и эскимосский) Урало-алтайские (включая японский и корейский)

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ

37. Признаки, значимые для типологии лексических систем

Лексическая типология — сравнительно новая область исследований, возникшая в 50-х гг. XX в. Для становления ее метода в славистике особенно важны работы Исаченко 1958, Толстой 1969, Супрун 1983. Предмет лексической типологии составляют типологические сходства и различия лексических систем в разных языках. Имеется ряд особенностей, отличающих лексическую типологию от типологии **фонетико-фонологического** и грамматического уровней языка. Во-первых, типологически значимые различия в лексике разных языков в значительной степени обусловлены типологией их грамматики и, отчасти, фонетики. Поэтому некоторые глубокие типологические различия в лексике носят как бы вторичный, производный характер (например, различия между языками в степени морфемной сложности слова; различия в характере распределения лексики по частям речи; различия в составе подсистемы служебных слов и др.).

Во-вторых, в сравнении с фонологией и грамматикой, лексика представляет собой более слабую и нечеткую, в большей мере вероятностную систему, значительно меньше структурированную. Поэтому, в отличие от фонетико-фонологической и грамматической типологии, в лексической типологии отсутствуют и, по-видимому, невозможны классификации языков.

В-третьих, степень изученности лексического уровня языков значительно меньше, чем изученность фонологии и грамматики. В силу более сложной, громоздкой и менее четкой организации лексического уровня языка (в сравнении с фонологией и грамматикой), большой трудоемкости словарного описания лексики, а тем более создания сопоставимых описаний лексики разных языков, в лексической типологии особенно ощутим недостаток эмпирических данных. Поэтому применительно к лексическому уровню прак-

тически отсутствуют и скорее всего невозможны полные универсалии. Основной формой представления типологического знания о лексических системах является характерология языков. Широкое развитие получила также сопоставительная лексикология.

Для типологии лексических систем значимы следующие признаки: 1) объем словарного фонда (§ 38); 2) семантико-тематическая структура лексики (§ 39); 3) наличие и глубина стилистической дифференциации словаря (§ 40); 4) источники новых обозначений и сравнительная продуктивность разных средств пополнения словарного запаса (таких, как морфемная деривация, семантическая деривация, заимствования, образование несвободных сочетаний), что в свою очередь обуславливает такие типологически значимые признаки, как соотношение в языке мотивированных и немотивированных названий; степень морфемной сложности слов; см. §§ 41—42.

38. Объем словарного фонда

В бесписьменном языке или диалекте примерно 10 тысяч слов — таков «лексический минимум» языкового коллектива, по данным современной диалектологии и антропологии. О «лексическом максимуме» можно, хотя и с оговорками, судить по словарям-тезаурусам¹ языков, обладающих продолжительной и богатой письменной традицией.

Например, в 10-томном тезаурусе немецкого языка (Большой Дуден²), в 7 томах французского *Grand Larousse*³ более полумиллиона слов. В 13 книгах Большого Оксфордского словаря⁴ свыше 400 тыс. словарных статей; в самом полном из словарей Уэбстера⁵ более 600 тысяч. Однако Оксфордский словарь включает всю

¹ *Тезаурус* (от греч. *thēsauros* — сокровище, клад, запас; обилие) — словарь, стремящийся к максимально полному охвату и подробному описанию лексики данного языка.

² *Der grosse Duden. Bd. 1—10.* Mannheim — Wien — Zurich: Dudenverlag, 1958-1970.

³ *Grand Larousse de la langue française. V. 1—7 / P., 1971—1978.*

⁴ *Oxford English Dictionary. Vol. I—XII with supplement and bibliography.* Oxford Univ. Press, Inc., 1933.

⁵ *Webster's New International Dictionary. Second ed. Unbridged.* Springfield, Mass., 1934.

лексику английского языка с XII по XX в., в том числе ушедшие из языка слова. Словарь Уэбстера, соединяя в себе жанр лингвистического и энциклопедического справочника, содержит тысячи узкоспециальных терминов, тысячи собственных имен, в том числе географические названия. Его хронологические рамки хотя и уже Оксфордского словаря, однако выходят далеко за пределы современного языка: включены все слова, начиная с 1500 г. (Ступин 1973, 37). Тезаурус, следовательно, суммирует разновременную лексику, в том числе слова, которые реально не сосуществовали в одно время. По таким данным трудно судить об объеме лексики, которая находится в обращении одновременно (**синхронически**), например, в текущем столетии.

Объем «актуального» лексического запаса языка можно представить по так называемым «средним» (по объему) толковым словарям языков, рассчитанным на широкий круг пользователей (учителя, издательства, студенты). В частности, *Webster's Collegiate Dictionary* насчитывает 130 тыс. слов. Ср. также данные, приводимые А.Е. Супруном для словарей современных славянских языков (таблица 38). Существенно меньший объем лексикона в серболужицких языках связан с ограниченностью их социальных функций в условиях немецко-славянского двуязычия. Сравнительно небольшой объем македонского словаря объясняется молодостью языка — словарь создавался в период второго десятилетия существования литературного македонского языка (Супрун 1983, 8—9).

Таблица 38. Объемы словарей в современных славянских литературных языках (в тысячах слов)

Белорусский	Болгарский	Верхнелужицкий	Македонский	Нижнелужицкий	Польский	Русский	Серб. и хорватский	Словацкий	Словенский	Украинский	Чешский
100	170	46	62	40	125	120	143	125	ПО	137	250

Оценивая лексические запасы языков по словникам лексиконных, **полезно** иметь в виду, что все «средние» по объему словари в предисловиях подчеркивают, что не претендуют на исчерпывающую лексическую полноту даже современного литературного языка (не говоря о ближайшем живом прошлом — XIX в., а так-

же о живом настоящем — диалектно-просторечной лексике, часто общеизвестной в силу бытования в широких ареалах). В реальности в современных языках слов значительно больше, чем 120—140 тыс. По-видимому, количественная отметка здесь все же близка к цифре, которую дают тезаурусы, — полмиллиона слов.

О соотношении словарного запаса языка, индивидуального словаря отдельного человека и необходимом для общения лексическом минимуме можно судить по данным, приведенным в таблице 38-а.

Таблица 38-а. Количественные характеристики лексиконов

500 тыс. слов —	тезаурус языка с тысячелетней письменной традицией
130 тыс. слов —	общеупотребительный сводный лексикон современного языка
20 тыс. слов —	в тексте сочинений Шекспира (совокупный объем текстов около 0,88 млн. словоупотреблений) ⁶
21 тыс. слов —	в Словаре языка Пушкина (общий объем текстов около 0,5 млн. словоупотреблений)
19 тыс. слов —	в «Войне и мире» Толстого (объем текста 0,4 млн. словоупотреблений)
около 5 тыс. слов —	употребляют минские школьники 12 лет, при том что знают (понимают) около 30 тыс. слов ⁷ (по данным Я.И.Вильтовской , см. Вильтовская 1980)
850 слов —	в Basic English (в минимизированной системе Чарльза Огдена)
1500 слов —	в Учебном словаре-минимуме немецкого языка (составители В.И.Мартиневский, Е.И.Дубовик, Г.С.Шкрובה / Мн.: Выш.шк. , 1993)
1000 слов —	в «Лексическом минимуме по английскому языку для студентов-физиков» И.М.Сальковой (Мн.: Выш.шк. , 1989)

⁶ При другом принципе подсчета лексем (если считать отдельными единицами дериваты от *go* типа *goes, gone, going*) количество разных слов резко возрастает (почти на 30%). «Complete and Systematic Concordance of the Works of Shakespeare» (L., 1968—1980) приводит обе цифры. См. *Crystal D. The Cambridge encyclopedia of the English language. Cambridge University Press, 1995. P.123.*

⁷ Ср. некоторые другие данные об объеме лексикона человека: 1) японские школьники в 12 лет знают 25668 слов, в 13 лет — 31240 слов (Неверов 1982, 56); 2) по данным **Д.Кристалла** (в его *The Cambridge encyclopedia of the English language. P. 123*), активный словарь выпускника английской средней школы, составляет 10—12 тыс. слов, выпускника колледжа — 20—25 тыс., университетского преподавателя — 56 тыс. (при этом объем его пассивного словаря определяют в 76 тыс. слов); 3) по оценке **Дж.Миллера**, 17-летний выпускник американской школы знает около 60 тыс. слов (*Miller G. The Science of Words. New York, 1991. P.246*).

39. Семантико-тематическая структура лексики

Для типологической характеристики лексических систем существен не только количественный объем, но и качественный состав лексики в разных языках. Лексическое своеобразие языков создается рядом слагаемых — таких, как наличие индивидуально-этнической лексики; объем и характер структурированности отдельных лексико-семантических зон тех или иных лексико-семантических полей и групп.

В этой связи обычно указывают на такие факты, как многочисленность обозначений снега в эскимосском языке; целая система названий песка и понятий коневодства — в арабском; десятки наименований деревьев и плодов банана в языках тропической Африки; множество названий для ветров в языках и диалектах народов, живущих на морском побережье; **разветвленность** непереводаемой терминологии тибетской медицины; высокую идиоматичность религиозно-философской терминологии буддизма, даосизма, ламаизма — при **распространении** соответствующих учений их терминология не столько переводится, сколько заимствуется в другие языки.

В XIX—XX вв. исследователей архаических социумов поразило, как много в племенных языках названий для всего конкретного и единичного, позволяющих в зримых, слышимых, осязаемых подробностях представлять в речи внешний мир, — и это при заметных лакунах в сфере общих и родовых обозначений.

«У них [австралийских аборигенов. — **Н.М.**] нет общих слов, как дерево, рыба, птица и т.д., но исключительно специфические термины, которые применяются к каждой особой породе дерева, птицы и рыбы». «Австралийцы имеют отдельные имена почти для каждой мельчайшей части человеческого тела: так, например, вместо слова **«рука»** у них существует много отдельных слов, обозначающих верхнюю часть руки, ее переднюю **часть**, правую **руку**, левую руку и т.д.». «В области Замбези каждое возвышение, каждый холм, каждая горка, каждая вершина в цепи имеет свое название, точно так же, как каждый ключ, каждая равнина, каждый луг, каждая часть и каждое место страны <...> обозначено специальным именем <...>. **Оказывается**, география примитивного человека гораздо богаче нашей» (Цит. по: Выготский, Лурия 1993, 96—97).

Характеризуя мыслительные возможности сознания, основанного на языках с избытком слов конкретной семантики, но с ощутимой нехваткой (в сравнении с европейскими языками) слов с абстрактны-

ми и общими значениями, Л.С.Выготский писал: «Язык примитивного человека выражает образы предметов и передает их точно так, как они представляются глазам и ушам. Точное воспроизведение — идеал подобного языка <...> Такое пластическое, подробное описание представляет и большое преимущество, и большой недостаток примитивного языка. Большое преимущество — потому, что этот язык создает знак почти для каждого конкретного предмета и позволяет примитивному человеку с необычайной точностью иметь в своем распоряжении как бы двойники всех **предметов**, с которыми он имеет дело <...> Однако наряду с этим язык бесконечно загружает мышление деталями и подробностями, не перерабатывает данные опыта, воспроизводит их не **сокращенно**, а в той полноте, как они были в действительности» (Выготский, Лурия 1993, **98**, 100).

Сознанию, которое опирается на язык минимально абстрагированный, еще не отвлеченный от наглядной и наивной картины мира, трудно вырабатывать обобщающие и абстрактные понятия (представления) и «связывать» их в суждения и умозаключения. Одна из магистральных линий в истории лексики как раз и состояла в частичной постепенной утрате («забывании») массы конкретных наименований и сложении лексических средств для передачи обобщающих и абстрактных **понятий**.

Глобальность современной цивилизации и информационных процессов приводят к значительной унификации и нивелированию лексического своеобразия языков. Современные языки различаются не столько наличием-отсутствием того или иного пласта лексики, сколько его происхождением и этноязыковой обложкой. Например, компьютерная терминология есть всюду, где есть компьютеры, но в английском языке США **эти** термины «свои», они тесно связаны с неспециальной обиходной лексикой и поэтому ближе обиходному **сознанию**⁸, в русском языке

⁸ Неслучайно многие ключевые термины такие короткие: они пришли из бытового языка и до сих пор живут как названия бытовых реальных. Например, *file* (русс. *файл*) продается среди разной бытовой мелочи: это небольшая пластмассовая коробочка, вроде каталожного ящика, с перегородками, для хранения счетов, квитанций, адресов, рецептов и т.п.; *chip* (русс. *микросхема*) — щепка, лучина; тонкий кусочек (сушеного яблока, поджаренного картофеля, ср. *чипсы*); *scanner* (русс. *сканер, лексический анализатор, сканирующее устройство*) от англ. *to scan* — разглядывать, изучать; просматривать.

они заимствованы из английского, а в словенском — в значительной мере переведены (калькированы) и, таким образом, «одомашнены». Ср.: русск. *компьютер* — словенск. *računalnik*, *принтер* — *tiskalnik*, *курсор* — *kazalec*, *графический процессор* — *risalnik*, *файл* — *predal* и т.д.

40. Наличие и глубина стилистической дифференциации словаря

Стилистическая дифференциация лексики, конечно, ни в одном языке не изначально. Стилистически однородна лексика бесписьменных языков и диалектов — до тех пор, пока говорящие не начинают осознавать различия отдельных видов общения, в том числе — путем осознания некоторых языковых средств в качестве примет (маркеров) особых видов речи.

Исторически первые функционально-стилистические оппозиции форм общения складывались на основе различия, с одной стороны, обиходного общения, а с другой, — речи, обращенной к высшим силам, — в таких жанрах фидеистического слова, как заговор, заклинание, клятва, молитва. Углубление функциональной специализации языковых средств происходит по мере углубления дифференциации социальных сфер общения. В принципе, чем старше литературный язык, чем богаче его письменно-литературная традиция, тем богаче, тоньше и определеннее спектр стилистических противопоставлений синонимических и параллельных языковых средств.

Ю.С.Степанов, сопоставляя стилистические системы французского и русского языков, на нескольких страницах систематизирует серии стилистических синонимов в каждом языке. Показательно, что в таблице для синонимических рядов в русской лексике потребовалось 5 столбцов, а для французской — 6 (при том, что в некоторых строках в обеих таблицах стилистические парадигмы оказались **неполными**, см. Степанов 1965, **227—233**). Сравнение фрагментов из обеих таблиц позволяет видеть, что стилистическая дифференциация французской лексики сложнее, тоньше (в ней различаются обычно 5 стилистических регистров), чем русской (4 регистра).

Таблица 40. Стилистическая градация синонимов в русском языке

Строго книжная лексика	Нейтрально-книжная лексика	Нейтрально-разговорная лексика	Разговорно-фамильярная лексика	Просторечная лексика
<i>достояние</i>	<i>имущество</i>	<i>вещи</i>		<i>барахло</i>
<i>бытие</i>	<i>существование</i>	<i>жизнь</i>	<i>жизье</i>	<i>житуха</i>
<i>обилие</i>	<i>множество</i>	<i>много</i>	<i>масса</i>	<i>пропасть, уйма, тьма</i>

Таблица 40-а. Стилистическая градация синонимов во французском языке

Книжный стиль		Разговорный стиль		Просторечие	
	Нейтральный				
<i>élevé</i>	<i>écrit</i>	<i>parlé</i>	<i>familier</i>	<i>langue populaire</i>	<i>argot</i>
<i>pecune</i>	<i>fonds</i>	<i>argent</i>	<i>pepettes</i>	<i>pepettes</i>	<i>beurre</i> ⁹
<i>trepasser</i>	<i>succomber</i>	<i>mourir</i>	<i>y etre</i>	<i>dévisser</i>	<i>deramer</i> ¹⁰

41. Источники новых обозначений и сравнительная продуктивность разных средств пополнения словарного запаса

При всем типологическом разнообразии языков и неповторимости их индивидуальных судеб, существует всего четыре источника новых обозначений, т.е. четыре пути или способа пополнения словаря (подобно тому, как во всех языках мира есть **только** 9 способов выражения грамматических значений). Источники пополнения словаря бывают такие: 1) морфемная деривация; 2) семантическая деривация; 3) образование несвободных сочетаний; 4) заимствования. Все языки используют все четыре пути, однако в существенно в разной мере.

41.1. Морфемная деривация и лексикализация. В изолирующих языках Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (китайском, вьетнамском, кхмерском, лаосском и др.) морфемная деривация

⁹ Семантический инвариант ряда — значение 'деньги'.

¹⁰ Семантический инвариант ряда — значение 'умереть, скончаться'.

используется в минимальной мере. Индекс синтетичности вьетнамского языка — 1,06 (по Гринбергу, см. § 27) — указывает, что в тексте длиной в 100 слов только 6 слов являются производными, т.е. продуктом аффиксальной деривации. Вместе с тем в изолирующих языках достаточно развито словосложение, поэтому, например, во вьетнамском тексте совокупный удельный вес аффиксальных производных и сложных слов составляет **31 %**, а доля непроизводных слов — **69 %** (Солнцева 1985, 138). Сложность проблемы, однако, в том, что в изолирующих языках часто трудно отличить **двукорневое** сложное слово от словосочетания, а полнознаменательное слово — от служебного.

В неизолирующих языках морфемная деривация используется значительно шире и является **основным** источником новых слов. Так, среди 3500 новых обозначений, вошедших в русский язык в 60-х гг. XX в.¹¹, доля морфемных дериватов составляла примерно **83 %**; в составе новой английской лексики начала 60-х гг. — около **63 %**¹²; в английской лексике 80-х гг. — **67,5%** (Заботкина 1989).

По данным **В.Г.Гака**, основанным на сопоставлении лексических оболочек для 800 понятий, во французском и русском языках слова с непроизводной основой составляют примерно треть лексики, т.е. морфемных дериватов — около двух третей (Гак 1977, 59). В соотношении более мелких деривационных групп лексики имеются более заметные межъязыковые различия (см. таблицу 41.1.).

Таблица 41.1. Удельный вес трех деривационных групп лексики во французском и русском языке

Языки	Деривационная характеристика слова		
	Непроизводная основа	Производная основа	
		Однокорневое слово	Двукорневое слово
Французский	32 %	60 %	8 %
Русский	34%	54 %	12 %

¹¹ Представлены в издании: Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. **Н.З.Котеловой** и Ю.С.Сорокина. М.: Сов.энциклопедия, 1971.

¹² По данным Э.М.Медниковой и Т.Ю.Каравкиной. См.: **Ginzburg R.S., Khidekel S.S., Knyazeva G.Y., Sankin A.A.** A Course in Modern English Lexikology. М., 1966. P.243.

Кроме того, во французском чаще, чем в русском, новые слова возникают в результате **лексикализации** (сращения) словосочетаний¹³ и в результате усечения основ (*metro* из *metropolitain*, *labo* из *laboratoire*). В русском языке шире, чем во французском, используется суффиксально-префиксальная деривация и больше сложно-суффиксальных слов, поэтому в среднем в русском слове больше **морфов**, чем во французском (Гак 1977а, 241—252). В целом большая деривационная сложность русского слова в сравнении с французским объясняется различиями в морфологической типологии: русский язык относится к синтетическим языкам, в то время как французский — к аналитическим.

В новой английской лексике 80-х гг. самым продуктивным способом образования неологизмов, по оценке автора-составителя соответствующего словаря Дж.Эйто¹⁴, оказался особый вид сокращенных словосложений — контаминация начала первого слова и конца второго: *magalog* ‘большой (журнального формата), каталог с рекламой товаров, заказываемых по почте’ (из *magazine* ‘журнал’ + *catalogue*), *fertigation* ‘в агротехнике метод непрерывной капельной подкормки и одновременного полива растений’ (из *fertilize* ‘удобрять’ + *irrigation* ‘орошение, ирригация’) и т.п.¹⁵.

41.2. Семантическая деривация и конверсия как ее особый случай. Семантические дериваты слова — это его новые значения. Явление семантической деривации (т.е. развитие у слов новых значений) универсально, однако процессы полисемии в разных языках протекают с разной степенью интенсивности. Известно, что в аналитических языках слова в среднем более многозначны, чем в языках синтетических, — в этом убеждают сопоставимые по объему переводные и толковые словари соответствующих языков. Однако надежное количественное межъязыковое сопоставление продуктивности семантической деривации затруднено. Дело в том, что, в отличие от морфемной

¹³ Примеры лексикализации: франц. *rouge-gorge* ‘малиновка’ от *rouge* ‘красный’ и *gorge* ‘грудь’; *juste-milieu* ‘золотая середина’ от *juste* ‘справедливый, правильный’ и *milieu* ‘середина’; русск. *сегодня*, *диван-кровать*.

¹⁴ *Auto John*. The Longman Register of New Words. М., 1990.

¹⁵ В лингвистике такую деривацию называют английским термином *blending* (‘смешение’), иногда также **вставочным** или **телескопическим** словообразованием; вместе с заимствованиями оно пришло и в славянские языки: ср. рус. *мотель* (из англ. *motorist+hotel*), *позитрон* (*positive+electron*) и др.

деривации, результаты которой представлены «материально» — в виде новых словарных (и текстовых) единиц, семантическая деривация существенно менее заметна и меньше отображается словарями. Имеющиеся данные о доле семантических дериватов в кругу инноваций в разных языках обычно с трудом сопоставимы — в силу разных принципов формирования соответствующих баз данных. Велик разброс данных применительно и к одному языку¹⁶. В массе неологизмов русского языка доля семантических дериватов, по оценкам Н.З.Котеловой, составляет 8—10%¹⁷. В таблице 41.2, составленной по данным Н.З.Котеловой, полученным на основе словаря «Новые слова и значения» (для 60-х гг.), показана относительная продуктивность семантической деривации и других способов пополнения русской лексики.

Таблица 41.2. Продуктивность разных источников (способов образования) новых обозначений в русском языке¹⁸

№	Источники (способы образования) новых обозначений	Процент в общем объеме новых обозначений
1	Морфемная деривация	83,5
2	Семантическая деривация (без конверсии)	8,0
3	Конверсия	0,5
4	Заимствования	6,8
5	Образование несвободных сочетаний слов	1,2
	Всего	100

¹⁶ Ср. оценки продуктивности семантической деривации в английском языке: 30,8 % инноваций (Э.М.Медникова и Т.Ю.Каравкина; см. *Ginzburg R.S., Khidekel S.S., Knyazeva G. Y., Sankin A.A.* Op. cit. P. 243); 23–27 % (Английские неологизмы. Киев, 1983. С. 146); 10 % (Зацный Ю.А. Обогащение словарного запаса английского языка. Киев, 1990. С. 4). Симптоматично, что Д.Кристал в (The Cambridge encyclopedia of the English language) не рискует приводить статистику на этот счет.

¹⁷ См.: Котелова 1978, 19; *Котелова Н.З.* Предисловие // Новые слова и значения: Словарь справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. М., 1984. С.6.

¹⁸ Приведенные процентные показатели пересчитаны по отношению к общему числу новых обозначений (зафиксированных в словаре), между тем в указанной работе Н.З.Котеловой доли семантических дериватов и несвободных сочетаний определены по отношению к общему числу неологизмов, а доли морфемных дериватов, заимствований и конверсивов — по отношению к числу только лексических неологизмов.

Как можно видеть, Н.З.Котелова не включает конверсию в семантическую деривацию (напротив, конверсия рассматривается в качестве разновидности морфемной деривации, см. Котелова 1978, 19). Между тем другие авторы видят в конверсии **морфолого-синтаксический** способ словообразования или особый вид **семантической деривации**.

Своеобразие конверсии в том, что формирование нового лексического значения сопровождается кардинальным преобразованием также и его грамматической **семантики**. В итоге слово переходит в иной грамматический класс (часть речи), ср. *буровая, красно-коричневые, гробовые* 'выплаты за вредность проживания на экологически опасных территориях' и т.п.); бел. *братавая* 'невестка, жена брата', *вартавы* 'часовой, сторож'. Конверсия существенно более продуктивна в аналитических языках. Ср. модели конверсии, неизвестные славянским языкам: нем. *blau* 'голубой, синий' и *das Blau* 'синева, лазурь', франц. *dejeuner* 'завтракать' и *un déjeuner* 'завтрак'; англ. *an air* 'воздух, атмосфера', *air* 'воздушный', *to air* 'проветривать, вентилировать'; *a box* 'ящик', (разг.) 'телевизор' и *to box* 'показывать по телевидению'.

По данным Дж.Эйто, роль конверсии в создании новых обозначений в английском языке возрастает. Ср. частный вид конверсии, состоящей в развитии или утрате глаголами переходности: *to air* 1) 'проветривать' и 2) (новое) 'быть переданным по радио или телевидению'; *to lag* 1) 'отставать, запаздывать' (непереходн.) и 2) новая модель управления, как у переходных глаголов: *The US lags Japan in implementing robot technology* 'США отстают от Японии в развитии робототехники' (прежде было: *The US lags behind Japan...*)¹⁹.

41.3. Образование несвободных словосочетаний. Словари новой лексики (разных языков) включают, помимо слов (лексем), также **несвободные**, т.е. в той или иной мере устойчивые и воспроизводимые, сочетания слов. В кругу несвободных словосочетаний есть два основных класса единиц: 1) во-первых, **идиомы**, т.е. семантически неразложимые (или не вполне разложимые) словосочетания, в составе которых хотя бы одно слово имеет неузуальное (несловарное) значение, как, например, русск. *голубые каски*, в составе которого слово *каска* имеет метонимическое значение 'военнослужащие', а сочетание в целом обозначает подразделение (-я)

ООН; 2) во-вторых, **неидиоматические несвободные** соединения слов, «несвобода» которых создается частой повторяемостью, **клишированностью** данного сочетания (*генная инженерия, дом быта, нейтронная бомба* и т.п.).

Продуктивность, с которой создаются новые несвободные словосочетания, по-видимому, различна в разных языках. Однако типологически доказательные суждения на этот счет высказать трудно — из-за недостаточной сопоставимости лексикографических данных. Тем не менее А.В.Исаченко указал на одно типологически значительное различие между славянскими языками, состоящее в том, что для обозначения новых реалий одни языки активизируют свои словообразовательные возможности (т.е. морфемную деривацию), в то время как в других языках (точнее, в другом — в русском) в большей мере используются несвободные соединения слов (Исаченко 1958).

По наблюдениям А.В.Исаченко, в русском языке, в сфере стилистически нейтральной, официально-деловой и книжной лексики, довольно продуктивны двусловные и в значительной мере устойчивые обозначения, в то время как другие славянские языки (в их числе белорусский, польский, чешский, словенский) используют в этих случаях стилистически нейтральные однословные обозначения. Ср.:

железная дорога —	белорусск. <i>чыгунка</i> ,	чешск. <i>železnice</i>
книжный магазин —	белорусск. <i>кнігарня</i> ,	польск. <i>księgarnia</i>
читальный зал —	польск. <i>czytelnia</i> ,	чешск. <i>čítárna</i>
зал ожидания —	словенск. <i>čakalnica</i> ,	чешск. <i>čekárna</i>
записная книжка —	польск. <i>notatnik</i> ,	чешск. <i>zápisník</i>
мукомольное дело —	польск. <i>młynarstwo</i> ,	чешск. <i>mlynářství</i>
молочная лавка (кафе) —	словенск. <i>mlekarница</i> ,	чешск. <i>mlékárna</i>
молочный зуб —	словенск. <i>mlečnik</i> ,	
молочные продукты —		польск. <i>mleczywo</i>
двенадцатиперстная кишка —	польск. <i>dwunastnica</i> ,	чешск. <i>dvánactník</i>
полярная звезда —	словенск. <i>severnica</i> ,	чешск. <i>Polárka, Severka</i>
словенский (русский и т.п.) язык —	белорусск. <i>беларушчына</i> , словенск.	чешск. <i>čeština</i> , польск. <i>polszczyzna</i>
	<i>slovenščina, ruščina</i> ,	

¹⁹ *Ayto John*. The Longman Register of New Words.

Между тем в народной русской речи известны и однословные обозначения некоторых из названных реалий. Так, в Словаре Даля есть слова *чугунка* и *железянка* в значении 'железная дорога'; уже в XIX в. было слово *читальня*; в сегодняшнем студенческом обиходе обычно слово *читалка* и т.д. При этом *железная дорога* или *читальный зал* ничуть не **точнее**, чем *чугунка* или *читальня*. Почему же в кодифицированном русском языке, в отличие от других славянских языков, однословным обозначениям предпочитают двусловные обороты, громоздкие и в значительной мере избыточные?

Дело в особенностях нормативно-стилистического уклада литературных славянских языков. По составу языковых средств, образующих языковую материю («ткань») **стилей**, между книжно-официальными стилями русского языка и его разговорной речью имеется большее языковое расстояние и, следовательно, сильнее различия, чем расстояние и различия между этими же стилями в других славянских языках. Как известно, одна из ярких примет книжно-официальной речи в русском языке — это наличие перифрастических оборотов вроде *осуществлять руководство*, *оказывать влияние*, *произвести измерение* и т.п. (вместо однословных **обозначений** *руководить*, *влиять*, *измерить*). Составные наименования вроде *железная дорога* или *зал ожидания* — как раз в духе таких оборотов: они призваны сохранять и увеличивать дистанцию между названными стилистическими регистрами литературного русского языка. В других же славянских языках, более молодых и поэтому более «демократичных», официально-деловые стили ближе к разговорной речи и поэтому обходятся меньшим числом стилистических маркеров, т.е. в этих языках больше пласт средств, одинаково приемлемых и в обиходно-разговорной, и в официально-деловой речи.

41.4. Заимствование и его особый случай — калькирование.

Лексические заимствования из соседних и далеких языков есть в любом языке, хотя и в разной мере. Вместе с тем заимствование слов — это только небольшая и видимая часть взаимодействия языков (видимая, поскольку новые лексические заимствования «на слух» и «на глаз» ощущаются говорящими как «чужие» и некоторое время сохраняют этот «привкус чужезычности»). Однако от внимания говорящих практически ускользают гораздо бо-

лее обширные изменения, происходящие под влиянием того или иного чужого языка, — изменения в семантике языковых единиц, не затрагивающие привычную «наружную» лексическую оболочку обозначений.

В результате влияния чужезычных семантических моделей появляются разнообразные кальки — словообразовательные, семантические, фразеологические, синтаксические. Источник калек — речевая практика билингвов (переводчиков, журналистов, «челноков», мигрантов, туристов и др.). Кальки появляются как результат буквального перевода (поморфемного, пословного, часто с сохранением особенностей чужого управления и т.д.) иноязычной речи. Кальки проникают в языки незаметно, в качестве едва ощутимой речевой небрежности или смелости, и распространяются быстро.

Ср. некоторые из относительно недавних инноваций, возникших под английским влиянием:

- *челночный* в значении '**связанный** с передвижением туда и обратно' (вначале поездов, автобусов и т.п., а затем и людей, ср. неологизм *челночная дипломатия*) под влиянием **англ. а** *shuttle* — '**челнок**', *to shuttle* — 'двигать(ся) взад и вперед'
- *артикулировать* в значении '**сформулировать**, выразить мысли, **настроения**', наряду с прежним '**произносить звуки речи**';
- *ящик* в значении '**телевизор**' (под влиянием **англ. а** *box* '**телевизор**'; ср. давно известный **англ.** каламбур: *Less box, more books* '**Меньше телевизора, больше книг**')²⁰;
- *харизматический* в значении '**притягательный**, умеющий воздействовать на **людей**' наряду с прежним значением '**обладающий религиозным даром воздействия на людей**';

²⁰ Семантические кальки, конечно, трудно диагностировать. Большинству тех, кто знает слово *крутой* в значении '**производящий** сильное впечатление, неординарный; демонстрирующий свою силу и влияние', кажется, что это **естественная**, «своя собственная» семантическая эволюция слова. Ср., однако, мнение В.Г.Костомарова о ее американском источнике — под влиянием **англ.** *tough* '**жесткий**, плотный, упругий; крепкий, **сильный**', развившего новые значения в сочетаниях *tough criminal* '**крутой**, т.е. закоренелый преступник', *tough policy* '**крутая**, т.е. жесткая политика' (Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-Пресс, 1994).

- пиратский '**незаконный**' (в сфере авторского и смежного права), ср. *пиратские копии, пиратская студия* и т.п.
- **меню**, а также *память, окно, мышь, вирус, жучок, всемирная паутина* и др. (в компьютерном деле);
- **пакет 'система** мер, комплекс решений, законов и т.п.';
- ср. также распространяющееся употребление слов *агрессивный, амбициозный, провокативный* без отрицательной коннотации соответствующих черт поведения (в контекстах вроде *Мы ищем знающих, инициативных и (в хорошем смысле) агрессивных молодых людей...; Что привлекло нас в этом амбициозном проекте...)*
- фразеологические обороты *агент влияния, бархатная революция, белые (и синие) воротнички, взять таймаут, голубые каски, грязные деньги (и отмывать деньги), гуманитарная помощь, делать любовь, диалоговый режим, качество жизни, народная медицина, страховая медицина, зеленые* (два омонима: 1. Движение в защиту экологии; 2. Доллары США) и мн. др.;
- ср. также некоторые изменения в грамматическом поведении слов: мн.ч. *национальные элиты, мелкие бизнесы, страхование рисков, выработаны свои формализмы*; мн.ч. от слова *альтернатива*, в то время как еще недавно *альтернатива* — это '**одна из двух возможностей**' и, следовательно, форма мн.ч. была не нужна.

В современных языках процессы заимствования и в том числе семантическое калькирование происходят при взаимодействии не только отдельных пар языков, но и сразу многих языков (используемых в масс медиа), нередко в самых разных регионах планеты. Есть все основания говорить о интернационализации современных литературных языков как об одной из существенных тенденций в их новейшей истории (Подробно см. Тенденция 1997; Гутшмидт 1998). Впрочем, процессы языковой (и шире, — семиотической) интернационализации начинались не сегодня и не вчера: некоторые виды особо важной информации (цифры, единицы измерения, элементы научно-технической и медицинской терминологии, знаки дорожного движения, знаки опасности, пиктограммы в аэропортах, на вокзалах, в сфере сервиса и т.п.) давно имеют интернациональное выражение.

42. Социальные и внутриязыковые предпосылки заимствований

Продуктивность заимствования в качестве способа пополнения словаря определяется тремя группами факторов: 1) характером контактирования языков; 2) своеобразием языковой ситуации и лингвистической идеологии общества; 2) внутривидовыми особенностями языка-реципиента.

Препятствуют заимствованиям обособленное (например, островное) географическое положение народа, сильные изоляционистские и националистические настроения в общественном сознании, приводящие, в частности, к языковому пуризму (отрицательному отношению к заимствованиям, вплоть до стремления избежать заимствований или даже очистить язык от имеющихся заимствований). Внутриязыковые ограничения заимствования связаны с фонетико-морфологическими трудностями принятия чужого слова.

Фонетико-морфологические препятствия на пути заимствований связаны с внутривидовыми особенностями языков. В некоторых языках возможны слоги строго определенной структуры (допустим, только открытые), ограничено разнообразие звуковых цепочек (например, невозможно соседство двух разных согласных) или имеются ограничения в фонетической типологии слова (не бывает трехсложных слов) и т.п. (см. подробно § 22). В частности, те или иные подобные фонетические барьеры существуют в иврите, в венгерском, финском, китайском, японском языках. Трудность заимствования в таких условиях связана с тем, что, как писал У.Вайнрайх, «заимствованное слово будет поневоле резко выделяться на фоне слов родного языка, если его звуковая оболочка не подвергнется радикальному изменению; но в этом случае оно рискует утратить значительную долю тех этимологических связей с международными корнями, ради которых, возможно, и было оказано предпочтение механизму перенесения перед заимствованием» (Вайнрайх 1972, 46)²¹.

Вот, например, как фонетически адаптировал некоторые европейские заимствования китайский язык: *bolangning* (англ. 'браунинг'), *hailuoyin* (нем. 'героин'), *ashipilin* (нем. 'аспирин'). Ср. также некоторые заимствования из русского языка: *suwei'ai* ('совет'), *buershiweike*

²¹ В терминологии Вайнрайха, *перенесение* — это лексическое замещение, *подстановка* — калькирование.

(‘большевик’), *libu* (‘рубль’). Они стали неузнаваемы! (примеры В.И.Горелова). Поэтому в китайском языке так мало заимствований: по данным китайских исследователей, из санскрита китайский язык заимствовал около 200 слов; из **тибетского**, маньчжурского, монгольского, а также из западных языков — около 900 слов, преимущественно **научно-технических** терминов (Горелов 1979, 135—136).

Внутриязыковые препятствия на пути заимствований нередко создаются морфологическим обликом слова. Так, морфология глагола обычно сложнее, чем морфология имени. Отчасти поэтому среди заимствований в любом языке глаголов в **2—3** раза меньше, чем существительных (отчасти же это обусловлено речемыслительными причинами).

И все же основные барьеры на пути заимствований связаны не с фонетико-морфологическими трудностями, а с идеологическим неприятием чужого слова. И наоборот: спад пуристических настроений приводит к заимствованиям. Например, даже в японском **языке** — и островном, и генеалогически обособленном, с серьезными ограничениями в моделях слогов и звуковых цепей, с давними изоляционистскими традициями в культуре (сильными, во всяком случае, до середины XX в.) — число заимствований значительно больше, чем в китайском, — их около **17** тыс. (по данным для середины 60-х гг. XX в.; см. Новые слова 1978, 32).

Многочисленность заимствований — отнюдь не признак «слабости» языка, а скорее, открытости, восприимчивости культуры народа к чужому новому. Например, в английском языке французских и латинских заимствований (по разным данным) примерно **40—50 %**, причем в основном это обозначения понятий культуры и **науки**²². По-видимому, язык, в котором много заимствований, восходящих к корнеслову классического языка своего культурного ареала, ощущается соседями как «не вполне чужой» — его проще учить, на нем легче читать. Вполне вероятно, что обилие слов и корней романского происхождения делает английский язык лексически близким не только романским народам, но и другим языкам — в той мере, в какой они используют интерна-

²² В английской лексике около 10 тыс. слов — это заимствования из французского языка, из них 70% составляют имена (см.: *Crystal David. The Cambridge encyclopedia of the English language.* P. 46).

циональный (в частности, латинский) корнеслов в своей общекультурной терминологической лексике.

Идеологическое неприятие заимствований характерно преимущественно для «закрытых» социумов или для относительно небольших народов, озабоченных сохранением своей этноязыковой самостоятельности. Впрочем, пуристические настроения известны и в ситуациях, когда национальной независимости ничего не угрожает — ср. нетерпимость в правых кругах современной Франции к англо-американским заимствованиям. А.В.Исаченко писал о пуризме немецких романтиков, особенно после победы над Наполеоном, стремившихся «освободиться от галломании отживающей свой век аристократии и от сковывающего влияния латыни ученых кабинетов, суда и администрации» (Исаченко 1958, 352).

В истории разных языков в какой-то век больше заимствований из одного языка, в другой век — из другого. В XX в. в русском, английском, немецком, испанском, польском языках больше всего общекультурных (неспециальных) заимствований было из французского языка. К концу века, во всяком случае, в научно-технической терминологии части языков, резко возрос удельный вес английских заимствований.

Существует прямая зависимость между количеством книг, переведенных с тех или иных языков в определенное десятилетие или столетие, и количеством лексических заимствований из этих языков в это время. Например, в истории русской культуры до XVII в. преобладали переводы с греческого, в XVIII — с латинского, в XVIII и XIX — с французского, в XX — с английского (хотя, разумеется, во все века были переводы и с других языков). Соответствующей была и динамика заимствований, с той, однако, существенной оговоркой, что огромный и в смысловом отношении важнейший пласт заимствований в русском языке составила лексика, **«чужезычность»** которой не ощущается говорящими. Это заимствования из церковнославянского языка — классического языка славянской образованности.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**СОЦИАЛЬНАЯ
ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ**

- **Функциональное разнообразие языков**
- **Типология литературных языков**
- **Типология языковых ситуаций**
- **Вспомогательные международные языки и их типы**
- **Языковая политика в типологическом освещении**

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ЯЗЫКОВ

43. Признаки, значимые для социолингвистической характеристики языков

С точки зрения структурной типологии, не существует языков больших и малых, сильных и слабых, богатых и бедных. Аналитический строй не лучше и не хуже синтетического, агглютинация не лучше фузии, преобладания гласных или тонического ударения не достаточно для расцвета вокального искусства или поэзии. Структурное разнообразие языков — все это не более, чем разная **техника**, разные средства выражения (любого) содержания, однако **сами** возможности выразить принципиально **равны** и не определяют ни содержания коммуникации, ни социальных судеб языков. Между тем судьбы языков, их социальная история и перспективы глубоко различны. Как ни горько признавать, но социального равенства между языками нет. «Языки равны только перед Богом и лингвистом, — заметил один американский исследователь, — нет равенства между английским языком и вымирающим языком индейского **племени**».

Если структурные различия языков можно сравнить с **антрополого-психологическими** различиями людей, то социолингвистические черты языков напоминают различия между людьми в их социальном происхождении и статусе, в образовании, в образе жизни, роде занятий, наконец, в авторитетности (популярности, влиятельности, престижности) в тех или иных социальных группах или обществе в целом.

В социолингвистической «анкете» языков целесообразно учитывать следующие признаки: 1) **коммуникативный** ранг языка, соответствующий объему и функциональному разнообразию коммуникации на том или ином языке (см. § 44); 2) наличие письменности и продолжительность письменной традиции (§ 46.1);

3) степень стандартизованности (нормированности) языка; наличие и характер кодификации (§ 46.2); тип нормированного (литературного) языка; его взаимоотношения с ненормируемыми формами существования языка (диалектами, просторечием и др.) (§§ 53—54); 4) правовой статус языка («государственный», «официальный», «конституционный», «титულный» и др.) и его фактическое положение в условиях многоязычия (§§ 47, 55—57); 5) конфессиональный статус языка (§ 49); 5) учебно-педагогический статус языка: язык как учебный предмет; как язык преподавания; как «иностраный» или «классический» язык и др. (§§ 50—52).

44. Коммуникативные ранги языков

Социолингвистические параметры отдельного языка определяются объемом и структурой коммуникации, осуществляемой на этом языке. Объем и структура коммуникации зависят от следующих показателей (допускающих количественную оценку): 1) количество людей, говорящих на данном языке; 2) количество этносов, говорящих на этом языке; 3) количество стран, в которых используется язык; 4) состав общественных функций и социальных сфер, в которых используется язык (в каждой из стран).

Объем коммуникации распределен между языками мира крайне неравномерно. По данным университета (Сиэтл, США), в 1995 г. на 13 самых распространенных в мире языках говорило 75 % из 5-миллиардного населения Земли, а на 25 языках — более 90 % (см. таблицу 44).

Примечание: Следует иметь в виду, что разные источники могут существенно расходиться в определении количества говорящих на том или ином языке. Это объясняется не только одновременностью подсчетов, но и невольным или вольным смешением количественных данных, связанных с такими понятиями, как «население страны», «язык большинства населения (страны)», «язык численно преобладающего этноса», «государственный (официальный) язык», «этничность» и «язык», «основной язык человека» и «второй язык, которым человек свободно владеет», а также с неразличением в ряде случаев близкородственных языков и диалектов. Так, по данным Сиэттлского университета (таблица 44), на русском языке в мире говорят 284 млн. чел., в

Таблица 44. Список 25 самых распространенных языков мира

№	Языки, на которых говорят более 100 млн. человек	Число говорящих (в млн. человек)	№	Языки, на которых говорят более 50 млн. человек	Число говорящих (в млн. человек)
1	<i>китайский (мандарин)</i>	975	14	<i>пенджабский</i> (штат Пенджаб в Индии)	95
2	<i>английский</i>	478	15	<i>корейский</i>	75
3	<i>хинди</i>	437	16	<i>тэлугу</i> (юго-восточная Индия)	74
4	<i>испанский</i>	392	17	<i>тамильский</i> (Индия и Шри-Ланка)	71
5	<i>русский</i>	284	18	<i>кантонский</i> (юг Китая)	70
6	<i>арабский</i>	225	19	<i>ву</i> (район Шанхая, Китай)	66
7	<i>бенгальский</i> (Индия, Бангладеш)	200	20	<i>итальянский</i>	63
8	<i>португальский</i>	184	21	<i>турецкий</i>	60
9	<i>малайско-индонезийский</i>	160	22	<i>тагальский</i> (Филиппины)	54
10	<i>японский</i>	126	23	<i>тайский, или сиамский</i> (Таиланд)	51
11	<i>французский</i>	125	24	<i>миннан</i> (юго-восток Китая, Тайвань, Малайзия)	50
12	<i>немецкий</i>	123	25	<i>суахили</i> (Кения, Танзания, Заир, Уганда)	50
13	<i>урду</i>	122			

то время как в трех изданных в Москве справочниках приводятся другие и при этом разные цифры (см. таблицу 44-а).

Особенно велики различия источников в определении числа говорящих на хинди и урду: согласно ЛЭС 1990, на хинди говорит 200 млн. чел., на урду — 45 (30 млн. в Индии + 15 млн. в Пакистане); по данным Сиэттлского центра, число говорящих на хинди — 437 млн. (3-е место в мире!), на урду — 122 млн. (13-е место).

Таблица 44-а. Разные источники о числе говорящих на русском языке

Источники	Количество человек, говорящих на русском языке	
	В (бывшем) СССР	В мире
Брук 1986, 150 (по переписи 1979 г.)	153,5 млн. считают родным, 241,8 млн. «хорошо знают»	данные не приводятся
ЛЭС 1990, 429 (со ссылкой на перепись 1979 г.)	184 млн. (со ссылкой на перепись 1979 г.)	250 млн.
Русский язык 1997, 438 (по переписи 1989 г.)	В СССР — 163,5 млн., в России — 143,7 млн.	250 млн. «в той или иной мере владеют русским языком»

Значительную часть объема коммуникации на крупнейших языках мира составляет коммуникация за пределами тех этносов или стран, для которых соответствующие языки являются «своими» (автохтонными). В этом отношении первенствует английский язык: на нем говорят в 47 странах мира; за ним следуют: французский (26 стран), арабский (21 страна), испанский (20 стран), португальский (родной для жителей Португалии и Бразилии и официальный еще в 5 странах).

Контраст в объеме коммуникации, осуществляемой на разных языках, становится еще резче, если сопоставлять совокупные **объемы** речевой деятельности, происходящей на каждом отдельном языке. В принципе объемы коммуникации могут быть оценены количественно — в «человеко-часах», т.е. с учетом суммарного объема времени, в течение которого каждый отдельный человек занят той или иной речевой деятельностью — как активной (продуцирование устных или письменных текстов), так и пассивной (восприятие устной или письменной речи)¹. Объемы всех видов человеческого общения с использованием языка составляет все сказанное, услышанное, написанное, напечатанное, прочитанное, в том числе произнесенное и услышанное с экрана телевизора и киноэкрана, по радио, в церкви, со сцены и в зритель-

¹ Теория и практика таких исследований в наибольшей мере разработаны в японской лингвистике — в направлении, известном как «школа языкового существования» (сложилось в конце 40-х — начале 50-х годов). См.: *Сибата Такэси*. Исследование языкового существования в течение 24 часов // *Языкознание* в Японии. М.: Радуга, 1983. С.134—141. В приложении к работе (Неверов 1982) помещен «Словарь терминов теории языкового существования».

ных залах, в школьных классах, вузовских аудиториях, спетое с эстрады, тиражированное в газетах и книгах, в грамзаписях, на кассетах, дисках, дискетах, компакт-дисках, циркулирующее в каналах электронной почты и компьютерных сетей.

В социолингвистике различают 5 коммуникативных рангов языков, определяемых в зависимости от функций языков в межгосударственном и межэтническом общении. На вершине этой пирамиды — 6 так называемых «мировых языков», в основании пирамиды — сотни бесписьменных «местных языков», которые используются в обиходно-бытовом общении только внутри своего этнического коллектива (см. диаграмму 44.5).

44.1. Мировые языки. Это языки межэтнического и межгосударственного общения, имеющие статус официальных и рабочих языков ООН: английский, арабский, испанский, китайский, русский, французский).

Состав «клуба» мировых языков исторически изменчив. В Европе, Средиземноморье, на Ближнем Востоке первым мировым языком был греческий. Еще с IV в. до н.э. (в эпоху эллинизма) греческий язык распространился в эллинистических государствах Малой Азии и Северной Африки. В III—II вв. до н.э. в Александрии эллинизированные иудеи перевели на греческий язык Ветхий Завет, а в I в. н.э. на греческом были созданы книги Нового Завета. Что касается латыни, то вначале она распространялась в качестве языка римских завоеваний и колоний, римского права и администрации. Позже латынь стала вторым (после греческого) языком христианской церкви, школы, науки. Латынь и греческий продолжали оставаться «мировыми» культурными языками до эпохи великих географических открытий.

В XVI—XVII вв. первым мировым языком стал португальский; в XVIII в. он уступил первенство французскому, позже, с середины XIX в., потесненному английским. Если в древности и в Средние века мировые языки были известны в границах своих культурно-религиозных миров, если в XVI—XIX вв. португальский, испанский, английский, французский использовались в границах колониальных империй, то в XX в. распространение английского языка стало планетарным.

44.2. Международные языки. Эти языки широко используются в международном и межэтническом общении и, как правило, имеют юридический статус государственного или официального

языка в **ряде** государств. Примеры: 1) португальский; 2) **малайско-индонезийский** (в странах Малайского архипелага — Индонезия, Малайзия, Филиппины); 3) вьетнамский язык (будучи родным для 51 млн. человек из 57 млн. населения Вьетнама, он является официальным языком страны; кроме того распространен в Камбодже, Лаосе, Таиланде, Новой Каледонии, а также во Франции и США); 4) суахили (официальный язык, наряду с английским, в Танзании, Кении, Уганде; распространен также в Заире и Мозамбике; суахили иногда называют *лингва франка*² Восточной и Центральной Африки: на нем говорят около 50 млн. чел.).

44.3. Государственные (национальные) языки. Они имеют юридический статус государственного или официального языка или фактически выполняют функции основного языка в одной стране. В неодноязычном социуме это, как правило, язык большинства населения (впрочем, есть и интересные исключения; см. § 57.1.); отчасти поэтому он используется как язык межэтнического общения. Примеры: 1) хинди и близкий к нему урду в Индии; 2) тайский (сиамский) язык — официальный язык Таиланда, являющийся родным для 26 млн. человек, при том что население страны — более 50 млн.; 3) грузинский язык в Грузии (государственный язык в стране, где кроме грузинского языка, употребляются осетинский, абхазский, мегрельский, лазский, сванский, русский, армянский, азербайджанский языки); 4) литовский язык в Литве и т.д. Примерно таков же коммуникативный ранг основного языка в относительно **мононациональных** государствах (японского, польского, венгерского и др.).

44.4. Региональные языки. Это языки межэтнического общения, как правило, письменные, однако не имеющие статуса официального или государственного языка. Примеры: 1) чжуанский язык (13 млн. человек)³, будучи языком большинства населения Гуанси-Чжуанского автономного района Китая, используется и другими этноязыковыми группами этого района и соседних уездов; 2) тибетский язык в Тибетском автономном районе КНР (свыше 4 млн. говорящих, язык межплеменного общения и делопроизводства); 3) три главных языка в Нигерии (хауса, **йору-**

² О понятии *лингва франка* в качестве типа языков-посредников см. §63.1.

³ Относится к семье тайских языков, родственные связи которых с китайско-тибетскими языками не доказаны.

ба, **йгбо**), в стране, где 80 млн. жителей говорят на 200 языках и при этом государственным языком является английский. Региональные языки Европы (бретонский и провансальский во Франции, фриульский в Италии, сардинский на принадлежащем Италии острове Сардиния и др.) иногда называют литературными **микроязыками**. Они имеют **письменность**⁴, иногда на них выходит местная газета или альманах, иногда — специальные программы на радио или телевидении, однако на них не учат в школах, они не используются в межэтническом общении и не имеют официального статуса (в отличие от каталанского, галисийского и баскского языков в Испании, ретороманского в Швейцарии или фарерского в Дании).

44.5. Местные языки. Как правило, это бесписьменные языки. Таких языков многие сотни. Они используются в устном неофициальном общении только **внутри** этнических групп в полиэтнических социумах. Нередко на них ведутся местные радио- и телепередачи. В начальной школе местный язык иногда используется в качестве вспомогательного языка, необходимого для перехода учащихся на язык обучения в данной школе (см. ниже § 50).

Объемы коммуникации на языках разных коммуникативных рангов находятся в обратной зависимости от ранга языка и от количества языков, относимых к данному рангу (см. диаграмму 44.5).

Диаграмма 44.5. Зависимость между коммуникативным рангом языка и объемом осуществляемой на нем коммуникации

⁴ Нередко на протяжении многих веков, как, например, провансальский (или окситанский) язык (родной язык, наряду с французским, примерно для 8 миллионов жителей южной Франции, а также Альпийской Италии). Памятники письменности на провансальском языке известны с X в.; расцвет провансальской литературы и особенно лирической поэзии трубадуров приходится на XII—XIII вв. (Алисова, Репина, Таривердиева 1987, 17).

45. Здоровые, больные, исчезающие, мертвые и возрожденные языки

Лингвисты мира бьют тревогу: языковое разнообразие планеты стремительно сокращается. Проводят параллели с исчезновением многих видов животных, растений, с экологическими катастрофами: вместе с умиранием сотен языков все это — разные проявления нарастающего неблагополучия в мире. Вслед за «красными книгами» фауны и флоры появились «красные книги» языков (см. Красная книга 1994). Вопрос о выживании «умирающих» языков стал основным на XV Международном лингвистическом конгрессе (1992 г., Канада). Конгресс выработал ряд конкретных рекомендаций для ЮНЕСКО, направленных на защиту языков, которым грозит исчезновение. ООН объявила годы **1994—2004** *Международным десятилетием коренных малочисленных народов мира*. В России таких народов 63.

Как считает Кристиан Леман (Германия), число языков мира было самым большим в XV в., т.е. до колонизации Африки, Америки, Австралии. По оценкам экспертов, к концу XXI в. из 6000 языков Земли уцелеет только 10 % языков (Леман 1996, 181). В доколумбовой Северной Америке было 1500 языков, сейчас их осталось несколько **десятков**⁵. Ежегодно исчезает около 12 языков. В Канаде таких угасающих языков (индейских) свыше 50, в Южной Америке — более 100, в Африке — около 200; в Австралии из 2000 еще недавно живых, хотя и малочисленных местных языков после смены двух-трех поколений уцелеют лишь около 200 языков (Потапов 1996).

В одной из книг А.Е.Кибрика в главе «Проблема исчезающих языков в бывшем СССР» предложена следующая градация языков по их «жизнестойкости»: **здоровые, больные, исчезающие, мертвые языки**. На основе многолетних полевых исследований автор расположил 17 исчезающих языков России (Сибири и Дальнего Востока) по их продвинутости к мертвой точке (см. Кибрик 1992, 67 — 79). По данным **Н.Б.Вахтина**, в

⁵ International Encyclopedia of Communications / Ed. at the Annenberg School of Communications, University of Pennsylvania. Oxford — New York — Toronto, 1989. P.48—49. Об исчезающих языках в различных регионах мира см.: Endangered Languages / Ed. by R.H. Robins & E.M.Uhlenbeck. Oxford - New York, 1991. - 273 p.

районах Крайнего Севера имеется 26 таких языков (**Вахтин 1992**)⁶.

Впрочем, тревогу вызывает не только угасание «больных» и «исчезающих» языков, но и сужение сфер использования «здоровых» языков, в том числе языков международного общения и великих культур, — вследствие экспансии мировых языков, особенно английского. Против засилья английского языка в международных коммуникациях, в рекламе, в бизнесе аудио-, видеозаписей и шоу-бизнесе, в Интернете, постоянно выступает национально озабоченная общественность Западной Европы, особенно во Франции, Португалии, Испании, Германии, Италии. Однако это не столько защита «родного языка в родной стране», сколько конкуренция сильных языков за регионы распространения в мире, за сохранение и упрочение своей роли в международной политике и культуре.

Свои проблемы со «здоровьем» языков решают народы Восточной Европы. Перестройка и гласность, а затем падение Берлинской стены, распад СССР и образование новых независимых государств привели к значительному **возрождению** языков бывших советских республик. Процессы национального возрождения начинались в разных стартовых условиях и шли с разной силой, однако нет сомнения в том, что национальный подъем был повсеместным. Титульные языки бывших советских республик стали государственными; резко выросли объемы коммуникации на всех без исключения новых государственных языках, расширились их социальные функции и перспективы; поднялся престиж. Однако возрождение языков на постсоветском пространстве — это длительные и непростые процессы, и все же они набирают силу.

В Западной и Центральной Европе начиная с 60-х гг. XX в. активизируется стремление сохранить и возродить культурно-языковую самобытность различных этнических групп населения. Несколько позже эти тенденции нашли опору в движении к «ново-

⁶ При этом языки крайне неравномерно изучены. По данным К.Лемана, о половине языков мира известно **только** то, как они называются. Для примерно тысячи языков имеются лингвистические описания, но иногда они содержат лишь грамматику. **Документированность** малых и исчезающих языков совершенно недостаточная: «скорость исчезновения языков превышает скорость описания» (Леман 1996, 182).

му федерализму», включающем экономику и политику. О методах возрождения языков будет сказано ниже (см. §§ 73—77), пока же приведем некоторые факты.

В ряде ситуаций речь идет о расширении социальных функций и повышении статуса языка близкородственного к основному языку государства. Таковы *каталанский* и *галисийский* языки по отношению к испанскому в Испании; *фриульский* и *тирольский* в Италии; *фарерский* в Дании (на обладающих автономией Фарерских островах); *фризский* в Нидерландах (в провинции Фрисландия). В Славии аналогичные движения в защиту местных языков связаны с «литературными микроязыками». Это термин А.Д. Дуличенко, который описал 12 региональных языков в бывшей Югославии, Польше, Чехии и Словакии (*югославо-русинский, чакавский, кайкавский, прекурско-словенский, кашубский, ляшский, восточно-словацкий, резьянский*), а также за пределами славянских земель: *молизско-хорватский* в Италии, *карпаторусинский* («американский») в США, *банатско-болгарский* в Банате⁷, *градищанско-хорватский* в Западной Венгрии (см. Дуличенко 1981). Если говорить о микроязыках в пределах Славии, то это территориально ограниченные варианты славянских языков, носители которых стремятся сделать эти диалекты литературными языками, т.е. распространить в местной школе, печати, в литературном творчестве. В других, более сложных случаях усилия защитников миноритарного языка направлены на его сохранение в условиях неродственного двуязычия. Таким языком по отношению к испанскому является *баскский язык* — древнейший неиндоевропейский язык Западной Европы, сейчас генетически изолированный. При режиме Франко баскский язык, как и каталанский и галисийский, был запрещен; значительная часть басков утратила родной язык. По испанской Конституции 1978 г., баскский язык, наряду с *испанским*, признан официальным языком Страны Басков (автономная область Испании). Он используется в национальной школе, прессе. На Британских островах и во Франции предметом специальной защиты являются *кельтские* языки ранних индоевропейских поселений в этих землях: в Шотландии — *гэльский*, в Уэльсе — *валлийский*, в Ирландии — *ирландский*, на полуострове Бретань во Франции — *бретонский*.

⁷ **Банат** — историческая область в пограничье между Румынией и Хорватией, куда в XVIII в. переселились болгары-католики.

Особый и замечательный по результатам случай представляет собой возрождение *иврита* — современной модификации древнееврейского языка. Возвращение иврита в качестве живого языка называют одним из чудес XX в.

В Палестине и Иудее древнееврейский был обычным, повседневным языком еврейского народа еще в первые века нашей эры. Однако после римского завоевания и *рассеяния* иврит вышел из употребления в качестве разговорного языка, хотя и оставался языком религиозной практики и духовно-светской книжности. Евреи диаспоры перешли на индоевропейские языки: это были или языки тех **народов**, среди которых они жили, или *идиш* (язык германской подгруппы, сформировавшийся в X—XIV вв. на базе одного верхненемецкого диалекта), или *ладино* (язык романской подгруппы, сложившийся в XVI в. на основе кастильского языка). Начиная с XIV в. на идише создается значительная еврейская литература, в XIX в. — еврейский народный театр. По данным Роджера Белла, еще в 1961 г. идиш был первым или вторым языком для 75 % евреев мира (Белл 1980, 220).

Однако со 2-й половины XVIII в. евреи, преимущественно в Восточной Европе, начинают возрождать древнееврейский язык (иврит). Вначале он возвращается в просветительскую и художественную литературу; со 2-й половины XIX в. иврит начинают употреблять и в повседневном общении. Выдающаяся роль в возрождении иврита принадлежит легендарному Элизеру **Бен-Йегуде (1858—1922)**. Переселившись в 1880 г. из Европы в Иерусалим и оказавшись во главе движения за объединяющий иудеев иврит, **Бен-Йегуда** сумел организовать издание на иврите газет и книг. Он создал словарь живого иврита, включив в него сотни **неологизмов**, которые он составлял с полным знанием многовековой литературной традиции на древнееврейском языке⁸. С образованием государства Израиль (1948) иврит становится его официальным языком (наряду с арабским).

⁸ **Раби Йосеф Телушкин**. Еврейский мир: Важнейшие сведения о еврейском народе, его истории и религии. М.: Лехаим, 1998. С. 218—219.

46. Письменность и литературные языки

Создание письма явилось главным событием в истории человеческой коммуникации (включая книгопечатание и компьютер). Письмо привело к качественным изменениям в характере языкового общения людей, а вслед и вследствие этого — к невиданному ускорению информационных, технологических и социальных преобразований. (Об информационных последствиях см. подробно в кн.: Мечковская 1996, 152—157). Письмо оказывалось также мощным и счастливым фактором в судьбах тех языков, которые, волею истории, относительно рано создали или (чаще) переняли у соседей письмо. Письменность развивала и обогащала язык, поднимала его престиж в глазах бесписьменных соседей. С появлением письма обычно начинал складываться литературный (нормированный) язык — в качестве такой формы существования языка, которая обладает наибольшими функциональными возможностями и в перспективе становится общим (**наддиалектным** и межсловным) средством коммуникации народа.

46.1. Письмо в судьбах языков. В современном мире все народы пользуются письмом, однако в подавляющем большинстве случаев это письменность не на местном, а на том или ином межэтническом языке. Из 5—6 тыс. языков Земли только 600—650 языков имеют письменность. Косвенным источником таких сведений может быть число переводов самой читаемой в мире книги — Библии. По данным Института перевода Библии (Стокгольм), в 1998 г. имелось свыше 600 переводов Нового Завета и около 366 переводов всей Библии; впрочем, с учетом переводов **отдельных** библейских книг, а также переводов на мертвые языки, количество языков, на которых имеется перевод, вырастает до 1545 (см. Арапович 1996, 52).

Неопределенность данных о количестве языков, обладающих письменностью, связана с рядом обстоятельств. Иногда алфавит имеется, но практически не используется — он или архаичен и поэтому неудобен, или, напротив, слишком нов, мало кому известен, и поэтому на практике используется письменность ближайшего языка-посредника. Во всяком случае количество известных графических систем письма (алфавитов) превышает количество

письменностей «действующих» и тем более используемых в печати или **книгоиздательстве**⁹.

«Определитель языков мира по письменностям» Р.С.Гиляревско-го и В.С.Гривнина (М.: Наука, 1965), составленный в Государственной библиотеке иностранной литературы в Москве, охватывает около 200 языков (включая мертвые языки и вышедшие из употребления письменные системы).

В IX в. создание славянской азбуки и перевод на южнославянский диалект нескольких **вероучительных** и богослужебных книг стали событием, которое создало первый литературный язык **в с е й** С л а в и и . Иное дело сейчас. Наличие письменности, безусловно, расширяет коммуникативные возможности языка, однако в современном мире не письменность определяет коммуникативный ранг языка, а, напротив, полифункциональность языка обеспечивает жизнеспособность его письму.

Языки, используемые в устной массовой коммуникации (радио, телевидение), несколько более многочисленны, чем языки, обладающие письменностью, однако их количество не превышает 10 % всех языков мира. В **многоязычных** ситуациях объем вещания на данном языке в масс-медиа и особенно на телевидении — это главный показатель и фактор, определяющий коммуникативно-социальный статус языка.

46.2. О степенях и факторах стандартизованности языков. Социолингвистический параметр «стандартизованность языка» связан с оценкой целостности языка. Разные этнические языки могут существенно отличаться друг от друга тем, **насколько** составляющие их языковые образования (диалекты, койне, лите-

⁹ Ср. несколько отпечатанных на ротапринтере номеров газеты «Збудінне» (['Пробуждение'], орган общественно-культурного объединения «Полісьсе») и несколько страниц-вкладышей в «Чырвонай змене», с заглавием «Балесы Полісься» ['Страницы Полесья'] (1988—1990 гг.), написанных на «ятвяжском языке» с использованием особой графики. Между тем существование «ятвяжского языка» проблематично. См. **Літвјежа (поліська) штудію-прахтыцька** конфырэncia: Тэзы проказэ (13—14 апреля 1990 р.). Пыньск, 1990. — 98 с.; **Літвјежа (заходышнополіська) штудію-прахтыцька** конфырэncia: **Матырjелы** (13 — 14 апреля 1990 р.). Пыньск, 1990. — 23 с. О ятвяжском языке в общеславянской перспективе см. статью Н.И.Толстого «Новый славянский литературный микроязык?» (Толстой 1998, 497—506).

ратурный язык, просторечие, арг, сленг и др.) **б л и з к и** друг другу, иначе говоря, насколько тот или иной общенародный (этнический) язык единообразен, внутренне однороден и консолидирован.

Вопрос о степени **стандартизованности** языков конкретизируется в ряде аспектов. Во-первых, существенно, имеется ли в данном языке **наддиалектное (интердиалектное)** языковое образование (форма существования языка), которое носители диалектов используют при междиалектном общении. На ранних стадиях истории языка такой **наддиалектной** формой общения может быть **койне**¹⁰, позже — **литературный язык**. Если наддиалектной формы общения нет, значит общенародный языковой стандарт еще не сложился (что было в ранние феодальные времена).

Во-вторых, при наличии койне или литературного языка встают вопросы о взаимоотношении этого **наддиалектного** средства общения и диалектов: в какой мере литературный язык отличается от диалектов, их групп или основного диалектного массива? может ли носитель диалекта без специального обучения понять речь на литературном языке? какой процент населения говорит на литературном языке, а какой — на диалектах, и много ли людей говорят на диалектах, близких к литературному языку? Ответы на эти вопросы зависят в первую очередь от характера диалектного членения данного языка: от того, сколько в нем диалектов, насколько сильны различия, с одной стороны, между диалектами, а с другой, — между литературным языком и диалектами. Чем больше людей говорят на литературном языке, чем ближе литературный язык к диалектам (или к представительной группе диалектов), тем сильнее степень единообразия, т.е. стандартизации данного этнического языка.

В-третьих, для языков, где имеется письмо и сложился литературный язык, существенно степень его **кодифицированности**¹¹ (т.е. **представленности** литературной нормы в нормативных грамматиках и словарях). Следует подчеркнуть, что **б о л ь ш и н с т в о**

¹⁰ От греч. *koiné diálektos* — общий язык. Применительно к многоязычным ситуациям койне иногда понимают как устный язык, используемый в качестве **языка-посредника** при контактах носителей разных этнических языков (см. § 63.2).

¹¹ **Кодификация** — по происхождению юридический термин (**позднелат. codificatio** от *codex* — книга, собрание законов и *facio* — делаю); это систематизация законов в едином законодательном своде путем устранения **несогласованности**, восполнения пробелов, отмены устаревших норм.

языков человечества, не имея письменности, пребывают вне забот о «**правильности**»—«**неправильности**» речи. Если их носителей и волнуют вопросы языка, то это вопросы самого существования или выживания языка. Однако в социумах, где есть литературный язык, общество заботится об упрочении и распространении «правильного» языка во всем коллективе говорящих, что в какой-то мере **повышает стандартизованность** (единообразие) речевой практики. Вместе с тем сама по себе кодифицированность этнических языков не влияет на их выживаемость и не создает преимуществ в конкуренции с другими этническими языками. С другой стороны, степень нормированности языка, а главное, характер нормативно-стилистического уклада языка по-человечески интересны — как языковая результирующая социально-культурной истории народа (см. §§ 53—54).

В-четвертых, относительно языков **полиэтнических**, или полинациональных (т.е. языков, на которых говорит более чем один народ), то их **национальные** варианты существенно различаются между собой (см. об этом: Варианты 1981, Швейцер 1995), что в целом уменьшает стандартизованность этих языков. Однако, судя по практике их использования в качестве международных языков, наличие национальных вариантов английского, испанского, французского, португальского, немецкого языков в конечном счете не только не влияет на их привлекательность в межнациональном общении, но, возможно, даже усиливает ее. Люди привыкают к тому, что эти языки бывают до известной степени **разными**; это приучает к свободе, толерантности и вниманию к сути сообщения, а не к региональным особенностям его языковой оболочки.

47. Правовой статус языков

В отличие от коммуникативной иерархии языков (см. § 44), которая складывалась, как и вся **социально-культурная** история человечества, по большому счету, **с т и х и й н о**, юридические ранги приписываются языкам **людьми**, поэтому в целом это достаточно субъективная и искусственная характеристика языков. Однако в социолингвистической типологии языков этот признак важен, а с более общей точки зрения интересен — как социальный феномен и как акт языковой политики.

47.1. Юридические термины-определения. В законодательстве тех стран, которые юридически регламентируют взаимоотношения языков, правовой статус языков определяется одним, двумя или тремя терминами. Однако в совокупности эта терминология насчитывает более полутора десятков определений: *государственный, официальный, национальный* (англ. *national* означает не столько 'национальный', сколько 'общегосударственный'), *временный государственный язык* (определение статуса английского языка в конституции Индии), *официальный язык штата* (закрепленный в конституции термин для 14 языков Индии, при том что в составе Индии 22 штата), *язык союзной (автономной) республики, язык национального округа (национальной области)* (в конституциях бывшего СССР и союзных республик), *язык межнационального общения, язык коренной национальности, язык титульной нации, язык национальных меньшинств, язык большинства населения, язык народности* (в отличие от *языка нации* в конституции бывшей Югославии), *местные языки* и др. Нередко юридически значим сам факт упоминания языка или диалекта в законодательном акте, а также квалификация некоторого языкового образования в качестве языка или же в качестве диалекта.

В 11 республиках бывшего СССР по законам о языках, принятым в 1989—1991 гг., язык народа, именем которого названа республика, получил статус *государственного*¹². Согласно российскому законодательству, в 1995 г. в РФ было 19 государственных языков и 10 титульных (Государственные языки 1995). В национальных автономиях России продолжается процесс придания языкам наивысшего юридического статуса.

В США была попытка определить статус английского языка на федеральном уровне. В 1981 г. Сенат США обсуждал законо-

¹² Еще прежде, по республиканским конституциям 1978 г., этим статусом обладали азербайджанский, армянский, грузинский и абхазский языки. Накануне распада СССР движение за государственный статус национальных языков открыли прибалтийские республики: первым закон о языке был принят в Эстонии (в январе 1989 г.), затем в Литве, Латвии; в октябре 1989 г. — в Украине, в январе 1990 г. — в Беларуси. По закону «О языках народов СССР» (принят в апреле 1990 г.), правовой статус русского языка определялся как *официальный язык СССР*. В октябре 1991 г. русский язык получает статус *государственно-го языка Российской Федерации*.

проект о конституционном признании английского в качестве государственного языка. На федеральном уровне проект не прошел, но в 12 штатах, среди которых Иллинойс и Калифорния, а также южные, традиционно консервативные штаты, после референдумов английский язык **получил** статус официального языка штата.

Реальный юридический смысл таких терминов, как *государственный, официальный или национальный язык*, а тем более коммуникативный вес языков, обладающих «одноименным» юридическим рангом, в разных странах может быть достаточно разным. Это следует уже из того факта, что в ряде стран имеется только один *официальный или государственный язык*, а примерно в 20 странах — по два и даже **три**¹³, а в Республике Сингапур — четыре (малайский, китайский, тамильский и английский). Есть государства, которые законодательно дифференцируют эти термины. Например, в Исламской Республике Мавритании статус «национального» языка принадлежит арабскому, а «официальным» языком назван французский.

Субъективное человеческое начало в юридической кодификации взаимоотношений языков сказывается в том, что даже в одном и том же социуме эти термины понимаются по-разному (не говоря уж о коллизиях между юридическим и фактическим статусом языка). См. также §§ 72—73.

47.2. Дипломатические ранги языков. По дипломатическому протоколу, на международных совещаниях и конференциях все документы, протоколы и заключительные акты должны быть представлены на языках всех государств-участников данной конференции. Это **официальные** языки конференции. Круг **рабочих** языков бывает более узким: это языки, на которых ведутся прения, составляются доклады или проекты решений.

Если международный договор составляется на двух или нескольких языках, то в его заключительных статьях указывается, что тексты на каждом языке имеют одинаковую юридическую силу, т.е. считаются одинаково подлинными и равнозначными, или **аутентичными**¹⁴.

¹³ По данным «Всемирной энциклопедии наций» (World Mark Encyclopedia of the Nations. V. 2—5. New York, 1971).

¹⁴ Греч. *authentikós* — подлинный, исходящий из первоисточника.

В ООН высший статус **официального языка** принадлежит языкам не всех государств-членов ООН, а только шести из них¹⁵. Эти шесть языков являются официальными языками в главных органах ООН (кроме Международного Суда¹⁶), а в Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее они являются также и рабочими языками. В Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) официальными и рабочими языками являются английский, испанский, итальянский, немецкий, русский и французский.

Некоторые языки имеют статус **документного** (*documentary*) или **полудокументного** (*semidocumentary*) языка ООН. Это языки, на которые в официальном порядке переводятся (полностью или частично) резолюции Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности, а также ежегодные доклады основных комитетов и подкомитетов. К языкам с таким статусом, в частности, относится немецкий язык.

48. Исторический экскурс: пророческие и апостольские языки

Социальные характеристики языков и в особенности социокультурное развитие языков находятся в глубокой зависимости от той роли, какую выпало играть тому или иному языку в профессиональной истории народов.

Есть языки, на которых, волею судеб, оказалось впервые изложено или записано, а впоследствии канонизировано то или иное религиозное вероучение. Это так называемые **«пророческие»** (*профетические*¹⁷) или **«апостольские»** («*посланнические*») языки. Таких языков немного.

Во-первых, это языки, созданные для записи религиозного содержания. Именно эти записи составили самые ранние тексты на этих языках. К таким языкам относятся:

¹⁵ При создании ООН в 1945 г. официальных языков было пять: английский, испанский, китайский, русский, французский. На них был выработан и подписан Устав ООН. В 1973 г. шестым официальным языком стал арабский.

¹⁶ Официальные языки Международного Суда в Гааге — французский и английский.

¹⁷ От греч. *prophētes* — пророк, прорицатель, толкователь оракула; *prophetikós* (впервые в Новом Завете) — пророческий.

- **ведийский** язык (XIX — XI вв. до н.э.); на нем написаны древнейшие в индийской культуре тексты — «Веды» (религиозные гимны, заклинания, жертвенные формулы) и «Упанишады» (учение о мире);
- **древнееврейский** и **арамейский** языки иудейского канона — «Торы» (Ветхого Завета) (XIII — I вв. до н.э.);
- **авестийский** язык (с X в. до н.э.; кодификации в III — VII вв. н.э.) — язык зороастризма;
- **санскрит** (VI в. до н.э. — VII в. н.э.) — язык «Махабхараты», «Рамаьяны» и большинства сочинений древнеиндийской философии и науки;
- **пали** (VI в. до н.э. — I в. н.э.) — язык буддийского канона;
- **старославянский** (*церковнославянский*) — с IX в. язык восточного христианства у славян и влахомолдаван.

Во-вторых, к пророческим относятся некоторые языки, еще прежде, чем на них было записано религиозное учение, обладавшие значительной письменно-литературной традицией и позже использованные для записи **вероучительных** текстов. Это такие языки:

- **веньянь** — древнекитайский язык; на нем написаны и канонизированы сочинения Конфуция (сложение канона с VI — II вв. до н. э.);
- **древнегреческий** и **латинский** языки: начиная с I в. н.э. на них складывался религиозный канон христианства: в III до н.э. на греческий язык был переведен Ветхий Завет (*Септуагинта*); в I—II вв. н.э. на греческом был написан Новый Завет; латинский перевод Библии (*Вульгата бл. Иеронима*) создавался в 384 — 405 гг.;
- **классический арабский** язык (формировался в доисламской поэзии в V—VI вв.) — в VII в. стал языком Корана¹⁸.

Пророческие и апостольские языки были первыми **культурами** (ритуальными) языками, т.е. языками, которые использовались в богослужении. В силу неконвенционального (безусловного) восприятия знака (что вообще характерно для религиозного сознания), такие языки нередко **сакрализировались** (почитались как священные). Все это предопределило исключительный авторитет пророческих языков в своих культурно-религиозных мирах. Они не только становились классическими лите-

¹⁸ В случае расхождений в датировке во внимание принимается та дата, которую указывают авторы, принадлежащие к соответствующей конфессии. Некоторые даты указаны по изданию: The Encyclopedia of Religion. V. I—XVI / Ed. by Mircea Eliade. N.Y. - L., 1987.

ратурными языками своего ареала, но и в течение столетий были главным фактором в развитии языковых ситуаций.

Почти все пророческие языки расширили свои коммуникативные функции. Многие столетия это были языки не только конфессиональной сферы, но и светской культуры, образования и науки, литературы, права. До сих пор сохраняет статус главного языка в **арабо-мусульманском** мире язык Корана (классический арабский).

Народы дорожили духовными ценностями, записанными на пророческих языках, и поэтому делали все, чтобы сохранить и тексты и сами языки в первоначальном виде. Поэтому пророческие языки исключительно устойчивы. Прервались, изменились государственные и культурно-религиозные традиции древних персов, неузнаваемыми стали языки потомков, однако авестийский язык — язык их древнейшей религии (зороастризм), хотя и вышел из употребления, но сохранился — благодаря Писанию («Авесте»). Благодаря связи с Писанием у забытых пророческих языков сохраняется возможность возрождения. Такова судьба иврита — языка священных книг иудаизма (см. § 45).

49. Конфессиональный статус языка в качестве его социолингвистического параметра.

В древности и в средние века пророческим языкам противостояли местные, вначале малопrestижные языки — их называют народными языками или, используя латинский термин, *vernaculae* (от *vernaculus* — ‘туземный, местный, отечественный’). По мере секуляризации исключительность пророческих языков забывалась. Стали возможны переводы Писания и богослужение на народных языках. Иначе говоря, новым языкам стали доступны основные конфессиональные функции пророческих языков — быть языком Писания и быть языком культа (ритуала). Однако, даже выполняя функции культовых языков, новые конфессиональные языки не считаются священными.

Таким образом, понятия «пророческие (апостольские) языки» и «сакральные языки» актуальны не столько для социальной типологии языков в современном мире, сколько для понимания предистории конфессиональных функций у многих новых (народных) языков — не пророческих и не сакральных. Подробно см. Мечковская 1998 [а].

50. Учебно-педагогический статус языков

В общеобразовательных школах разной ступени и в специальных учебных заведениях языки выполняют три основных учебно-педагогических роли (функции): 1) язык используется как **вспомогательное средство** при обучении некоторому другому языку; 2) на языке ведется **преподавание** (обучение); 3) язык является **учебным предметом**.

1. Большинство языков мира (а большинство составляют бесписьменные «местные» языки; см. § 44.5) используются в школе только в роли устного вспомогательного языка: это родной (материнский) язык учащихся, используемый на первых шагах начального образования для того, чтобы, опираясь на родной язык учащихся и отталкиваясь от него, перевести дальнейшее обучение на основной язык школы в данном социуме; этот переход осуществляется уже на следующей ступени обучения (во 2-м полугодии или во 2-м классе).

Иногда вспомогательный (родной) язык, используемый на первых шагах обучения, имеет письменную форму; в таких случаях на этом языке создается первая книга учащихся (букварь), что облегчает обучение чтению и письму на основном языке школы.

В роли вспомогательного языка случается выступать любому языку мира: первые шаги в изучении иностранного (неродного) языка человек делает опираясь на свой родной язык.

2. Констатируя использование некоторого языка в качестве **языка** обучения, важно учитывать, на каких образовательных ступенях это происходит. Бывает, что язык используется в преподавании в общеобразовательной (средней или неполной средней) школе, однако среднее специальное и / или высшее образование ведется на языке более высокого коммуникативного ранга. В многоязычной ситуации и в условиях конкуренции языков существенно, каков удельный вес школ с данным языком обучения.

3. Констатируя, что некоторый язык является **учебным предметом**, существенно конкретизировать его учебно-педагогический статус в следующих аспектах: а) изучается язык в стране, где живут носители этого языка, или в стране, где он не является родным (хотя бы для какой-то части населения); б) в учебных заведениях какой ступени и какого типа изучается данный язык (в начальной, средней, высшей или на всех ступенях;

в общеобразовательной школе или специальных учебных заведениях); в) в каком качестве и с какими целями преподается язык; при этом возможны следующие случаи:

- язык преподается в качестве **родного** языка учащихся и в качестве **языка** обучения (с последним обстоятельством связано то, что в задачи преподавания входит совершенствование владения языком как средством общего образования);

- язык преподается в качестве **родного** языка учащихся, однако преподавание ведется на другом (неродном) языке более высокого коммуникативного ранга; в этом случае преподавание языка не направлено на совершенствование владения языком обучения;

- язык является неродным для учащихся и преподается потому, что является языком большей или меньшей части населения данного многоязычного социума (т.е. чтобы обеспечить возможность коммуникации разноязычных групп населения данного социума);

- язык преподается в общеобразовательных целях в средней и высшей школе в качестве **«иностранного»** языка (см. § 51);

- язык преподается в качестве классического языка данного культурного ареала (см. § 52);

- язык преподается в качестве специального учебного предмета; в этом случае знание языка является важнейшей частью профессиональной подготовки преподавателей данного языка, переводчиков, а также специалистов-исследователей, работа которых состоит в изучении культуры, истории, экономики народов, говорящих на этом языке, в сборе и анализе информации о данной стране или регионе (именно этим занимаются исследователи в таких учреждениях, как Институт славяноведения и балканистики РАН, Институт востоковедения, Институт США и Канады и др.).

Типология языков, построенная с учетом их учебно-педагогического статуса, представлена в таблице 50. Знак + указывает на наличие данной функции у всех языков, помещенных в соответствующей клетке таблицы; знак — на отсутствие функции. В строке «Арабский язык» три показателя помещены в **скобках**, что означает, что характер проявления признака требует дополнительных комментариев. Это обусловлено рядом особенностей диглосной языковой ситуации в **арабо-мусульманском** мире (см. § 61).

Таблица 50. Типологический континуум языков в зависимости от их учебно-педагогического статуса

Типологические признаки, определяющие учебный статус языка	В каком качестве используется язык в школах и высших учебных заведениях						
	Вспомогательный язык при обучении другому языку	Язык преподавания (обучения)	Родного языка	Неродного языка, используемого в своем социуме	«Иностранного» языка (общественно-педагогический предмет в школе и вузе)	Профессионально-педагогического языка	Классического языка своего культурного ареала
Языки							
Санскрит	—	До XVIII в.	—	—	—	+	+
Древнегреческий							
Латынь							
Церковнославянский							
Арабский	(—)	+	(—)	+	+	+	(+)
Английский							
Испанский		+	+	+	+	+	+
Французский	+	+	+	+	+	+	+
Русский							
Немецкий							
Белорусский							
Украинский							
Польский	+	+	+	+	—	+	—
Грузинский							
Венгерский							
Бесписьменные и почти бесписьменные языки	+	—	—	—	—	—	—

51. «Иностранный язык» как категория функциональной типологии

Общеобразовательный смысл преподавания иностранных языков состоит в развитии **речемыслительных** способностей человека" и в расширении его культурного кругозора (поскольку изучение чужого языка ведет к «органическому» усвоению некоторых базисных элементов соответствующей культуры, в результате **«чужесть»** и языка, и культуры существенно уменьшается). Разумеется, очень важен и чисто практический аспект — возможность общения поверх языковых барьеров. В общеобразовательных школах разных ступеней и высшем (нефилологическом) образовании «иностранный язык» — это в целом факультативный предмет. Преподавание иностранных языков в большей мере связано с традициями европейского и гуманитарного образования, нежели американского и **технического**²⁰. Далеко не каждый язык «иной страны» изучается где бы то ни было в качестве «иностранный».

Например, в школах и вузах Беларуси в общеобразовательных целях изучаются четыре языка: английский, **немецкий**, французский, испанский. В Минске и Гродно в нескольких гуманитарно ориентированных школах преподаются, наряду с неславянскими языками, польский и болгарский языки; на различных курсах и факультативах изучаются, кроме неславянских европейских языков, польский и иврит. Ряд языков «иных стран» изучаются в качестве компонента профессиональной подготовки. В частности, языки зарубежных славянских народов изучаются белорусистами и русистами; **итальянский**, как международный язык вокального искусства, изучается в консерватории; группы любителей восточной мудрости и медицины изучают тибетский язык и т.д.

Принятию языка как учебного предмета в общеобразовательных школах способствуют следующие факторы: 1) коммуникативный ранг языка (преподаются прежде всего «мировые языки»,

¹⁹ Главный развивающий фактор здесь — это оперирование **разными** семиотическими системами и цепочками знаков, передающими «одно и то же» содержание.

²⁰ Во многих общеобразовательных средних школах США обязательными предметами являются родной язык, история и физкультура; остальные предметы изучаются по выбору учащихся (факультативно).

см. § 44.1.); 2) потенциальные возможности использовать язык на практике — в профессиональной деятельности, туризме, развлечениях (например, слушать эстрадную музыку или читать детективы); 3) географическая близость страны **изучаемого** языка (например, в Беларуси расширяется изучение польского и особенно немецкого языков; в России в Приморском и Амурском краях — китайского; в США шире всего преподается испанский); 4) международный авторитет языка в качестве особо престижного (ср. репутацию французского как языка утонченной европейской культуры или польского как языка «славянских **французов»**); 5) сложившиеся традиции школьного преподавания тех или иных языков (в частности, в течение **10—15** лет, без нарушения баланса занятости учителей и вузовских преподавателей, невозможно ни резко сократить, ни резко увеличить объем преподавания того или иного языка, поскольку это связано с долговременными программами подготовки определенного числа учителей, выпуска учебников, словарей и т.д.).

Многие страны, стремясь к распространению и популяризации своего языка и культуры, **ежегодно** организуют кратковременные (**2—4** недели) курсы для желающих изучать язык или сохранять знание языка (последнее актуально для соотечественников за рубежом). В Словении, например, первая летняя школа прошла в 1965 г. и с тех пор организуется каждый год. В начале 80-х годов добились возможности собирать языковые школы страны Балтии. В Беларуси летние школы белорусского языка, литературы и культуры проводились в **1991—1995** гг. и возобновлены в 1999 г.

52. Социолингвистический смысл понятия «классический язык»

Круг классических языков в общем совпадает с составом профетических (апостольских) языков (см. § 48), однако понятие «классические языки» принадлежит актуальной культурологии языка, а не ее предистории.

Для классического языка характерны такие признаки:

1. Это язык, на котором создан (написан или переведен) корпус текстов, сохраняющих в данной традиции максимально высокую социально-культурную ценность. Это могут быть как светские тексты (например, античная греко-римская литература), так и религиозные (**Коран**).

2. Это язык, который, в силу ценности написанных на нем текстов и престижности культурной (или культурно-религиозной) традиции, связанной с данными текстами, вышел за пределы первоначального этнического коллектива и приобрел **надэтнический** характер.

3. Термин «классический язык» применяется к языкам, на которых больше не создается новых произведений, т.е. корпус классических текстов в «настоящее время» (например, с концом греко-римской литературной традиции или после сложения религиозного канона) является закрытым; в этом смысле классические языки — это мертвые языки.

4. В отличие от тех мертвых языков, которые изучаются исключительно в исследовательских целях (например, тохарские языки), классические языки являются предметом не только исследования, но и в той или иной мере преподавания (школьного и/или вузовского). Именно преподавание сохраняет традицию классической филологии в культуре. Преподавание означает, что в обществе есть учителя и ученики, уроки и учебники классического языка и что идет передача знания, т.е. нужны новые издания, новые комментарии, новые переводы классических **текстов**²¹.

Сила классической традиции в культуре проявляется, между прочим, и в том, что какие-то элементы классической образованности могут встретиться на порядочном удалении от школы и уроков классического языка.

Можно думать, Гоголь верно чувствовал это присутствие элементов латинской классики в обиходе украинских козачьих верхов, когда воссоздавал следующий застольный разговор: *"Ну, сынки! Прежде всего выпьем **горелки!** — так говорил Бульба. <...> Ну, подставляй свою чарку; что, хороша горелка? А как **по-латыни***

²¹ Понятие «классический язык» и «классическая литература» не вполне соотносительны: последнее понимается преимущественно в оценочном смысле и обычно применительно к отдельным национальным традициям, в то время как понятие «классический язык» относится к более широкому культурно-этническому ареалу. Временные границы понятия «классическая литература» также субъективно подвижны; ср. дальнейшую расплывчатость выражений *классики XIX века, современная классика* и т.п.

*горелка? То-то, сынку, дурни были латинцы: они и не знали, есть ли на свете горелка. Как, бишь, того звали, что латинские вирши писал? Я грамоте разумею не сильно, а потому и не знаю: Гораций, что **ли?**" — **"Вишь, какой батько!** — подумал про себя старший сын, Остап, — все, старый, собака, знает, а еще **прикидывается**".*

К живому языку (точнее, к окружающей речи) люди часто относятся критически: кого-то возмущает молодежный сленг, косноязычие депутатов или полупустые и громоздкие канцелярские обороты, кому-то не нравятся заимствования или диалектизмы... По отношению к классическому языку подобные упреки невозможны. Как заметила Т.М.Николаева, самые «красивые» языки — это мертвые языки.

ТИПОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

53. Типологические различия между литературными языками

Своеобразие конкретного литературного языка проявляется в двух направлениях. С одной стороны, существен статус литературной формы языка на всем том коммуникативном пространстве, которое занимает данный **общенародный** язык: от этого зависят «внешние» взаимоотношения литературного языка с нелитературными (или **долитературными**) формами существования данного языка (с его диалектами, койне, просторечием, арго и т.п.); см. об этом § 53.1. С другой **стороны**, для понимания типологического своеобразия литературного языка существен характер его собственного, **«внутреннего»**, нормативно-стилистического уклада (т.е. состав его функциональных стилей, наличие кодифицированной формы литературного языка, глубина дифференциации его вариантных и синонимических средств); см. об этом §§ 53.2., 53.3.

53.1. О разных «дистанциях» между литературной и нелитературной речью. Есть литературные языки, отделенные от нелитературной речи малопроницаемым барьером, и, напротив, языки, где граница между литературной и нелитературной речью прозрачна и постоянно нарушается.

Так, в русском языке литературная речь в целом довольно терпима к **просторечным**, вообще стилистически сниженным вкраплениям. Поэтому в речи телеведущего, международного обозревателя, спортивного журналиста, в публичной речи юриста вполне обычны просторечные краски. Ср. просторечные слова и обороты в типичном выступлении судебного обвинителя: *Желая получить еще более прочные гарантии, набивая себе цену, Пеньковский настойчиво требовал от разведчиков организовать ему*

встречу с высокопоставленным английским представителем; как мог ... докатиться до тягчайших преступлений; не гнушался всякими безделушками и барахлом, полученным от своих «дорогих друзей»; расплачивались за ротозейство и болтливость (Судебные речи советских обвинителей / М.: Юридическая литература, 1965. С. 238, 245, 246, 247).

Как отмечает австрийский славист Вольфганг Штандлер, в русских рекламных текстах значительно чаще, чем в немецких и английских, используются просторечные **окационализмы**¹.

Иная картина наблюдается в таких языках, как французский или чешский. Здесь литературная речь и просторечие значительно удалены друг от друга, и это расстояние преодолевается с трудом.

В «молодых» литературных языках (белорусском, украинском, словенском) почти не заметна языковая дистанция между разговорной речью на литературном языке и диалектной речью, географически близкой к литературному языку. Легкая диалектная окраска такой речи не воспринимается как «неправильность»; скорее, это подчеркнутый «местный колорит» и языковая «органичность», вполне приемлемые в литературно-обиходной (некодифицированной) речи. Более того: разговорная маркированность речи, в частности, в словенском языке создается (без ущерба для нормативности) не сниженной лексикой, но преимущественно произношением, при этом даже люблянское (столичное) произношение ощущается как **диалектное**².

Диалектная речь традиционно приемлема в **повседневном** городском общении в странах немецкого языка, особенно в Швейцарии, Австрии (прежде всего городской диалект Вены), но также и в Германии.

В Японии диалекты (точнее, сблизившиеся с литературным языком *полудиалекты*) не только сохраняются в семейном и дружеском **общении**, но и культивируются. По сведениям **В.М.Алпатова**,

¹ Вроде таких, как *Сникерсни!* (реклама сникерсов), *Канарьте сюда!* (реклама отдыха на Канарских островах), *Два литра прикола!* (в рифму с рекламируемым *кока-колой*), *Полный улёт!* и т.п. (Доклад на XII Международном съезде славистов, Краков, 1998).

² Характерно, что еще 40 лет назад театральные критики, актеры и языковеды спорили: возможна ли словенская разговорная литературная речь без диалектной окрашенности? (См.: Jezik in čas: Zbornik / Zbrala in uredila Ada Vidovič Muha. Ljubljana, 1996. S.311—316).

недавно в японских школах введен курс местного диалекта, особый для разных районов страны, в котором учат уместному использованию диалекта и пониманию его отличий от литературного языка. Увеличивается число радиопередач на **диалектах**, причем в некоторых районах такие передачи звучат ежедневно: на диалекте передают местные новости, народные **песни**, пьесы, объяснения диск-жокеев. Надо сказать, что внимание к диалектам в Японии традиционно. Как замечает В.М.Алпатов, «может быть, ни в одной стране диалекты не исследуются так детально, как в Японии <...> Диалектологическая работа воспринимается здесь как часть работы по изучению и сохранению национальной культуры» (Алпатов 1996, 242—243).

53.2. Различия в социальных функциях. Главное типологическое различие между литературными языками связано с тем, входит ли в «нормативное пространство» языка такая форма его существования, как **разговорная речь** (т.е. обычная, непринужденная, неофициальная устная речь людей, владеющих литературным языком). Для современных языков Европы и Америки характерно включение разговорной речи в состав средств литературного общения. Иначе говоря, употребление разговорной речи **не нарушает** норм литературного языка (в отличие от **просторечия**, которое находится за пределами нормативного языка).

Принципиально иной тип литературного языка характерен для языковых ситуаций, квалифицируемых как **культурное двуязычие** (см. § 60) и особенно в условиях **диглоссии** (разновидности культурного двуязычия, см. специально § 61). При диглоссии литературные языки используются преимущественно в письменной форме и в официальном устном общении; повседневная устная обиходно-бытовая речь (в том числе людей из образованных слоев общества) находится вне нормативных оценок (точнее, к бытовому общению не применимы оценки «**правильно—неправильно**»). К языкам такого типа относится современный литературный арабский; в Средние века таким был литературный язык православных славян — церковнославянский.

В социальной истории разных языков прослеживается тенденция к расширению функций и сфер использования их литературных форм. Если на заре письменности литературный язык — это язык немногих высокоавторитетных текстов (прежде всего сак-

ральных), то в современном мире литературные языки используются повсеместно, в том числе в непринужденном повседневном общении. Поэтому в целом степень нормированности языкового общения («нормативное пространство») имеет тенденцию увеличиваться. На схеме 53.2. представлены два типа нормативно-функционального уклада языка: I тип, для которого характерна функционально **узкая** сфера использования литературного языка (тип представлен в **диглоссных** ситуациях и в значительной мере также в ситуациях культурного двуязычия), и II тип, типологически более поздний, с максимально **широким** составом функций литературного языка, в число которых входит и повседневное обиходное общение.

Схема 53.2. Два типа нормативно-функционального уклада языка

I тип

Нормативное языковое пространство: церковь, образование, наука, официальная и престижная книжно-письменная культура

II тип

Нормативное языковое пространство: образование, наука, власть, церковь, масс **медиа**, повседневное обиходное общение, художественная литература

Языковое пространство, лежащее вне нормативных оценок: повседневное обиходное

письменности (напр., русск. **берестяные грамоты**), низовая художественная литература (напр. русск. «**Повесть о Фроле Скобееве**» и т.п.),

и

Языковое пространство, в котором используются ненормативные варианты языка (диалекты, просторечие, арго)

Разговорная речь, если она находится в рамках литературного языка, противостоит более строгому варианту литературного языка (этот вариант называется **кодифицированный литературный язык**). Структура кодифицированного языка зависит от состава входящих в него **функциональных стилей** (официально-деловой, церковный, **газетно-публицистический** и др.). Литературные языки могут различаться тем, какие функциональные стили в них сло-

жились. Например, в каком-то языке научные, учебные и научно-популярные тексты могут стилистически заметно различаться между собой, в то время как в другом языке аналогичные тексты оказываются стилистически однородны, т.е. различия между научным и научно-популярным стилем еще не выработались.

53.3. О разном внимании к нюансам и оттенкам. Различия между отдельными литературными языками могут заключаться в глубине и определенности смысловой дифференциации вариантных и синонимических средств языка. Для таких языков, как французский, английский, русский, безразличное употребление вариантов в целом не характерно. В других языках, например, в белорусском, словенском, сербском, распространено функционально незначимое варьирование, т.е. во многих случаях выбор варианта из ряда параллельных или синонимических средств не связан с ощутимыми семантическими и/или стилистическими различиями.

Например, в русском языке выбор краткой или полной формы прилагательного в позиции сказуемого обычно функционально значим. Краткие формы чаще обозначают **признак**, ограниченный во времени или в каком-либо ином **отношении**, полные же формы — признак абсолютный, постоянный (ср. *девочка больна* — *девочка* *больная*, *пальто коротко* — *пальто короткое*). Иногда краткие формы в сравнении с полными ощущаются как более книжные, с этим связана их **отвлеченность**, строгость, иногда категоричность. **А.М.Пешковский**, сопоставляя полные и краткие формы прилагательных (речь идет о синтаксически сходных репликах в «Трех сестрах» Чехова: «*Ты, Машка, злая*», «*Ты, Маша, глупая*», «*О, глупая ты, Оля*»), замечает: «Все три реплики отнюдь не враждебны. **Это** — по-родственному, по-дружески. Но сказать *ты зла*, *ты глупа* есть уже оскорбление... *Ты зла* — это голое констатирование факта, к которому не идет дружеский тон и небрежно-разговорный стиль» (**Пешковский А.М.** Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 226). В отличие от русского языка, в белорусском полные и краткие прилагательные употребляются без каких-либо заметных смысловых и стилистических различий (при том, что полные формы употребляются чаще).

В белорусском языке обычно меньше также степень дифференцированности слов в синонимическом ряду. Например, по данным

«Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы» в 6-ти книгах (Мн., 1977—1984) и «Слоўніка сінонімаў і блізказначных слоў» **М.К.Клышкі** (Мн., 1976), между синонимами *дрэнны*, *келпскі*, *благ/нет* ощутимых различий ни в семантике, ни в стилистической окрашенности. В аналогичном синонимическом ряду в русском языке — *плохой*, *дурной*, *скверный*, *худой* — слова дифференцированы в большей степени: *дурной* употребляется преимущественно в литературно-книжной речи; *худой* в современном литературном языке употребляется лишь в отдельных выражениях (не *говоря худого слова*, *быть на худом счету*), в пословицах и поговорках, а в других случаях слово имеет просторечный характер; *скверный* имеет усилительное значение и т.д. (по «Словарю синонимов русского языка» в 2-х томах, под ред. **А.П.Евгеньевой**. Л., 1970—1971).

Следует подчеркнуть, что различия языков в степени дифференцированности параллельных и синонимических средств нельзя объяснить субъективными факторами, т.е. различиями в степени и характере кодифицированности языковой нормы. Дело не в разной подробности или зоркости словарей и грамматик, а именно в объективной картине — в том, что в «молодом» литературном языке функциональное размежевание параллельных средств могло еще не сложиться (см. § 54.1).

54. Факторы типологического своеобразия литературных языков

Различия между литературными языками не зависят от их генеалогических взаимоотношений. Ближайшие родственные языки могут быть весьма различны по типологическим особенностям своих нормативно-стилистических систем (например, русский и белорусский, чешский и словацкий). С другой стороны, языки, далекие в генеалогическом отношении, могут быть сходны с точки зрения типологии литературных языков (например, русский и французский литературные языки).

Норма литературного языка — явление национальное и историческое. Именно в своеобразии культуры и истории народов коренятся факторы, определяющие своеобразие их литературных языков. При этом особенно существенны те исторические условия, в которых происходило **формирование** национального литературного языка.

54.1. «Возрастной» фактор: о языках—«гениальных юношах» и языках—«маститых гениях». Культурно-психологический смысл стилистики. В типологии литературных языков очень важны хронологические границы понятия «современный литературный язык». В различных национальных языках продолжительность того последнего этапа в истории языка, который в настоящее время осознается носителями языка как **современный**, может быть существенно разной.

Отношение говорящих к определенному диахроническому этапу в истории языка как к языку «современному» или, напротив, как к языку «вчерашнего дня» проявляется в хронологических границах читаемой в современном национальном коллективе отечественной литературы. Эти границы в основном совпадают с творчеством классиков национальной литературы, в художественной практике которых формировался национальный литературный язык. Так, основные черты современного итальянского литературного языка складываются в XIII—XIV вв., в творчестве «великих флорентийцев» — Данте, Петрарки, Боккаччо; начало современного французского литературного языка относится к XVII в. (драматургия Корнеля, Мольера, Расина); начало современного литературного русского языка — это 20—30-е годы XIX в. (творчество Пушкина); становление современного белорусского литературного языка связано с именами Винцента **Дунина-Марцинкевича** и **Франтишка Багушевича** (середина — вторая половина XIX в.).

Дальнейшая история сложившегося литературного языка состоит в том, что нефункциональное варьирование постепенно преодолевается; углубляется стилистическая и семантическая дифференциация языковых средств; в итоге формируется внутренняя функционально-стилистическая структура литературного языка, что усиливает его обособленность от нелитературных форм существования языка. Вот почему для типологии норм так важно, сколько столетий (или десятилетий) насчитывает «современный» литературный язык.

Владимир Набоков в «Постскрипуме к русскому изданию» (1965) «Лолить» так характеризовал различия в выразительных возможностях между «зеленым русским литературным языком» (начало современной истории — Пушкин) и «зрелым, как лопающаяся по швам **смоква**, языком английским» (начало современной истории — Шекспир): «Телодвижения, **ужимки**, **ландшафты**, томление **деревьев**, запахи, **дожди**, тающие и переливчатые оттенки природы, всё нежно-человеческое (как ни **странно!**), а также всё **мужич-**

кое, грубое, сочно-похабное, выходит по-русски не хуже, если не лучше, чем по-английски; но столь свойственные английскому тонкие недоговоренности, поэзия мысли, мгновенная переключка между отвлеченнейшими понятиями, роение односложных эпитетов, всё это, а также всё относящееся к технике, модам, спорту, естественным наукам и противоестественным страстям — становится по-русски топорным, многословным и часто отвратительным в смысле стиля и ритма. Эта невязка отражает основную разницу в историческом плане между зеленым русским литературным языком и **зрелым**, как лопающаяся по швам **смоква**, языком английским: между гениальным, но еще недостаточно образованным, а иногда довольно безвкусным юношей, и маститым **гением**, соединяющим в себе запасы пестрого знания с полной свободой **духа**»³.

Итак, глубина и определенность стилистической и смысловой дифференциации языковых средств прямо зависит от «возраста» литературного языка; можно сказать, степень дифференцированности языковых средств есть функция времени, в течение которого совершалась история литературного языка.

Стилистическая дифференциация увеличивает информационную емкость языковых знаков, поскольку формируется новый компонент содержания знака — стилистическая маркированность. Внутреннее **социально-психологическое** содержание стилистической маркированности сводится к оценке (или характеристике) знака с точки зрения его уместности в тех или иных условиях общения (то ли при обращении к Богу или в речи о Боге; то ли в общении частном — семейном, бытовом, дружеском, интимном, непринужденном, фамильярном и т.д.; то ли в общении социальном — публичном, служебном, официальном, профессиональном).

Стилистическая дифференциация языка представляет собой **исторически первое** осознание, осмысление языка обществом. В этом состоит ее огромное **культурно-психологическое** значение. Таким образом, начальное познание языка (до первых сочинений о языке, первых словарей и грамматик) носило коллективный, сугубо практический и в основном имплицитный (свернутый, неявный) характер, поскольку стилистические оценки языковых средств вначале не формулировались явно (эксплицитно), но проявлялись в **выборе** одного варианта из ряда возможных.

³ Набоков В. Лолита. М.: Известия, 1989. С.358-359.

Зарождение стилистики происходит в доисторические (бесписьменные) времена и предшествует сложению литературного языка. Типологическая древность стилистики подтверждается исследователями коммуникации в бесписьменных социумах. Обобщая такого рода факты (относящиеся к языкам американских индейцев), Эйнар Хауген писал (в 1964 г.):

«Некоторые виды общения требуют соблюдения языковой формы даже в **обществах**, не имеющих письменности. Такова *сфера закона, ритуалы и эпос*. Язык, функционирующий в этих **сферах**, отличается от языка повседневной жизни тем, что он более величествен, более отчетлив и больше запоминается. Причина этого очень проста: **сообщения**, которые делаются в таких ситуациях, настолько важны для жизни **общества**, что их запоминают и передают от поколения к поколению, сохраняя неизменными. Эти тексты вверяются судье, **священнослужителю** и барду, которые становятся, таким образом, хранителями традиций и в то же время потенциальными творцами инноваций. Этот язык, приходящий из прошлого такими путями, — это язык общественный и официальный, в то время как повседневная речь таковой не является. Этот язык базируется на ситуации, когда говорящий обращается ко многим и от имени многих — это как бы голос самой группы» (Хауген 1975, 448—449).

54.2. «Традиционные» литературные языки и прерванные традиции. Типологические особенности литературного языка во многом зависят от степени его традиционности по отношению к предшествующему этапу своей истории. Эта связь между сегодняшним днем литературного языка и днем вчерашним может быть существенно различной в разных языках.

Для русского языка характерна тесная преемственность между отдельными периодами его истории. Говоря о первой трети XIX в. как о начале новой (современной) стилистической системы русского **языка**, следует вместе с тем видеть относительный характер новизны: язык Пушкина отнюдь не был оторван от литературного языка XVIII в., он преобразовал, но вместе с тем и продолжил стилистические традиции XVIII в. Больше того: как показал Б.А.Успенский (Успенский 1985), в XVIII в., в литературной практике **В.К.Тредиаковского**, уже сложился прообраз литературно-языковой ситуации первых десятилетий XIX в. — ситуации сосуществования и конкуренции разных моделей нормализации литературно-

го языка (борьба карамзинистов и шишковистов). Предшествующие этапы истории русского литературного **языка** — XVIII в., язык Московской Руси, язык Киевской **Руси** — также были тесно связаны между собой. Преемственность в истории русского литературного языка обусловила то, что его современная стилистика многое наследует от предшествующих, иногда весьма удаленных, состояний литературного языка. **Так**, из всех современных славянских литературных языков русский язык в наибольшей мере связан с традициями церковнославянской книжности. В его стилистике по-прежнему актуальна оппозиция церковнославянизмов и исконно русских языковых средств. Влияние церковнославянского языка сказалось также в том, что кодифицированный литературный русский язык в целом дальше отстоит от живой разговорной и диалектной речи, чем большинство славянских литературных языков.

В отличие от непрерывной истории русского литературного языка, в истории литературных языков ряда славянских народов была своего рода пауза, **перерыв** в развитии. Отсутствие государственной самостоятельности, чужеземное национальное угнетение подавили, оборвали традиции ранней письменной культуры в истории белорусского, украинского, чешского, болгарского, сербского, хорватского, словенского народов. Новая книжно-письменная культура этих народов возникает несколько веков спустя, в результате национально-освободительной борьбы и национально-го возрождения.

Однако возрождение славянских литературных языков не было возобновлением **прежних** нормативно-стилистических систем (за исключением чешского языка). Возрождавшиеся литературные языки опирались на живую народную речь, на язык новой литературы и публицистики. С этим связана их большая близость к народной речи, большая терпимость к диалектизмам, но вместе с тем и некоторая ограниченность, **суженность** стилистического диапазона. По-видимому, в таких языках трудно появиться текстам, которые звучали бы так же величественно и торжественно, как, например, ода «Вольность» или «Пророк» Пушкина в русском языке. Но это означает, что и стилистически сниженная речь в молодых литературных языках менее экспрессивна, чем в русском. В переводах она перестает звучать так подчеркнуто раскованно, просто, порой — простецки, как на русском языке. Для ощущения стилистического контраста нужна традиция.

54.3. Различия в лингвистических идеалах национального возрождения. Типологические черты литературного языка, в особенности языковое «наполнение» функциональных стилей, во многом зависели от идеалов и языковых программ национального возрождения. Например, ориентация создателей чешского литературного языка конца XVIII — начала XIX в. на чешскую книжность XVI в. становится понятной в контексте идей чешского возрождения и антигабсбургского национализма. Идеалом чешского возрождения была Чехия прошлого — до поражения на Белой Горе (1620) — свободное и сильное государство, с богатейшей **книжно-письменной культурой**⁴. Языковой идеал чешские «будители» также видели в прошлом — в чешском литературном языке XV—XVI вв.

Камертоном кодификации для них стала знаменитая 6-томная **Кралицкая Библия**, выдающийся памятник XVI в. На тексты Кралицкой Библии опиралась первая чешская грамматика Нового времени — «Подробная грамматика чешского языка» Йозефа Добровского (1809). При этом Добровский даже частично архаизировал язык XVI в. (Национальное возрождение 1978, 9—85).

Добелогорский чешский язык оставался образцом и для Йозефа Юнгмана, кодификатора и создателя чешской книжной лексики и терминологии. Его 5-томный чешско-немецкий словарь (30-е годы XIX в.) был задуман как тезаурус чешской лексики на всем историческом пути Чехии и прежде всего языка добелогорского периода. И хотя фактически словарь Юнгмана перерастает рамки XVI в., однако ориентация на лексику **Кралицкой Библии**, на словари **Велеславина**, сочинения Яна **Коменского** сказались в возрождении забытой лексики, в активизации архаических словообразовательных моделей, в последовательном отказе от заимствований из немецкого языка.

Ярослав Белич писал (в 1955 г.) о «бумажной архаичности и тепличной исключительности» чешского литературного языка первых десятилетий XIX в. Действительно, архаизирующая **нормали-**

⁴ Достаточно сказать, что чешский король Карл I (1316—1378) становится императором Священной Римской империи (под именем Карла IV). Карл основал 9 университетов, в том числе Пражский (Карлов) — первый университет в Центральной Европе. В XIV в. на чешский язык переводится полная Библия. Уже в 1488 г. в Чехии был напечатан первый в Европе перевод басен Эзопа на народный язык.

зация чешского языка была во многом искусственна, она могла прижиться только потому, что чешский литературный язык первой половины XIX в. был языком книжно-письменной культуры (устная форма литературного языка складывается во второй половине XIX в.). Однако устремленное в прошлое **начало** современного чешского литературного языка сказывается до сих пор: для него характерна самая большая в Славии отдаленность литературного языка от народно-разговорной речи.

В обстановке иной лингвистической идеологии складывался сербскохорватский литературный язык (который ныне его носители считают двумя языками — сербским и хорватским).

Литературный язык Сербии XVIII в. стоял на распутье: в литературе и письменности сосуществовали и соперничали несколько стилистических систем. Одни из них были связаны с церковнославянским языком, в том числе с его русской редакцией, другие — с народным сербским языком. Создатели сербского литературного языка — **Досифей Обрадович**, Вук Караджич, Джура **Даничич** — отказались от архаизирующих церковнославянских стилей и обратились к современному **народному** языку. В такой ориентации сказались сильная в сербском возрождении идеология романтизма, с его интересом к этнической самобытности, дописьменной народной культуре, к «душе» народа. **Обрадович**, **крупнейший** сербский писатель XVIII в., на **практике** — в своих художественных и публицистических сочинениях — доказал **приемлемость** народного сербского языка в качестве языка литературного. Более радикально-народный Караджич составил грамматику и **словарь** на основе фольклора сербов, **хорватов**, черногорцев (1814, 1818 гг.) и издал — в качестве образца нового литературного языка — **несколько** сборников народной поэзии. Отмечая радикализм Караджича (в его «удавшемся эксперименте»), Н.И.Толстой писал, что отказ от книжных языковых элементов, от церковнославянизмов «не мог не привести к значительному сокращению стилистических возможностей литературного языка» (Национальное возрождение 1978, 300). Кодификация Караджича была принята обществом. Реформа Караджича, лингвистическая идеология, на которой она вырастала, определили типологические черты литературного сербскохорватского языка: близость к народно-разговорной речи, значительную терпимость к диалектизмам, вместе с тем — известную суженность стилистических возможностей, что связано с отходом от традиций церковнославянской книжно-письменной культуры.

54.4. Эстетический фактор: художественные стили эпохи в судьбах литературных языков. Говоря о типологических особенностях литературных языков, важно учитывать также их зависимость от эстетики и поэтики литературного направления, главенствующего в эпоху формирования литературного языка. Показательны в этом отношении различия французского и русского литературных языков.

Формирование французского литературного языка связано с художественной теорией и практикой классицизма. В рационалистическом, абстрагирующем искусстве классицизма отбор языковых средств строго регламентировался литературными жанрами. В наиболее авторитетных высоких жанрах (трагедия, эпическая поэма, но не лирика, которая по самой природе тяготеет к конкретному, непосредственному, индивидуальному) язык был рационалистически ясен, точен и далек от живых красок народно-разговорной речи. Обособленность книжной и разговорной речи, некоторая рационалистичность, «сухость» книжных и нейтральных стилей остаются характерными чертами нормативно-стилистической системы французского литературного языка.

В отличие от классицистического начала современного французского литературного языка, становление современного русского литературного языка связано с утверждением реализма. Познавательные установки реалистической литературы и ее изобразительные средства делают художественный текст принципиально открытым всем языковым стихиям. В реализме между художником и миром не стоит фильтрующая эстетика разума, как в классицизме, или эстетика избранных эмоциональных состояний, как в сентиментализме. Для реалиста язык — это часть того мира, который искусство стремится изобразить во всей полноте и правде. С другой стороны, в реализме язык — это не только объект, но и средство воспроизведения действительности. Со времен гоголевской натуральной школы в русской литературе по-разному говорят крестьянин и чиновник, мастерской и купец; издавна употребительны диалектные и просторечные краски. Реалистической эстетике чужды запреты, языковая ограниченность или односторонность. Она **п р и н ц и п и а л ь н о** не нормативна. Но это значит, что та стилистическая система, которая формируется в реалистической литературе, отличается большой широтой, свободой, гибкостью своих норм. Именно таковы особенности русского литературного языка.

ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВЫХ СИТУАЦИЙ

55. Геополитическая группировка языковых ситуаций

В современном мире в зависимости от характера этноязыковых процессов отчетливо выделяются три основных геополитических региона, которым соответствуют три группы языковых ситуаций: 1) «Запад» в геополитическом смысле — Западная Европа и Северная Америка («развитые» страны); 2) новые независимые государства, образовавшиеся после распада СССР и социалистического лагеря (страны, переживающие «переходный» период своей истории); 3) страны Третьего мира («развивающиеся» страны).

1. На Западе на фоне экономической и макрополитической интеграции набирают силу встречные тенденции — к региональному «новому федерализму»: к политической и культурной автономии малых и средних этносов.

Усиливается культурно-политическая раздельность двух **языковых** общин Бельгии, обособленность разноязычных кантонов Швейцарии; год от года крепнет сепаратизм в Квебеке (провинция Канады с преобладанием франкоязычного населения — «**франкофонов**»). Упрочиваются позиции бретонского и корсиканского языков во Франции; каталанского, галисийского и баскского языков в Испании; гэльского (шотландского), валлийского (уэльского) и ирландского языков в Великобритании; фриульского, тирольского и ретороманского языков в Италии.

Возрождая и сохраняя этноязыковую самобытность «малой родины», люди защищают свое «право на различие», видя в нем убежище от нарастающей стандартизации и глобализма. По-видимому, поиски здорового равновесия будут усиливать тягу самых разных народов к своим корням, к «своему родному», близко-

му, нигде не повторимому и в том числе — к родному языку. Забота о региональных языках находит определенную государственную поддержку, в том числе законодательную и материальную. Западному политическому либерализму и демократии естественным образом соответствуют языковой плюрализм, толерантность и стремление к юридической регламентации этноязыковых отношений.

2. В новых независимых государствах социолингвистическую динамику определяют следующие черты: 1) существенное уменьшение **«мультинациональности»** ряда государств (распад СССР, СФРЮ; «бархатный развод» в Чехословакии); 2) повсеместное усиление национального сознания; 3) проведение государственной политики, направленной на повышение коммуникативного статуса и престижа языков «титულных **наций**»¹; 4) обострение национальных отношений в ряде государств и регионов (усугубляемое экономическими трудностями и политической нестабильностью переходного периода); 5) отрицательная (дестабилизирующая) инерция жизни и **ментальности** при тоталитарных режимах (недостаточная терпимость к «инаковости» (языковой, культурной, религиозной), правовая малограмотность значительной части общества и связанный с этим правовой нигилизм).

3. Для социолингвистического развития Третьего мира характерны следующие черты: 1) множественность и дробность языков в рамках языковой семьи при отсутствии четких границ между языками, что связано с относительно поздним племенным образом жизни; более высокая **языковая плотность** (измеряемая отношением числа языков в некотором ареале к численности носителей данных **языков**)²; 2) сложение сверхэтнических общнос-

¹ Впрочем, в Беларуси с середины 1994 г. указанная государственная (официальная) политика фактически свернута. Вместе с тем белорусское национальное самосознание продолжает усиливаться — прежде всего как следствие жизни народа в отдельном государстве.

² Самая высокая в мире языковая плотность наблюдается в Океании и на островах Малайского архипелага. Так, в индонезийской части Новой Гвинеи 1 миллион меланезийского населения говорит на 250 языках (Говард 1995, 100), т.е. в среднем на один язык приходится около 4 тысяч жителей. На всей территории **о. Новая Гвинея** языковая плотность несколько ниже (чем в индонезийской части), но остается максимально высокой для такого обширного и густо заселен-

тей (более крупных, чем нация), объединяющих многие этносы и этнические группы, которые говорят на многих и даже не всегда родственных языках; 3) слабость этноязыкового самосознания, поскольку государства **мультиэтничны** и многоязычны, а их границы мало соответствуют границам этноязыковых групп населения (т.к. государства складывались в границах прежних европейских колоний, доминионов, управляемых территорий); 4) политическая нестабильность, бедность, **трайболизм**³, религиозная нетерпимость.

В крупнейшей по численности населения африканской стране — Нигерии — 80 млн. жителей говорят на 200 языках (по некоторым оценкам, языков около 500), причем многие языки распространены в соседних государствах — Гане, Дагомее, Того, Нигере. На трех главных языках Нигерии — **хауса, йоруба, йгбо (ибо)** — говорит около половины населения. Именно эти языки, имеющие письменность и литературные традиции, считаются кандидатами на роль общенационального языка. Используются также импортированные языки: в мусульманской религии и культуре — классический арабский; в официальной сфере, в художественной литературе⁴ — английский (имеющий статус официального языка государства); в межэтнических деловых контактах — **пиджин-инглиш** (о пиджинах см. § 66). Несмотря на этническую и языковую пестроту, на то, что крупнейшие языки Нигерии, будучи распространены за ее пределы, не являются специфически нигерийскими и, следовательно, с трудом могут служить средством этнической идентификации; несмотря на процессы сложения новых народностей и сильную межэтническую рознь, в Нигерии популярен лозунг сплочения всего народа страны: «единое государство — единая

ного географического пространства: 1000 языков на 5 **млн. чел.**, т.е. в среднем на один язык приходится около 5 тыс. чел. (An Encyclopedia of Language / Ed. by N.E. Collinge. London — New York, 1990. P. 978). Однако предельная языковая плотность отмечалась в XIX в. в Австралии, где на 300 **тыс. чел.** приходилось 500 языков (т.е. в среднем один язык на 600 аборигенов). Уменьшение языковой плотности связано с сокращением количества языков в мире (см. § 45).

³ **Трайболизм** (англ. *tribe* — племя) — межплеменная вражда.

⁴ Общенигерийская художественная литература на английском более популярна, чем полуфольклорная литература на африканских языках (см.: **Вавилов В.Н.** Проза Нигерии. М.: **Наука**, 1973).

нация — единый язык». Вопрос о едином «государственном» или «официальном» языке в Нигерии далек от решения, однако это движение способствует формированию черт наднациональной общности (Проблемы 1977, 86—105; Виноградов, Коваль, Порховский 1984, 81—92).

56. Признаки **ситуаций**, значимые для типологии

Языковая ситуация — это совокупность языков и языковых образований, обслуживающих некоторый социум (этнос и полиэтническую общность) в границах определенного региона, политико-территориального объединения или государства⁵. Крупное полиэтническое и многоязычное государство (Индия, Китай, Пакистан, Индонезия, Нигерия, Заир, Россия, США и др.) всегда представляет собой не одну, а несколько языковых ситуаций. Так, в Индии, самой полиэтнической и многоязычной стране мира⁶, наличествуют отдельные социолингвистические ситуации не только в каждом из 22 штатов, но и в регионах внутри штатов, а также в крупных городах. Отдельная языковая ситуация — это **лингвогеографическое (ареальное) единство** языков и подязыков, которые действительно соседствуют в границах социума, соприкасаются и взаимодействуют между собой. Число этнических языков, образующих одну языковую ситуацию, не превышает 5—6 языков; больше всего в мире ситуаций, в которых соседствуют два языка. Таким образом, двуязычие встречается чаще всех других ситуаций: как одноязычных, так и **трех-, четырех-,** пятиязычных.

Языковая ситуация — явление многоаспектное и многопризнаковое, при этом типологически значимые признаки разно-

⁵ В социолингвистике термин **языковое образование** обозначает язык или тот или иной вариант языка (диалект, койне, литературный язык, разговорную речь, просторечие, храмовый (культурный) язык, функциональный стиль, профессиональное аргю, сленг и т.п.), используемый в коммуникации. В этом же значении иногда используют термин **идиом** (от греч. *ιδίωμα* 'особенность, своеобразие'), в особенности применительно к бесписьменному языковому континууму в странах Третьего мира, где не всегда ясно, что наблюдает исследователь — язык или диалект.

⁶ Народы Индии (740 миллионов человек) говорят на 1600 языках; в их числе 281 язык с числом говорящих свыше 5 тысяч человек и 29 языков с числом говорящих свыше 1 миллиона (Ганди 1982, 17—19).

направленны и не **иерархичны**. Поэтому едва ли возможна единая и при этом многопризнаковая классификация всего разнообразия языковых ситуаций в мире. Однако возможны типологические характеристики ситуаций на основе ряда значимых различительных признаков. Эти признаки и примеры ситуаций даны в таблице 56; следующие за таблицей примечания подтверждают обоснованность приводимых примеров.

Таблица 56. Типологические признаки языковых ситуаций и примеры различий

№	Типологический признак языковых ситуаций (ЯС) и его социолингвистический смысл	Оппозиция типов и примеры
1.	Количество языков (языковых образований), составляющих ЯС (т.е. степень ее языкового разнообразия)	Однокомпонентная ЯС (Исландия¹) — многокомпонентная ЯС (Венгрия ² , Беларусь ³ , Финляндия ⁴)
2.	Количество этнических языков, составляющих ЯС (т.е. степень этноязыкового разнообразия ЯС)	Многокомпонентная одноязычная (Венгрия ² , Япония ³) — многокомпонентные ЯС: а) двуязычная (Беларусь ³ , Украина ⁶ , Финляндия ⁴), б) трехязычная (Крым ⁷ , Люксембург ⁸), с) четырехязычная (Швейцария ⁹), d) пятиязычная (Израиль ¹⁰)
3.	Процент населения, говорящего на каждом из языков, т.е. демографический вес языков, составляющих ЯС	Демографически относительно равновесная ЯС (Бельгия ⁹) — демографически неравновесная (Беларусь ³ , Испания ¹² , Финляндия ⁴)
4.	Количество коммуникативных функций, выполняемых каждым языком, в отношении к общему числу таких функций, т.е. коммуникативная мощность языков, составляющих ЯС	Коммуникативно относительно сбалансированная ЯС (Бельгия ⁹) — коммуникативно несбалансированная ЯС (Беларусь ³ , Испания ¹²)
5.	Юридический статус языков, составляющих ЯС	Тождественный юридический статус (Беларусь ³ , Швейцария ⁹) — различный статус (Украина ⁶ , Крым ⁷ , Каталония ¹¹)
6.	Степень генетической близости языков, составляющих ЯС (близкое родство, неблизкое родство, отсутствие родства)	Близкородственное двуязычие (Беларусь ³ , Украина ⁶ , Польша ¹⁴) — неблизкородственное (Литва ¹⁵ , Бельгия ¹¹) и неродственное (Финляндия ⁴ , Татарстан ¹⁶)
7.	Оценки социумом престижа сосуществующих языков: разный престиж — относительно равный престиж	Церковнославянско-русская диглоссия в Московской Руси до конца XVII в. ¹⁷ — недиглоссное двуязычие (Финляндия ⁴), нередко также при культурном двуязычии ¹⁸

Примечания

1. На исландском языке говорит 99% населения Исландии (242 тыс. чел.), при этом язык отличается уникальной однородностью: в нем практически отсутствуют диалектные различия, а также различия между кодифицированным литературным языком и обиходно-разговорной речью (и это при том, что исландская письменно-литературная традиция восходит к XI в.). Таким образом, имеет место редчайшая в современном мире однокомпонентная ситуация: один этнический язык представлен одной формой существования языка. Правда, распространено так называемое **культурное** двуязычие (см. § 60): в специальном образовании широко используется английский язык.

2. На венгерском языке говорит 99,4% населения; имеется 8 диалектов, противопоставленных литературному языку. Многокомпонентную ситуацию составляет один этнический язык, представленный диалектами и литературным языком.

3. В Беларуси два этнических близкородственных языка с равным юридическим статусом (государственных языков) — белорусский и русский. Этнические белорусы составляют 77,9 % из 10 млн. населения Беларуси (перепись 1989 г.)

4. В Финляндии два этнических государственных языка — финский и шведский, при том что финны составляют 91% населения страны, шведы — 6 %.

5. На японском языке говорит 99, 8% населения; имеется три группы диалектов, противопоставленных литературному языку. Таким образом, многокомпонентную ситуацию составляет один этнический язык, представленный диалектами и литературным языком.

6. В Украине (без Крыма) два этнических **близкородственных** языка — с разным юридическим статусом — украинский (государственный) и русский. Этнические украинцы составляли 72,7 % из 51 млн. населения Украины (перепись 1989 г.)

7. В Крыму три этнических языка с разным юридическим статусом: украинский (государственный язык Украины); крымскотатарский (государственный язык Крымской автономной республики в составе Украины); русский (официальный язык Крымской автономной республики в составе Украины).

8. В Великом Герцогстве Люксембург **летцебургский** язык (в прошлом один из мозельско-франкских диалектов немецкого языка и родной язык большинства населения) имеет статус государственного; французский и немецкий обладают статусом официальных языков.

9. В Швейцарии четыре государственных языка: немецкий, французский, итальянский, ретороманский; **германошвейцарцы**, немцы и австрийцы составляют 64% населения, **франкошвейцарцы** и французы — 18%, **италошвейцарцы** и **итальянцы** — 10%, ретороманцы — 0,8%.

10. В Израиле из 5 сосуществующих языков два имеют статус государственных: это два языка семитской ветви (но разных подгрупп) в афразийской семье — иврит и арабский (точнее, сиро-палестинский диалект арабского языка); кроме того, английский, русский и идиш.

11. В Бельгии два этнических государственных языка: французский и фламандский. На французском (входит в романскую подгруппу индоевропейской семьи) говорят *валлоны* (франкоязычное население Бельгии), составляющие 39,1% населения страны. На фламандском языке (вариантные **лингвонимы: нидерландский, голландский**), входящем в германскую подгруппу индоевропейской семьи, говорят *фламандцы* (50,7% населения).

12. В Испании один государственный язык и три официальных: в автономных провинциях Каталония, Валенсия и **Балеарские** острова — каталанский, в Галисии — галисийский, в Стране Басков — баскский (во всех провинциях статус официального языка имеет также и испанский). При этом испанцы составляют 70,6% населения Испании, каталонцы — 18,3%, галисийцы — **8,1%**, баски — 2,4%.

13. В Каталонии испанский язык имеет статус государственного и официального, каталанский — официального.

14. Белорусско-польское близкородственное этническое демографически и коммуникативно неравновесное двуязычие в Восточной Польше (Белостокское и Люблинское воеводства), где проживает около **165** тысяч белорусов.

15. В Литве государственный язык литовский (балтийская подгруппа индоевропейской семьи) и три славянских языка (также индоевропейской семьи) — русский, польский и белорусский, не имеющие юридического статуса.

16. В Татарстане государственный язык Татарской автономной республики в составе Российской Федерации — татарский (из тюркской семьи языков) и русский — государственный язык Российской Федерации (индоевропейской семьи)

17. О диглоссии см. § 61.

18. О культурном двуязычии см. § 60.

57. О разной корреляции дифференциальных признаков ситуаций

В конкретных ситуациях рассмотренные различительные признаки могут быть в достаточно разных взаимных зависимостях. Ключевая роль принадлежит геополитическим условиям (см. § 55), однако и в соседних регионах можно наблюдать серьезные и отнюдь не случайные различия в характере языковых ситуаций и даже в тенденциях их развития.

57.1. Всегда ли коммуникативная мощь языка пропорциональна демографическому фактору? В «клубе» мировых языков коммуникативно лидирует, как известно, английский, хотя демографическое первенство принадлежит китайскому (см. § 44.1.). Коммуникативный фактор в судьбах языков настолько важен, что иногда он влияет на демографическую динамику: молодые поколения этноса, который демографически преобладал в некотором полиэтническом социуме, могли постепенно переходить на язык численно меньшего этноса, однако с большим набором коммуникативных функций и сфер использования, что со временем изменило и численное **соотношение** групп населения, использующих разные языки, в пользу коммуникативного лидера.

Такова, например, судьба *суахили*⁷ (язык в подгруппе *банту*, испытывавший в IX—XI вв. сильное арабское влияние): еще в начале XX в. суахили был родным всего для 2 млн. человек Восточного побережья Центральной Африки, однако в настоящее время число говорящих на нем, по разным источникам, составляет примерно **35—50** млн. человек, при этом суахили имеет статус официального языка (наряду с английским) в Танзании, Кении, Уганде; он является самым распространенным (однако негосударственным) языком в Мозамбике (государственный язык — **португальский**), в Заире (где на суахили говорит более 30% населения; при этом государственный язык — французский) и в других восточноафриканских странах со значительным мусульманским населением (Брук 1986, **501—503**, 563; ЛЭС 1990, 497). Сходные процессы развивались в Индонезии и на **Филиппинах**, где общеупотребительными (и государственными) стали языки отнюдь не самых многочисленных этносов. **Индонезийский** язык (до 1928 г. он назывался **ма-**

⁷ *Суахили* в переводе с арабского означает ‘береговые жители’.

лайским), родной для 20 млн. человек, однако в Индонезии им владеют в разной степени более 150 млн. человек (ЛЭС 1990, 192). В Республике Филиппины, при населении в 52 млн. человек, государственным языком, наряду с английским, стал **тагальский** (вариантный лингвоним **пилипино**); при этом тагалов 12 миллионов человек, что почти в 2 раза меньше численности народа **бисайя** (Брук 1986, 437).

57.2. Статус языка де-юре и де-факто. Законодательное приращение языку высокого статуса иногда носит символический и программный характер. Это юридический **принцип**, который государство обязуется осуществлять. Фактическое положение языков с равным статусом (т.е. их коммуникативные и демографические мощности, социальный престиж и др.) может быть существенно разным (ср. судьбу одного из четырех государственных языков Швейцарии — ретороманского, на котором говорят около 50 тыс. человек в **одном** из кантонов Швейцарской Конфедерации, при том что население Швейцарии около 7 млн. человек). Равноправие языков — не больше, но и не меньше, чем юридическое, правовое равенство: равный юридический статус означает, что государство не создает **особых** условий для развития какого-либо языка из языков с равным статусом (т.е. не стремится к **коммуникативному** паритету языков, образующих языковую ситуацию).

58. Демографические факторы в динамике языковых ситуаций

Помимо численности народов, в демографии языковых процессов существенны такие факторы, как культурно-исторические традиции народов, влияющие на прирост населения; распространенность смешанных браков; соотношение городского и сельского населения в отдельных этнических группах; миграция и степень компактности проживания отдельных этносов (о последнем факторе см. § 59).

Урбанизация нивелирует этническое и языковое своеобразие; она ведет к утрате не только диалектов, местных **языков**, но и других традиционных средств общения. Так, в 1989 г. белорусский язык назвали своим родным языком 97,5% белорусов, живущих в деревнях Минской области, и только 61,6% белорусов-минчан (Беларусы 1996, 16).

В СССР в национальных республиках рост городов всегда был связан с повышением доли русскоязычного населения.

Характерны в этом плане различия в языковых ситуациях, с одной стороны, в Литве, а с другой, в Латвии и Эстонии. В таблице 58 представлены данные об удельном весе сельского населения в этих странах, а также данные о проценте коренного населения (представителей титульных наций) в советское время.

Таблица 58. Удельный вес сельского и коренного населения в странах Балтии

Страны Балтии	Сельское население в 1979 г.	Коренное население		
		1959	1979	1989
Латвия	33 %	62 %	56,8 %	53 %
Эстония	31 %	74,6 %	68,2 %	64 %
Литва	41 %	79 %	80 %	78,7 %

В структуре населения Латвии удельный вес латышей сокращался особенно стремительно. Этому способствовало большее количество (чем в Литве и Эстонии) крупных портов, предприятий ВПК, военных баз и курортов; кроме того в Риге был расквартирован штаб Прибалтийского военного округа и ряд военных училищ и вузов «всесоюзного» назначения (например, авиационный институт). В постсоветской Эстонии, стремившейся дистанцироваться от Российской Федерации и СНГ, тревогу вызывал промышленный северо-восток страны, где преобладает компактно живущее русскоязычное население. При этом естественный прирост коренного населения в Латвии и особенно в Эстонии⁸ традиционно невысок. Иная картина в Литве: она менее урбанизирована, в структуре населения удельный вес литовцев устойчиво высок. В Литве традиционно более высокая (чем в Латвии и Эстонии) рождаемость, что связано отчасти с большей долей сельского населения,

⁸ В Эстонии традиционно земля крестьянина не разделялась между его сыновьями, но целиком наследовалась старшим сыном. Поэтому в эстонских семьях всегда было мало детей (1—2 ребенка) — чтобы избежать фактического безземелья младших сыновей.

отчасти — с влиянием авторитетной в Литве католической церкви, которая выступает против волевого регулирования рождаемости. Указанные различия объясняют остроту национально-языковых отношений в постсоветской Латвии и Эстонии на фоне сравнительно более спокойной ситуации в Литве.

59. Диаспоры и компактное проживание этноязыковых групп⁹

Склонность к миграции (групповой и/или индивидуальной) присуща народам в разной мере. Так, в СССР в 70-х годах за пределами своей союзной республики больше всего проживало армян (38 %), затем белорусов (20 %), затем украинцев (15 %); меньше всего — грузин (4,5 %). Живя в новых землях, среди других народов, переселенцы иногда живут вместе (компактно), иногда — врозь. Например, украинцы часто переселялись целыми семьями, и до сих пор есть украинские села в Казахстане, Средней Азии, на Дальнем Востоке, в быту отчасти сохраняющие родной язык (украинских школ на территории России не открывали). Белорусы не выезжали деревнями, а в эмиграции (и в России, и на Западе) обычно ассимилируются быстрее, чем украинцы.

О том, в какой мере компактное проживание сохраняет своеобразие этноса, в том числе его язык, а жизнь в рассеянии, напротив, ускоряет ассимиляцию, можно судить по цифрам, представленным в Таблице 59.

Таблица 59. Зависимость языкового самоопределения украинцев и белорусов от компактности-рассеянности проживания

Поданным переписи населения в 1989 г.	В своей республике	В целом по СССР
Процент украинцев, которые в качестве родного языка назвали украинский	87, 7%	81, 1%
Процент белорусов, которые в качестве родного языка назвали белорусский	80, 2%	70, 9%

⁹ Диаспора (от греч. *diaspora* — рассеяние) — религиозные или этнические группы, переселившиеся из своей исторической родины на другие территории и живущие на положении национально-культурных меньшинств.

60. Этническое и культурное двуязычие

Главное различие между этническим и культурным двуязычием состоит в п р и ч и н а х , приведших к сосуществованию двух языков в одном социуме. Этническое двуязычие связано с совместной жизнью двух этносов (народов) — в одной стране, одном городе, штате, в **пограничье** двух соседних государств. Культурное двуязычие обусловлено причинами социального, культурного порядка. При этническом двуязычии люди общаются прежде всего в своих этнических группах на своих родных языках и только при межэтнических контактах один из собеседников переходит на второй язык социума, неродной для себя. В условиях культурного двуязычия представители **о д н о г о** народа могут общаться между собой как на родном языке, так и на втором языке социума, **неродном** для обоих собеседников.

Классический случай культурного двуязычия представляет собой французский и русский языки в жизни русского дворянства начиная со 2-й половины XVIII в. до середины XIX в. (при этом пик распространения французского приходится на первые два десятилетия XIX в.).

Международный язык науки и дипломатии XVIII в., французский язык для русского общества стал «мостом, по которому совершалось движение идей и культурных ценностей из Европы в Россию» (Ю.М.Лотман).

Приводя выразительные исторические факты, говорящие о совершенной естественности французского языка в русском дворянском **быту**, в том числе в годы войны против наполеоновской **Франции**¹⁰,

¹⁰ «Известный патриот эпохи наполеоновских войн Сергей Глинка [...] издает в Москве ультрапатриотический журнал «Русский вестник», мобилизуя общественные силы на борьбу с Наполеоном. Между друзьями идет переписка. «*Мы переписывались по-французски*», — замечает Глинка мельком, указывая на этот факт как на естественный и не придавая ему особенного значения». Когда Наполеон вторгся в Россию, шестнадцатилетний Никита Муравьев (будущий декабрист) «в патриотическом порыве без разрешения матери бежал в действующую армию, но по пути был задержан крестьянами: он плохо говорил по-русски, и его приняли за шпиона» (Лотман 1992, 353—354). Ср. также приводимые Лотманом сведения **Б.В.Томашевского** о том, что в библиотеке Пушкина французских книг было больше, чем книг на всех иностранных языках вместе взятых, и больше, чем книг на русском

Ю.М.Лотман пишет: «Исторический парадокс русской дворянской культуры заключался в том, что рост патриотических чувств, бывший ее характерной чертой, не вступал в противоречие со столь же бурным процессом распространения французского языка, приводившим к складыванию, в ряде случаев, русско-французского двуязычия» (Лотман 1992, 353).

В русской дворянской культуре французский язык, литература, театр, французский литературный салон стали тем образцом, моделью, прецедентом, школой, в обращении к которым русское общество вырабатывало **новый**, более демократический тип литературного **языка**, в котором границы «правильного» (нормативного) существенно расширились, включая в себя непринужденное и неофициальное **общение** — тот повседневный речевой обиход гостиной, который становился «новым средним стилем» русского **языка** — разговорной речью «светской публики».

При этом не приходится говорить о меньшей **престижности** и русского языка в условиях русско-французского культурного двуязычия. Русский язык был абсолютно необходим для государственной службы (все дело- и судопроизводство, служебная переписка велись по-русски; письмо русского дворянина к царю по-французски ощущалось бы как непозволительная фамильярность, бестактность). Литература и журналистика строили себя на русском языке. Литературные упражнения по-французски (часто дилетантские и/или шуточные и альбомные) оставались частью домашнего обихода. «Подлинное соревнование с европейской литературой идет на родном языке» (Лотман 1992, 355). (Из работ последнего времени о роли французского языка в истории литературного русского языка см. Живов 1996).

языке. Вспомним, наконец, выразительные факты, запечатленные в «энциклопедии русской жизни»: *русская душою* Татьяна Ларина **естественно** пишет Онегину письмо **по-французски**: «*Она по-русски плохо знала...*» (имеется в виду, конечно, не бытовая речь, а непривычность выражения на русском языке чувств, обсуждения психологии, мотивов и т.п.); ее *полка книг*, подробно представленная Пушкиным, — это сочинения на французском языке. Ср. также деталь (одну из многих подобных) в «Войне и мире»: князь Андрей, обсуждая с отцом ход военных действий (при вторжении Наполеона), увлекаясь темой, **п о п р и в ы ч к е** переходит на французский.

В Европе культурное двуязычие было широко распространено в Средние века и в эпоху гуманизма¹¹, когда международным языком католической церкви и дипломатии, науки и образования, книжно-письменной культуры, в том числе художественной словесности, была латынь. Не только у романских народов, но и в немецких землях и в ареале *Slavia Latina*¹² латинский язык был органическим компонентом культуры.

Латинско-славянское культурное двуязычие и «**двулитературность**» (термин Н.И.Толстого для обозначения двух относительно автономных литературных традиций — на латинском и на народном языке) наиболее полное развитие получили в Польше XII—XVII вв. Латынь была основным языком польской церкви, государства, науки, образования. Знание латыни требовалось для занятия любых церковных, государственных или муниципальных должностей. Латынь составляла основу во всех видах умственного труда, господствовала в польской поэзии XV—XVII вв. «Латинский язык был единственным орудием для выражения сложных мыслей образованных людей, которые [...] если не **изъяснялись**, то во всяком случае писали не без труда на своем родном языке, и даже для понятности и ясности переводили в некоторых случаях свои польские фразы **«обратно на латынь»**» (Голенищев-Кутузов 1963, 262).

В Польше очень рано, едва ли не на заре гуманистической (латинской) образованности в Европе, стала культивироваться классическая эрудиция (то, что позже в Италии назовут *studia humanitatis*). Сохранившиеся тексты латинских лекций краковских профессоров

¹¹ Гуманизм как историко-культурологический термин (от лат. *studia humanitatis* — ‘изучение человека, гуманитарные занятия’) обозначает европейское надконфессиональное культурное движение XV—XVI вв., видевшее в филологическом изучении греко-римской и христианской античности глубоко этический, человеческий смысл — путь к взаимному пониманию, терпимости и исправлению нравов. Признанный глава европейских гуманистов — Эразм Роттердамский (1469—1536).

¹² Термин Рикардо Пиккио. Мир *Slavia Latina* (сфера западнохристианского, позже — католического влияния и латинского языка) объединял поляков, чехов, словаков, хорват, словенцев. В ареал *Slavia Orthodoxa* (область восточнохристианского, позже — православного влияния и греческого и церковнославянского языков) входили южные славяне — болгары, сербы, черногорцы, и восточные славяне — русские, украинцы, белорусы. Подробно о различиях в судьбах литературных языков *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina* см. Толстой 1988, Толстой 1998.

свидетельствуют, что им были известны сочинения Цицерона, Сенеки, Вергилия, Горация, Лукиана, Персия, Бозция. В Кракове знали логико-философские сочинения Аристотеля и обе его книги о поэзии и красноречии, — «Поэтику» и «Риторику». Текстологические штудии Патриция Недецкого и его венецианские издания Цицерона 1561 и 1565 гг. имели общеевропейское значение, не превзойденное классической филологией Нового времени (Подробно см. Мечковская, Супрун 1991).

В оппозиции «этническое — культурное двуязычие» могут быть смешанные случаи. Таков, в частности, характер белорусско-русского двуязычия в Беларуси. Русский язык в Беларуси используется в качестве основного не только русскими, но и белорусами, а также украинцами, поляками, евреями, при этом доля этнических русских в Беларуси (около 13,2 % в 10-миллионном населении страны, по переписи 1989 г.) существенно меньше объема устной и печатной коммуникации на русском языке. Причины распространения русского языка в Беларуси носят в первую очередь социальный характер и во вторую — этнический. Таким образом, двуязычие в Беларуси является смешанным, культурно-этническим.

61. Диглоссия как особый вид культурного двуязычия¹³

Своеобразие диглоссии раскрыто в работах Чарльза Фергюсона, Джошуа Фишмана, применительно к истории русского литературного языка — А.В.Исаченко, Б.А.Успенского. Для этого вида двуязычия характерны следующие черты: 1) такое функциональное распределение языков, при котором один из них используется в «высоких» (небытовых) сферах и ситуациях общения (в церкви, книжно-письменной культуре, науке, образовании) и не принят в повседневном общении; второй язык, напротив, возможен только в повседневном общении и особых жанрах письменности, например в договорах, публичных объявлениях, рекламе, иногда в «низких» жанрах художественной литературы; 2) престижность книжного («высокого») языка (в языковом сознании социума); 3) надэтнический характер престижного языка: ни для

¹³ Диглоссия (от греч. *di* — ‘дважды’ и *glōssa* — ‘язык’) — дословно ‘двуязычие, билингвизм’.

одной из этнических или социальных групп населения он не является родным (материнским); 4) **искусственный** (школьный) характер овладения престижным языком — поскольку такой язык не используется в обиходе, им нельзя овладеть естественным путем (от матери, в **семейно-бытовом** общении в детстве).

Диглоссную ситуацию могут образовывать как родственные, так и неродственные языки. Диглоссия родственных языков имела место в ареале *Slavia Orthodoxa*, с церковнославянским языком в качестве *sacra lingua* (лат. 'священный язык'); в Греции. Диглоссия неродственных языков до сих пор существует в тех исламских странах, где классический арабский (язык Корана, *sacra lingua* ислама) находится в генетически далеких отношениях с местным языком повседневной жизни (например, в неарабских странах Африки с частично исламским населением — Сенегале, Гвинее, Мали, Нигерии, Нигере, Республике Чад).

В допетровской Руси в отношении диглоссии находились два родственных языка: церковнославянский (по происхождению южнославянский) и русский (по происхождению восточнославянский). Литературным (т.е. «правильным») и при этом **своим** языком русского Средневековья был церковнославянский. Не случайно первыми у восточных славян грамматиками «своего» (не иностранного) языка явились руководства именно по церковнославянскому **языку** — грамматика Лаврентия Зизания (1596) и знаменитая грамматика Мелетия Смотрицкого (1619), ставшая «воротами учености» и для Ломоносова.

Многовековую (до 1976 г.) диглоссную ситуацию в Греции формировали также генетически близкие языковые образования — два письменных новогреческих языка: 1) язык, возникший в начале новой эры в результате подражания древнегреческим классикам V—IV вв. до н.э. и 2) литературный язык более поздней **поры**, свободный от архаизирующих установок. В 1976 г. греческий парламент принял закон о реформе общего **образования**, введивший в школы этот второй, более молодой и демократический язык (Логачев 1979).

Диглоссия характерна для большинства арабских стран. Единственный литературный язык арабов, восходящий к классическому арабскому языку VII в., имеет преимущественно письменную форму выражения. Это язык Корана, книжной культуры, науки,

публицистики, официально-деловой документации, высшего и отчасти среднего образования. Однако им владеют всего **25—30%** арабского населения (**Мишкур** 1981). В повседневном общении, в неофициальных программах радио и телевидения, в начальной школе используются многочисленные и далеко разошедшиеся диалекты арабского языка — алжирский, египетский, иракский, йеменский, марокканский.

Вот как описывает ситуацию в Марокко исследовательница двуязычия из Испании: «Когда мы с мужем впервые приехали в Рабат (столица Марокко) зимой **1985 г.**, мы сразу же начали интенсивно учить марокканский язык. Это один из диалектов арабского языка, называемый *дария*, и это первый язык арабской части **Марокко**, где находятся все главные города страны. В ситуации двуязычия дария существует рядом с классическим арабским языком, или *фуша*. Фуша употребляется в тех местах, где традиционно живет грамотное население. Фуша считается священным языком: по преданию, пророк **Мухаммад** получил Священный Коран от Аллаха именно на этом языке. На фуша читают молитвы. Король делает политические заявления также на фуша. Школьные уроки проводятся на фуша, хотя что-то может растолковываться и на дария. В то время как дария является материнским языком, с фуша дети начинают знакомиться только в школе. Довольно редко дария употребляется в письменной форме; фуша же никогда не используется в неформальном общении» (Цит. (в переводе) по: Говард 1995, 107).

Для диглоссии характерна функциональная иерархия языков, похожая на взаимоотношения «высокого» и «обиходного» стилей; при этом ситуации и сферы их употребления достаточно строго разграничены. Вот почему русско-французское культурное двуязычие в России конца XVIII — первых десятилетий XIX в., как и сосуществование латыни и народных языков в средневековой Европе (см. § 60), — это не диглоссные ситуации. И французский язык в России и латынь широко использовались в повседневном неофициальном обиходе. На латыни была сатирическая литература, пародии, анекдоты, — т.е., говоря шире, — **«разговоры запросто»**¹⁴. Как и «легкие» французские стихи в русском дворянском

¹⁴ Заглавие знаменитой книги Эразма Роттердамского.

быту, всё это жанры, невозможные для престижного языка в ситуации диглоссии.

Четкое функциональное распределение языков делает **диглоссные** ситуации достаточно устойчивыми. Такое двуязычие сохраняется веками.

Вместе с тем **диглоссные** отношения не следует понимать слишком буквально (обычно буквализм приводит к сомнениям в реалистичности концепции диглоссии). В дискуссиях о диглоссии не раз звучали критические голоса (из работ последнего времени см. Живов 1996, 10, 31, 50). Однако концепция диглоссии — это типологическая **модель** (особого двуязычия), **носящая**, безусловно, вероятностный характер, т.е. верная в **целом** (в определении тенденций, главных функционально-жанровых противопоставлений двух языковых начал), но порой слишком общая, чтобы быть в идеальной согласии с бесконечно разнообразным океаном языковых фактов (письменной и устной речи).

Что касается диглоссии в арабском мире (а именно арабская ситуация привела в свое время (в 1959 г.) Фергюсона к концепции диглоссии), то и она усложнилась. Письменно-литературный арабский по-прежнему следует Корану (в орфоэпии — произношению искусных чтецов Корана, в том числе по радио и телевидению), однако в публичной коммуникации все более важное место занимают не печатные тексты (газеты и книги), а устная публичная речь в масс-медиа. Современная арабская лингвистика рассматривает язык телевидения и радио как «совершенно новое устное образование», «общий язык» **всех** арабов. Опираясь на высокую классику Корана, идеологи и практики «общего языка» стремятся прежде всего сохранить языковое единство арабов разных стран путем языковой «арабизации» меняющейся современной школы, культуры, науки. «Общий язык» ориентирован на «общеарабскую норму» и стремится быть «понятным для жителей всех стран арабского мира, независимо от уровня их грамотности» (Шагаль 1996, 222—223). Понятно, что такая практика модифицирует классическую **диглоссную** ситуацию, поскольку язык масс-медиа в принципе тяготеет к демократичности; кроме того, по видимому, уменьшается искусственность в овладении «общим языком».

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЯЗЫКИ И ИХ ТИПЫ

62. Три класса вспомогательных языков

В §§ 62—65 будут рассмотрены знаковые (семиотические) системы, которым присущи два взаимосвязанных признака: 1) **вспомогательное** назначение и 2) **международное** распространение. По признаку «вспомогательности» (*вспомогательный* — ‘**служащий** для оказания помощи, поддержки; **подсобный**’) к вспомогательным языкам относят знаковые системы различной природы, используемые человеком для коммуникации в условиях, при которых применение обычных (этнических) языков недостаточно, затруднительно или невозможно. «Международный» (**надэтнический**) характер рассматриваемых семиотик связан с тем, что они выступают как языки-посредники в межэтническом общении, при этом одни из них обладали посредническими функциями при самом своем возникновении (создании), в то время как другие семиотики приобретали международный характер впоследствии, в силу **надэтнической** значимости своего содержания и функций.

Вспомогательные языки многочисленны (их тысячи!) и разнообразны. Они образуют своего рода семиотический континуум, в котором для их характеристики значимы две **градуальные** (различающиеся степенью проявления признака) оппозиции: 1) соотношение естественного и искусственного начал в происхождении языка-посредника; 2) соотношение **неспециализированности** (общеупотребительности) и **специализированности** (профессиональности) в назначении, функциях, сфере использования языка.

Существует три основных класса вспомогательных международных языков: 1) языки-посредники естественного происхож-

дения (§ 63); 2) искусственные аналоги естественных языков, предназначенные для межэтнического общения (§ 64); 3) специализированные искусственные языки, связанные преимущественно с профессиональной деятельностью по передаче, приему и переработке информации (§ 65).

63. Языки-посредники естественного происхождения

Вспомогательный характер естественных языков-посредников выражается в двух аспектах: во-первых, для всех участников коммуникации данный язык не является **родным**; во-вторых, коммуникация имеет большие или меньшие функционально-тематические ограничения.

Еще в **дописьменные** времена контакты разноязычных племен приводили к тому, что наиболее мобильные и интеллектуально активные мужчины овладевали чужим языком и, таким образом, выполняли функции переводчиков. Естественно, что в устном эпизодическом общении чужой язык узнавался далеко не полностью; многое в нем стихийно упрощалось, разноязычные элементы сливались. Новые гибридные формы начинали использоваться в контактах и с другими соседями, в чем-то меняясь под воздействием их языков и меняя эти языки. Так складывались особые языки межэтнического **общения**: гибридные по происхождению, ограниченные по функции, не вполне чужие в своем регионе, но и мало кому родные, потому что выучивались не от матери, а в портах и на рынках. Различают несколько видов таких языков-посредников — **лингва франка**, **койне**, **пиджины**.

63.1. Лингва франка (языки межэтнического устного общения). Языки, которые называют **лингва франка**, — это преимущественно торговые языки, они используются носителями разных, в том числе генетически далеких языков. Первоначально **лингвоним лингва франка**¹, обозначал **конкретный** гибридный язык, который сложился в Средние века в восточном Средиземноморье на основе французской и итальянской лексики и использовался

¹ От **итал.** *Lingua franca* — дословно ‘**франкский язык**’. Франки (группа германских племен) в конце V— начале VI в., завоевав Галлию, образовали влиятельное в раннефеодальной Европе Франкское государство.

в общении арабских и турецких купцов с европейцами. В эпоху крестовых походов роль лингва франка возросла, он **обогатился** испанской, греческой, арабской, турецкой лексикой и использовался до XIX в. (ЛЭС 1990, 267).

В современной социолингвистике термином **лингва франка** нередко называют **любой** устный язык-посредник в межэтническом общении. **Лингва франка** может восходить к языку одного из народов данного региона, однако большинство использующих его людей воспринимают его как этнически нейтральный, «ничей» (например, языки *хауса* и *бамана* в Западной Африке; упрощенные варианты *суахили* в Восточной и Центральной Африке). Нередко термин **лингва франка** используют применительно к любым языкам широкого межэтнического общения, в том числе и к языкам с давней письменной традицией и не упрощенным².

63.2. Койне (устные интердиалекты). Термином **койне** (от греч. *koinós* — общий, употребительный) обычно называют устные языки межплеменного и **наддиалектного** общения **родственных** этносов. В отличие от лингва франка, койне шире по своим социальным функциям и **этно-диалектной** базе; его история более **эволюционна** и органична. Лингва франка, по мере расширения объема и сферы коммуникации, может стать койне. В свою очередь койне нередко выступает в качестве той **наддиалектной** формы общения, которая предшествует литературному языку и на основе которой литературный язык складывается (об этой роли койне пишут в истории литературных русского, чешского, немецкого, итальянского, японского, ряда африканских языков, ср. Типы 1981)³. Так, один из лингва франка Западной Африки, *бамана*,

² Так, С.А. Старостин, говоря о русском языке, называет его «lingua franca всего бывшего Советского Союза, а ныне — Союза Независимых Государств» (Изв. РАН. СЛЯ. 1998. № 4. С.72); пишут также о латыни как о **лингва франка** средневековой Европы, об арабском как о **лингва франка** в Северной Африке или об английском *as a world lingua franca*.

³ В германистике есть также близкий термин **полудиалект (Halbmundart)**, в котором подчеркнут момент **утраты** «полноты» диалектного своеобразия: ведь сложение койне как наддиалектного средства общения означает не только его территориальное расширение, но и потерю или ослабление в нем узокоместных черт.

развился в *общее койне*⁴ в многоязычной республике Мали. Здесь для него в 1967 г. была разработана письменность, он используется в начальной школе и признан официальным языком государства (наряду с французским).

63.3. Пиджины⁵ и контактные языки. Пиджины — это устные языки торговых и других деловых контактов, возникшие в результате смешения элементов того или иного европейского языка (английского, голландского, испанского, португальского или французского) и элементов туземного языка (или языков).

Сложение пиджина отличают от обычного языкового смешения три черты: во-первых, интенсивность, скорость процесса («языковой минимум», позволяющий разноязычным людям в нужной мере понимать друг друга, складывается в течение Считанных лет или даже месяцев); во-вторых, уровневое распределение «ингредиентов» из разных языков: у пиджина туземные фонетика, грамматика, словообразование (т.е. «техническая» сторона общения), но при этом на 95 % европейская лексика (т.е. содержательная сторона коммуникации); в-третьих, **редукция** («ослабление», сокращение и упрощение) грамматической структуры и словаря.

Ср. образцы текстов на языках, восходящих к пиджинам: 1) уличный рекламный щит компании «Kabelmetal» во Фритауне (столице Сьерра-Леоне) на языке **крио**: *Electricity no get leg — na Kabelmetal cable de carry am* (что соответствует англ. *Electricity has no legs: it's Kabelmetal cable that carries it*, т.е. (почти в дословном переводе) **‘Электричество не имеет ног, и именно кабель «Кабельметалла» приносит его’**); 2) первополосный газетный заголовок на **ток-писан** в еженедельнике **«Wantok»** (**‘Друг’**) (в Папуа-Новая Гвинея): *Moa refuji i kalapin boda tasol ol asples i sot long kaikai* (что соответству-

⁴ Выражение *общее койне* — не тавтология, т.к. иногда койне, будучи интердиалектной формой общения, все же носит региональный характер. В истории литературных языков достаточно обычны термины *городское койне*, *областное*, *юго-западное койне*; в истории немецкого языка пишут о нескольких койне в XV—XVI вв.

⁵ Происхождение слова *пиджин* чаще всего связывают с искаженным англ. *business* **‘дело’**. Впрочем, Д. Кристал приводит 6 этимологии этого слова (из китайского, иврита, яванского, английского и две из португальского), не отдавая предпочтения ни одной из версий.

ет англ. *More refugees cross border but local people short of food*, т.е. **‘Еще больше беженцев пересекло границу, однако у местного населения уже не достает еды’**⁶.

Некоторым аналогом процессов, ведущих к **сложению пиджинов**, могут быть такие интерферентные явления в русской речи иммигрантов в англоязычной среде, как **забуковала тикеты** (**‘заказала билеты’**, англ. *to book tickets*), в **инчах** (**‘в дюймах’**, англ. *inch*), на **сэйле** (**‘на распродаже’**, англ. *sale*); ср. также пародийную фразу аналогичного происхождения: **Клёвые блуэвые трузера с двумя покитами на бэксайде** (т.е. **‘клёвые синие брюки с двумя карманами сзади’**).

Исследователь пиджинов и креольских языков В.М. Дьячков отмечает, что пиджины обычно возникают «на историческом фоне завоеваний, торговой экспансии или массовых миграций». Социолингвистические и **этико-психологические** условия их сложения таковы: 1) неравноправность контактирующих языков (у европейского языка более высокий социальный статус); 2) спорадичность контактов и узость сферы коммуникации, осуществляемой посредством только устной речи; 3) отсутствие социальной потребности у носителей местных языков правильно и полностью изучить европейский язык; 4) отсутствие контактного языка-посредника, который мог бы выступить в качестве средства коммуникации; 5) недостаточное взаимопонимание между носителями европейского языка и аборигенами (Дьячков 1988, 123).

Пиджины распространены преимущественно в Юго-Восточной Азии, Океании, Африке, в бассейне Карибского моря. Известно свыше 50 пиджинов, но, по-видимому, реально их больше. Авторы, пишущие о такого рода языках, иногда избегают термина *пиджин* — отчасти из-за трудности различить пиджин и креольский язык (см. § 63.4.), отчасти по этическим соображениям (если усматривают в слове *пиджин* пренебрежительный оттенок). Исследователи языков и культур коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока выдвигают понятие **«контактные языки»**, объединяя в нем пиджины и креольские языки. Есть пиджины, в том

⁶ Примеры заимствованы из издания: *Crystal D. The Cambridge encyclopedia of language. Cambridge University Press, 1989. P.335.* Ср. здесь же фрагмент из трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» на английском и в переводах на крио и ток-писин.

числе позже **креолизированные**, возникшие на русской лексической основе. Это языки русско-норвежский, русско-китайский, таймырский пиджин, язык алеутов острова Медный (См. Контактологический энциклопедический словарь-справочник 1994).

В функциональном отношении пиджины быстро начинают использоваться как *лингва франка* (см. § 63.1.), т.е. в контактах не только европейцев и туземцев, но и представителей разных **местных** этносов. Однако вначале это всё еще редуцированные, «сокращенные» языки, потому что сферы их применения ограничены деловым общением. Пиджины не имеют коллектива **исконных** носителей и поэтому не используются в жизненно важной для языка области — в **семейно-бытовом** общении. Но это до процессов **креолизации**.

63.4. Креолизация пиджинов и креольские языки⁷. Некоторые из пиджинов расширяют свои коммуникативные функции. Если первоначально это «импровизированное» (Р.Белл) и чисто **подсобное** средство в общении европейцев и туземцев, то позже их начинают использовать местные этносы для общения между собой. Далее возможно развитие такого вспомогательного языка-посредника в основной язык одного или нескольких этносов. Условия для креолизации пиджина создаются в семьях, где муж и жена происходят из разноязычных общин (что достаточно обычно при миграциях и резкой урбанизации), однако они в какой-то мере владеют местным пиджином и говорят на нем между собой. Для детей таких родителей пиджин **оказывается первым** (материнским) языком. Если таких семей много, то начинает складываться новая этноязыковая общность и для ее молодого поколения пиджин становится, таким образом, **родным** и **основным** языком. С расширением функций языка усложняется его структура, расширяется словарь, т.е. пиджин превращается в обычный, «нормальный» язык.

Пиджин, ставший родным для определенного этноса, называется **креольским языком**. Процесс креолизации развивается в

⁷ *Креольский* — от *креол*, исп. *criollo*, ‘человек’, происходящий от смешанного брака испанцев и индейцев, русских и алеутов, эскимосов, **индейцев**⁷. Исследование креольских языков образует предмет специальной области языкознания — **креолистика**, входящей в общую теорию языковых контактов.

пределах одного-двух поколений, однако объем происходящих изменений, сопоставим со столетиями и даже тысячелетиями обычной языковой эволюции (Дьячков 1988, 122). Почти все креольские языки развились на основе пиджинов; в редких случаях они формируются в результате вторичного смешения уже ранее образовавшихся креольских языков (таков англокреольский язык **крио** в Сьерра-Леоне, Гамбии и Экваториальной **Гвинее**)⁸. Точное количество креольских языков неизвестно; Майкл Говард пишет о 94 языках, объединяя пиджины и креольские языки вместе (Говард 1995, 91); в энциклопедии **Д.Кристалла** перечислены и кратко охарактеризованы **100** пиджинов и креольских **языков**⁹. Приведем примеры креольских языков, ставших официальными или этнически значимыми.

1) **Малайско-индонезийский язык** — официальный язык и язык межэтнического общения в Республике Индонезия, а также один из официальных языков в Малайзии и Республике Сингапур. Входит в первые десять самых распространенных языков мира. В Индонезии (где с 1928 г. он официально называется *индонезийским* [бахаса **индонесиа**], прежнее название — *малайский*) им владеют около 150 **млн.чел.** (при населении в 160 млн. чел. и при наличии 660 местных языков); представляет собой классический случай превращения креольского языка в литературный (Белл 1980, 212). В Малайзии этот язык официально называется *малайзийским*, на острове Сингапур — *малайским*.

2) **Суахили** — межэтнический язык Восточной Африки, входящий в число 25 самых распространенных языков планеты (см. § 44).

3) **Ток-писин (англ. talk pidgin, т.е. ‘разговор на пиджине’)**, или новогвинейский пиджин. Восходит к плантационным пиджинам на

⁸ Представление о языковой «материи» креольских языков может дать книга **В.М. Дьячкова** «Креольские языки» (М.: Наука, 1987. — 106 с. [Серия «Языки народов Азии и Африки»]), в которой, помимо описания 10 креольских языков (4 на английской основе, 4 на французской и 2 на португальской), даны образцы текстов на каждом языке, с дословным и литературным переводами, а также словарики к текстам. Сходство слов креольских языков по отношению к лексическим прототипам из языков-источников напоминает лексические соответствия в родственных языках (что дает основания **М.В.Дьячкову** называть англокреольские языки *неоанглийскими* или *неогерманскими* языками).

⁹ *Crystal D.* The Cambridge encyclopedia of language. P.338—339.

английской основе. Как самостоятельный язык сложился в конце XIX в., когда стал родным для нескольких десятков тысяч человек. Сейчас на нем говорят около 3 млн. Официальный язык государства Папуа-Новая Гвинея (наряду с английским и *хури-моту*, который по происхождению также является пиджином). Ток-писин служит основным рабочим языком парламента и администрации, церкви, радио, телевидения, школы, художественной литературы (см. О языках 1978; ЛЭС 1990, 514).

4) *Африкаанс* (или *бурский язык*; относится к западногерманским языкам) распространен в двух провинциях ЮАР. На африкаанс говорят примерно 5 млн. чел. (около 20% населения страны; из них около 3 млн. — африканеры (буры) и около 2 млн. — метисы). Африканеры составляют около 60 % белого населения ЮАР (40% белых говорит на английском)¹⁰.

Африкаанс сложился в XVII в., в течение 30—50 лет, преимущественно на нидерландской основе, однако с интеграцией элементов из языков других европейских переселенцев в Южную Африку — немцев (около 28 % иммигрантов), французов (французы-гугеноты составляли 15—17%), а также англичан, шведов, датчан, португальцев (4—5% иммигрантов). В сложении африкаанс сыграли свою роль и языки туземных племен (готтентотов, бушменов, банту), а также креольский малайско-португальский язык моряков, торговцев и рабов, вывезенных в XVII в: из Анголы, Мадагаскара, Индии, Цейлона и Индонезии. Все языки, кроме нидерландского, влияли преимущественно на грамматику и фонетику складывающегося языка; что касается лексики африкаанс, то она более чем на 99% состоит из слов нидерландского происхождения (Введение 1980, 236). Структурно-функциональное своеобразие африкаанс заключается в его высокой стандартизованности (т.е. в минимальной вариативности), что связывают с закономерными особенностями гибридных языков¹¹.

¹⁰ Из общего населения ЮАР (в 1976 г. было 26 млн. чел.) свыше 70 % населения составляют африканские народы.

¹¹ Ср.: «Наиболее характерной чертой формирования литературного африкаанс и его нормы, в отличие от близкородственного нидерландского языка, является исключительно быстрый («ускоренный») темп его образования в процессе интенсивного перемалывания и выравнивания, концентрации и интеграции легших в его основу диалектов и языков. Это — процесс формирования нормы литературного язы-

Своеобразие африкаанс как креольского языка в том, что это язык не аборигенов, а белых переселенцев. До середины XIX в. африкаанс употреблялся только в устной обиходной речи, а в функции письменно-литературного языка, в школе, церкви, администрации использовался нидерландский язык. После англо-бурской войны за независимость и образования в 1910 г. самостоятельного государства Южно-Африканского Союза (ЮАС, с 1961 г. ЮАР), создания Южноафриканской академии языка, литературы и искусства и введения преподавания африкаанс в школах (1914 г.), он получает в 1925 г. статус государственного языка, наряду с английским (Мионов 1996).

Креольские языки на французской основе сложились на Гаити и в Мартинике, на португальской — на островах Зеленого Мыса и острове Кюрасао, на испанской — на Филиппинах.

Как все языки, возникшие в результате интенсивной гибридизации, пиджины относятся к языкам аналитического грамматического строя. Исследователи отмечают, что для пиджинов характерны четкая грамматическая структура, высокая степень стабильности и однозначности. Эти черты обусловлены тем, что на своем месте пиджин является **единственным** средством взаимопонимания «в экстремальных и затрудненных условиях коммуникации» (Дьячков 1988, 123), когда говорящим практически неизвестны языки друг друга. В таких условиях естественная для любого языка вариантность (синонимы, полисемия), обычная избыточность и своего рода «капризность», «прихотливость» языка или видимая алогичность каких-нибудь чередований (а при изучении неродного языка всё это как раз и ощущается как его «сложность») — всё это привело бы к обрыву коммуникации и полной невозможности какого-либо взаимодействия сторон.

Загадочной чертой пиджинов и креольских языков является их сильное структурное сходство: развившиеся из разных евро-

ка от максимальной вариантности, гетерогенности исходных языковых элементов к их максимальной нивелировке и унификации, устойчивости и гомогенности конечного продукта нормализации. [...] Характерными чертами африкаанс стали: чрезвычайная устойчивость и единообразие, **ареальная** стандартность и недифференцированность, т.е. отсутствие в нем такой формы существования, как диалект» (Мионов 1996, 49–50).

пейских и неевропейских языков, они обнаруживают много общего, причем не только в лексике, но и в синтаксисе и фонологии (Белл 1980, 209).

63.5. Языки-макропосредники. Согласно логике типологического обзора естественных **языков-посредников**, в группу данного класса следует включить весь «клуб» мировых языков (языки ООН) и затем языки широкого международного общения (см. §§ 44.1.—44.2.). Все эти языки достаточно часто употребляются как посредники — т.е. в функции вспомогательного языка в коммуникации людей, для которых данный язык не является родным. Однако, в отличие от лингва франка и пиджинов, международные языки являются этническими языками, т.е. по своей первичной и основной функции — это средство общения в рамках определенного народа, родной (материнский) язык для людей, составляющих данный народ. Посредническая функция международного общения для таких языков является вторичной. Однако именно эта функция вспомогательного средства общения приводит к вынужденному упрощению данного языка в данной специальной функции — упрощению чаще стихийному, но иногда и сознательному, т.е. искусственному (см. о *Basic-English*, искусственно минимизированном английском в § 64.3.).

Использование конкретного языка в международном общении связано с социально-историческими причинами, прежде всего с ролью отдельных государств и живущих в них народов в мировой политике, в мировом информационном процессе, в культуре и науке.

Состав международных языков с течением истории менялся. В Древнем мире и в Средние века международные языки были не столько мировыми, сколько региональными. У народов Дальнего Востока таким языком был **вэньян** (письменный древнекитайский), в Месопотамии и Ассирии (современный Ирак) — аккадский, в **арабско-иудейском** мире — арамейский (родной язык Иисуса Христа), в Восточном Средиземноморье в эпоху эллинизма — древнегреческий, в Римской империи — латынь, на Ближнем и Среднем Востоке с распространением ислама — арабский и персидский.

В современном мире книгопечатание, радио, телевидение и компьютерные сети увеличивают потоки информации в нарастающей прогрессии. Современные языки-макропосредники вышли за пределы своих регионов и становятся мировыми (глобальными) языками, образуя «клуб мировых языков». Это самые пре-

стижные и общепризнанные языки. Их повсеместно исследуют, описывают, пропагандируют. Их изучают с самыми разным целями: для «общего развития» — как «иностранные языки» в общеобразовательных школах, для туризма, для чтения специальной литературы, для общения с носителями не обязательно данного языка, но любых языков.

В таблице 63.5. на основе ряда типологически значимых признаков представлен типологический континуум языков межэтнического общения.

64. Международные «плановые» языки: эсперанто и другие «кабинетные» аналоги естественных языков

Выражение *плановый язык* — это своего рода эвфемизм: некоторые сторонники «рукотворных» языков предпочитают его термину *искусственный язык*. *Эсперанто, ido, волатюк, окциденталь* и другие такого рода языки кабинетного происхождения в самом деле менее **искусственны**, чем специализированные информационные языки (см. § 65). Действительно, и по виду и по тому, как со временем меняются, они похожи на **обычные**, естественные языки. В истории «плановых» языков больше всего удивляет то романтическое упорство, с каким человек (и сколько раз!) бросал этот вызов Богу или стихии языка.

64.1. За 2000 лет — 1000 проектов. Интерлингвистика. С библейских времен люди видели в разноязычии Божью кару за гордыню. Уже в глубокой древности умы рационалистического склада пытались изобрести вспомогательные языки для межэтнического общения. По замыслу авторов, если такой язык будет логичней, проще и поэтому легче для изучения, чем любой «иностранный» язык, то его примут в ученном и культурном общении представители разных стран — в качестве второго языка образованных людей, что в перспективе и сделает язык международным, а затем и всеобщим. Энтузиасты считали, что преимущества «плановых языков» связаны не только с их простотой и легкостью, но также и с их этнической нейтральностью: такой язык «ничей» и не работает на престиж какого-то одного народа.

Первые попытки создания искусственных языков «для всех» связаны с европейской античностью: по одним данным, впервые такой

бл_д	5. Т о о есклб ко	оъ ох	чески иной вгаль
Языки межгтн- ческого общения или их ти	ици к ива ж нос ите язы а	Примен пр/сьа	
	Различие ционал тематич буграниче д льзо	Степень ген лизости меж посредниками этнически- ми языками народов, ис- пользующих данный язык	

разная
отсут

Крео
ыки

5. Л_ы_в_з
шой_р_ле_в
Сре

6. Церковно
ский в XVI

Классич
абский в X

8. Рабочие
ООН

Эспера

близкое и отдаленное родство
(по отношению к венгерскому
— отсутствие родства)

близкое родство (по отноше-
нию к языку влахомощаван
— отдаленное родство)

разная степень,
отсутствие род

азная степень,
тсутствие род

тепень, в том чи
вие родства

проект предложил **Алексарх** (IV—III вв. до н.э.; см. ЛЭС 1990, 291), по другим данным, — римский медик Клавдий **Гален** (**Пергам**, 130 г. до н.э.; см. Исаев 1981, 11). Среди авторов проектов вспомогательных языков — арабский шейх **Мохиэдин** (XI в.), каталонский философ и логик, **первый** европейский арабист Раймунд Люллий (1235—1315), великие утописты Томас Мор (1478—1535) и Томмазо Кампанелла (1568—1639), хорватский священник, предтеча экуменизма и панславизма Юрий Крижанич (ок.1617—1683)¹².

Проблемой искусственных языков занимались Фрэнсис Бэкон, Ян Коменский, Рене Декарт, Готфрид Лейбниц, Исаак Ньютон. Известно около 1000 проектов таких языков (ЛЭС 1990, 201). По данным А.Д.Дуличенко, над созданием искусственных языков трудились в 40 странах мира, при этом, начиная с XVI в., количество проектов возрастало с каждым веком: в XVI в. их было 8, в XVII - 41 проект, в XVIII - 50, в XIX - 246, в XX (до 1973 г.) — 560 проектов (Дуличенко 1995, 41).

Первым искусственным языком, реализованным в общении, был **волапюк**¹³, разработанный в Германии в 1879 г. Иоганном Шлейером. Наиболее известный и удачный из искусственных языков-посредников — **эсперанто**¹⁴ — создан варшавским врачом

¹² Крижанич, родом хорват, учился в Риме (доктор теологии), был выдающейся личностью своего века. Крупный ученый (труды по церковному праву, политике, экономике, филологии, музыковедению), он вошел в историю как поборник объединения Европы: в сфере религии **он** хотел примирить православие и католицизм; в области этноязыковых отношений считал возможным объединение славянских народов под гегемонией Москвы. Приехав в Москву и оказавшись в ссылке в Тобольске (отчасти — по подозрению в проуниатских планах, отчасти — «на всякий случай»), Крижанич составляет здесь в 1666 г. грамматику будущего общего языка всех славян. «Чужеземец-мечтатель» (как писал о Крижаниче **С.К.Булич**), он создал еще одну утопию — лингвистическую, смесь церковнославянских, русских и хорватских слов и форм. (Введением в литературу о Крижаниче может быть книга историка: **Пушкарев Л. Н.** Юрий Крижанич: Очерк жизни и творчества / М.: Наука, 1984. — 214 с.).

¹³ От англ. *world* 'мир' ⇒ *vo/ + speak* 'говорить' ⇒ *puk*, т.е. 'всемирный язык'.

¹⁴ Таким псевдонимом автор надписал свой проект (лат. *esperant* — 'надеющийся'). На титульном листе книги значилось: Д-р *Эсперанто*. Международный язык. Предисловие и полный учебник для русских / Варшава, 1887.

Людвиком Заменгофом в 1887 г. Дальнейшая хронология наиболее известных проектов такова:

1903 г. — *латино-сине-флексионе*, т.е. ‘латынь без окончаний’ (автор — итальянский математик Джузеппе Пеано).

1907 г. — *идо*, реформированное эсперанто (разработан во Франции группой сторонников эсперанто, в числе которых был выдающийся датский языковед **Отто** Есперсен).

1921 г. — *окциденталь* (Эстония, автор Эдгар Валь)

1928 г. — *новиаль*, представлявший собой синтез идо и окцидентала (Дания, автор О. Есперсен)

1951 г. — *интерлингва* (США, Ассоциация международного вспомогательного языка, руководитель проекта Александр Гюуд).

Теория международных вспомогательных языков развилась в особую исследовательскую область — **интерлингвистику** (см. Проблемы 1976, Проблемы 1991, Дуличенко 1995).

64.2. Секреты легкости эсперанто: интернациональный лексикон и агглютинативно-аналитическая грамматика. Большую часть лексики эсперанто составляют слова с корнями классических языков европейской культуры (латынь и греческий); используются также славянские и германские, а в последнее время и неиндоевропейские элементы. При разработке эсперанто **Л. Заменгоф** опирался на материал языков синтетических и **фузионных**, однако в его грамматике преобладают аналитические способы выражения значений, а эсперантское слово устроено чисто агглютинативно. Ср. некоторые исходные правила:

- 1) есть 40 однозначных и не знающих синонимии аффиксов;
- 2) все существительные имеют постфикс **-o**;
- 3) названия существ женского пола и производные от них прилагательные имеют постфикс **-in**;
- 4) все прилагательные и другие адъективные слова имеют постфикс **-v**;
- 5) формы множественного числа есть только у существительных и прилагательных, показатель мн. ч. у них общий — постфикс **-j**;
- 6) формы винительного падежа (единственный падеж, противопоставленный именительному) есть только у существительных и прилагательных, показатель **вин.п.** у них общий — постфикс **-l**;
- 7) остальные падежные значения передаются с помощью предлогов;

8) все инфинитивы оканчиваются на **-i**;

9) формы настоящего времени от всех глаголов образуются с помощью постфикса **-as**;

10) значения лица передается личными местоимениями;

11) морфологические чередования (вроде русск. *друг — друзья — дружеский*) отсутствуют.

И так далее.

Простоту, максимальное единообразие словообразования и грамматики эсперанто, а также его близость к интернациональному корнеслову можно увидеть по фрагменту морфологии, представленному в таблице 68.

Таблица 64.2. Гетеронимы (существительные и прилагательные), противопоставленные по значению пола с помощью универсального показателя женского пола — морфемы **-in-**

<i>patro</i>	отец	—	<i>patrino</i>	мать'
<i>patroj</i>	'отцы'	—	<i>partinoj</i>	'матери'
<i>patra</i>	'отцовский'	—	<i>patrina</i>	'материнский'
<i>patraj</i>	'отцовские'	—	<i>patrinaj</i>	'материнские'
<i>mi amas patron</i>	'я люблю отца'	—	<i>mi amas patrino</i>	'я люблю мать'
<i>filo</i>	сын	—	<i>filino</i>	'дочь'
<i>knabo</i>	'мальчик'	—	<i>knabino</i>	'девочка'
<i>hundo</i>	'собака'	—	<i>hundino</i>	'сука'
<i>hunda</i>	'собачий'	—	<i>hundina</i>	'сучий'

64.3. Судьба эсперанто. Что дальше? На эсперанто создана значительная оригинальная и переводная литература, в разных странах выходит около 140 периодических изданий; регулярные программы на эсперанто передают 10 радиостанций. В рамках движения эсперантистов сложились различные международные организации, такие, как «Музыкальная эсперанто-лига», «Скаутская эсперантская лига» и т.п. Национальные объединения эсперантистов есть в 56 странах, в том числе в ряде стран СНГ и Балтии. Список изданий на эсперанто в СССР за 1963 — 1978 гг. приведен в работе Исаев 1981, 64—65.

От полноты жизни эсперанто даже стал изменяться — по тем же общим причинам, по которым подвержены эволюции естественные языки. В его словах развивались новые значения, возни-

кали новые синонимические связи, многозначность перерастала в омонимию; некоторые первоначальные корни стихийно вытеснялись новыми; в словопроизводстве усилилась конверсия; накапливались изменения в структуре словосочетаний и даже в орфографии¹⁵.

В конце XIX и до 40-х гг. XX в. об эсперанто с энтузиазмом писали Лев Толстой, Максим Горький, Анри Барбюс, К.Э. Циолковский, Джон Бернал. По инициативе Троцкого, готовясь к «мировой революции», эсперанто учили в ряде частей Красной Армии.

Сейчас отношение к эсперанто более сдержанное. Эсперанто создавался в расчете прежде всего на индивидуальное («кабинетное») восприятие европейцами письменной информации. Современные средства массовой коммуникации, ориентированные на воспроизведение или имитацию живого устного общения («прямой эфир», «эффект присутствия» и т.п.), укрепляют в международной коммуникации роль естественных языков.

Однако продолжают попытки целенаправленно выработать более «простой» вариант естественного языка — для иностранцев, чтобы сделать язык более легким для изучения. Один из некогда популярных проектов такого рода — это *Basic English*¹⁶, предложенный в 1930 г. американским лингвистом и психологом Чарлзом Огденом. *Basic*, «минимизированный» английский, включает всего 850 слов и несколько правил грамматики¹⁷.

¹⁵ См.: *Дановский Н.Ф.* Эволюция эсперанто // Проблемы 1976. С. 92—113.

¹⁶ Игра слов: англ. *basic*, означая «элементарный», вместе с тем является акронимом (сложением первых букв) ключевых слов: *British, American, Scientific, International, Commercial*.

¹⁷ Весь словарь воспроизведен на четверти страницы в общелингвистической энциклопедии *Д.Кристалла* (*Crystal D. The Cambridge encyclopedia of language. P.356*). Впрочем, в другом справочнике Кристалла, именно в энциклопедии английского языка (*The Cambridge encyclopedia of the English language. Cambridge University Press, 1995*), обложка пособия по *Basic English* воспроизведена с отрезанным верхом — без имени автора проекта. Это связано с преобладанием в Англии последних десятилетий критики в адрес *Basic English*: его считают слишком «обедненным» и «примитивным», чтобы представлять «настоящий» английский (при том что идея минимизации иностранного языка остается полезным принципом лингводидактики).

Для повышения надежности связи аэродромного диспетчера и пилота самолета разработаны **переговорные** языки (на основе естественных языков), кардинально минимизированные и абсолютно стандартные.

Перспективы укрепления в современном мире искусственного (планового) международного языка, хотя бы и в функции вспомогательного средства общения, малы. Более вероятно, что еще шире распространится естественный мировой язык — английский. В посредническом и международном профессиональном применении английский будет выступать в своих упрощенных и стандартизированных вариантах. В антиутопии Александра Зиновьева «Глобальный человек» представлена одна из пессимистических линий такого развития.

По прогнозам Зиновьева, XX столетие было последним **человеческим** веком, ему на смену идет громада технологической, т.е. уже не-человеческой цивилизации. Под стать ей будет и безликий и единый язык «глобального человека» — искусственный язык **интер**. Вот каким его видит автор: «Он был задолго до этого создан как универсальный международный язык для компьютерных общений и как посредник для машинного перевода. Основой для него послужил упрощенный английский язык [...]. Интер легко усваивается и обладает массой преимуществ перед национальными. Он современнее, информативнее, проще грамматически. Национальные языки стали непомерно сложными. Практически из них используется лишь десятая часть от силы. Ученики в школах учат интер с большей охотой, чем родной язык. И преуспевают много лучше. Большинство граждан [...] предпочитают книги, кино, телевидение, газеты, рекламу и прочие языковые феномены на **интере**, а не на национальных языках. Несмотря на усилия националистов и патриотов сохранить национальные языки, начался их упадок. А в рамках интера очень быстро развились все признаки языков **национальных** — жаргонные выражения, бранные слова, идиомы, **синонимы**»¹⁸.

¹⁸ *Зиновьев А.А.* Глобальный человек. М.: Центрполиграф, 1997. С. 21–22.

65. Специализированные искусственные языки

Это языки (знаковые системы), создаваемые людьми для точной передачи разнообразной специальной (профессиональной) информации. В той мере, в какой те или иные виды информации становятся актуальны для **разных** народов, соответствующие языки-носители информации приобретают **международный** характер. Поскольку границы между общей и специальной информацией проницаемы каждый день и с течением времени расширяются (в редких случаях сужаются), то роль информационных языков в жизни людей возрастает. При этом искусственные языки эволюционируют как бы навстречу людям: усложняясь по своим возможностям, они, однако, в своей обращенной к людям части становятся все доступнее. Лингвистически интересно и другое: разные искусственные языки, по мере расширения их использования, все заметнее ведут себя как естественные языки, подверженные стихиям человеческого общения: в языках программирования возникают «диалекты», развивается вариантность записей, синонимия и омонимия (в описании параллельных процессов), и даже свои средства экспрессии (не говоря об эмоциональных «разрядках» в текстах программ).

65.1. Системы международного смыслового письма (пазиграфии). Термин *пазиграфия* (буквально ‘письмо для всех’)¹⁹ известен с конца XVIII в. Однако знаки, предназначенные для записи некоторого специального содержания и ставшие понятными многим народам, создавались очень давно. К древнейшим системам пазиграфии относятся **математические знаки**, семиотика **картографии** (зарождавшаяся еще в античной географии и астрономии), знаки средневековой **алхимии**, шахматная нотация, знаки для записи музыки (причем современному **нотному письму** предшествовали другие системы, например, в древнерусском церковном пении использовали безлинейное, так называемое **кряковое письмо**) и др.

Цифры (т.е. изображения чисел), по-видимому, древнее письменности. Наиболее древние системы нумерации — вавилонская и египетская — возникли пять с половиной тысяч лет назад (в середине III тысячелетия до н.э.), и их перенимали соседние народы.

¹⁹ От греч. *pas* — весь, всякий, *gráphō* — пишу.

Эвклид в своих «Началах» (III в. до н.э.) стал в геометрии обозначать отрезки буквами. В III в. н.э. (в эпоху эллинизма) алгебраические вычисления стали записывать буквами, однако современные знаки для неизвестных или переменных величин (x , y , z), для обозначения степени (a^2 , a^3 , a^n) появляются только в XVII в. (у Декарта). Современные цифры появились в Индии не позднее V в. н.э. (в X—XIII вв. они стали известны европейцам от арабов и потому называются у нас *арабскими*). Современную систему знаков для дифференциального и интегрального исчисления разработал Лейбниц (**1646—1716**). В XIX в. создаются знаки математической (символической) логики (\supset , \in , $=$, \approx и др.). В этом же веке математики ставят вопрос о международной унификации математической **символики**²⁰.

По своей знаковой сути пазиграфия близка к идеографической письменности (пиктографии и иероглифике) — т.е. к письму, в котором отдельные письменные знаки передают не звучание элементов речи, а их значение. Подобно иероглифам и пиктограммам, знаки пазиграфии по происхождению представляли собой **иконические** (изобразительные) письменные знаки (хотя со временем люди могли забывать их «этимологическую» наглядность).

В современном мире, перенасыщенном информацией и информационными шумами и помехами, роль пазиграфии, т.е. знаков международных, не требующих перевода, возрастает. Растет и количество таких знаков и знаковых систем. Их огромное большинство относится к областям специальных знаний и занятий, однако в их числе есть и широко известные символы: знаки химических элементов (***Au*** — ‘золото’, ***S*** — ‘сера’), формулы веществ (***H₂O*** — ‘вода’), международные обозначения физических величин (***t*** — ‘время’, ***v*** — ‘скорость’, ***s*** — ‘расстояние’) и т.п. Важнейшие из общезначимых систем пазиграфии — **знаки дорожного движения**; международные **знаки опасности** (‘высокое напряжение’, ‘радиация’, ‘непитьевая вода’, ‘купаться запрещено’ и др.); пиктограммы олимпийских видов спорта, пиктограммы услуг и товаров в международных аэропортах, отелях, туристическом сервисе; зна-

²⁰ Математический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1988. С. 350-352, 628-629.

ки юридической охраны прав²¹; знаки интернета, электронной почты, символы национальных валют, товарные знаки и логотипы крупных компаний; пиктограммы-инструкции по обращению с изделием (ср. 'ручная стирка', 'стирка при температуре до 40°', 'не подлежит стирке' и т.п.) и многое другое²².

65.2. Информационные языки. Информационные языки — это специализированные системы обозначений, создаваемые для оптимизации представления информации в целях ее дальнейшего накопления, передачи и переработки. Повышение коммуникативных возможностей информационных языков достигается благодаря отсутствию многозначности, омонимии и синонимии знаков, что связано с их совершенно четкой функциональной направленностью (в то время как обычный язык почти в каждом коммуникативном акте многофункционален). Однако, как заметил В.А.Москович, «принципиальных различий между естественными и информационными языками нет. Естественные языки могут рассматриваться как информационные языки прямой документации, с помощью которых осуществляется первичная концептуализация мира» (Москович 1971, 135). Различают несколько классов таких систем (информационно-поисковые, информационно-логические языки и др.)

Информационно-поисковые языки создаются для записи информации, ее накопления, упорядочения, анализа и однозначной выдачи по запросу пользователя. Это различные алфавитно-предметные указатели и каталоги, патентные классификации, системы индексирования (того или иного корпуса документов), хронологические таблицы, системы хранения фактов (относящихся к какой-либо предметной области), базы данных (т.е. организованные совокупности фактов, понятий и суждений, допускающие применение и пополнение новыми данными) и другие подобные информационные системы. Современное человечество использует многие тысячи информационно-поисковых языков.

²¹ © (от первой буквы англ. *copyright* 'право копирования; авторское право') — 'копирайт (охрана прав автора)'; ® (от англ. *production* 'продукция') — 'охрана смежных прав (исполнителя произведения, производителя фонограммы, организации вещания)'; * (от англ. *registered* 'зарегистрировано') — 'охрана товарного знака', ставится справа от охраняемого знака (наименования): adidas*; © (англ. *trademark* 'фабричная марка' — 'охрана знака производителя').

²² Примеры: e-mail, @, &, #, ☉, √, \$, DM, £ и др.

Одним из самых распространенных, совершенных и простых информационно-поисковых языков является Универсальная десятичная классификация (УДК), используемая в библиотечном деле. Она создана в 1905 г. бельгийскими библиографами Полем Отле и Анри Лафонтемом в Международном библиографическом институте в Брюсселе. УДК является классификационным цифровым языком: информация распределяется по классам, а каждый класс получает цифровое обозначение. Универсальность УДК в том, что она позволяет классифицировать все мыслимое содержание, которое только может быть записано в книгах. УДК использует десятичный принцип деления (рубрикации) содержания, с использованием цифр от 0 до 9; используются также несколько дополнительных знаков (двоеточие, знак равенства, апостроф, кавычки). Все мыслимое содержание УДК вначале разделяет на 10 главных классов (первого, верхнего яруса); каждому классу приписан свой индекс (на верхнем ярусе — однозначный):

0 — Общий отдел. Библиография. Библиотечное дело.

1 — Философия. Психология.

2 — Религия. Теология.

3 — Общественные науки. Право. Управление.

4 — Свободный раздел.

5 — Математика. Естественные науки.

6 — Прикладные науки. Медицина. Техника.

7 — Искусство. Прикладное (декоративно-прикладное) искусство

8 — Художественная литература. Филология. Языкознание.

9 — География. История.

Каждый из разделов верхнего яруса делится на 10 новых разделов (образующих 2-й ярус); затем каждый раздел 2-го яруса делится на новых 10 разделов (образующих 3-й ярус), которые в свою очередь делятся на 10 новых разделов и т.д. Глубина деления может быть безграничной — это зависит от структурированности той или иной области знаний. На каждом уровне деления предусмотрен свой «свободный раздел», что позволяет помещать «неожиданное» новое содержание в самостоятельную рубрику.

Индекс той рубрики, куда отнесена конкретная книга, включает ряд цифр, при этом на первом месте слева стоит индекс 1-го (верхнего) яруса, на 2-м — 2-го яруса и т.д. Ср. индекс книги по сопоставительному синтаксису русского и белорусского языков: УДК 808.2.—56 808.26.

Интерпретация индексов УДК производится на основе специальных словарей двух типов (их называют «таблицы УДК»); эти словари издаются на национальных языках в соответствующих странах. В словарях первого типа индексы УДК объясняются с помощью слов естественного языка. В словарях второго типа помещены алфавитные списки словосочетаний естественного языка с приписанной каждому словосочетанию рубрикой УДК (Подробно см. **Москович 1971, 42—47**).

Информационно-логические языки содержат средства для представления знаний с использованием тех формально-логических моделей или сетей, с помощью которых удается представить определенный фрагмент действительности (технологический цикл, процесс принятия решений, менеджмент и др.). Примером такого языка может служить **Универсальный семантический код**, разработанный **В.В.Мартыновым**²³. Подробно см. также Котов, Якушин 1979; Котов, Новиков, Скокан 1987; Проблемы 1997.

65.3. Языки программирования: математические системы, живущие по законам лингвистики. Языки программирования — это класс **формализованных** (т.е. логико-математических) систем записи²⁴, предназначенных для автоматической (компьютерной) переработки информации. Они применяются как в общении человека и компьютера, так и в передаче от человека к человеку специальной информации (относящейся к программированию).

Языки программирования имеют **уровневое** (иерархическое) строение. Как и в естественном языке, уровни языков программирования различаются по характеру той информации, которая передается единицами соответствующего **уровня**²⁵. Это та-

²³ *Мартынов В.В.* Универсальный семантический код: Грамматика. Словарь. Тексты. Мн.: **Навука і тэхніка**, 1977; *Мартынов В.В.* Универсальный семантический код: **УСК—3**. Мн.: **Навука і тэхніка**, 1984.

²⁴ **Формализованность** языка означает, что его использование происходит по точным (единообразным) правилам построения выражений и их понимания. В формализованных языках следствия выводятся не на основе рассуждений, но посредством заданных операций, преобразующих символьные конструкции.

²⁵ Выражение *уровень (языка)* в информатике понимают иначе, чем в лингвистике. Для лингвистов *уровень языка* — это одна из подсистем (имеющая свою единицу) в иерархической структуре языка; в информатике *уровень* — это интеллектуальная мощь языка, определяемая набором операторов и, соответственно, определяющая круг решаемых задач.

кие уровни: 1) **алфавитный уровень**, представляющий собой набор (в каждом языке — свой) элементарных, но несамостоятельных единиц для записи информации: цифр, букв, разделительных знаков (« ' ; , . / [] и др.), обозначений констант (**π , g , ϕx , e**), символов отношений (**$= \neq = > < \geq \leq$** и др.), математических действий и функций (**$T + - J$, $\sin(x)$, $\log(x)$** и др.), логических функций («НЕ», «И», «ИЛИ»), служебных слов (**ввод, выполнить, вычислить, график, если, иначе, интегрировать, пробел, пусть, стоп, таблица, формат, шаг** и др.); 2) **уровень имен**, представляющих собой символьные (алфавитно-цифровые) цепочки, т.е. это уровень компьютерных аналогов слов; 3) **уровень выражений** (непредикативных комбинаций имен); 4) **уровень операторов** (синтаксических конструкций, содержащих предписания для совершения определенной последовательности действий); 5) **уровень текста или программы** (содержащий семантически и синтаксически завершенную последовательность **предписаний**)²⁶.

В современных языках программирования возрастает их **естественно-языковая компонента**. Она базируется на лексике естественного языка (образующей в алфавите языка программы класс «служебных слов») и является нерезервированной (открытой).

В зависимости от назначения и характера информации, передаваемой на языке программирования, различают два класса таких языков. Первый класс — это **информационно-управляющие** (или **алгоритмические, процедурные, императивные**) языки, создаваемые для записи команд, идущих от человека к компьютеру. Алгоритмический язык содержит систему правил и символов для записи **команд** (с различием в каждой команде фиксированного кода операции и переменной адресной части). Число «живых» алгоритмических языков программирования, т.е. используемых в настоящее время для создания программ, измеряется сотнями. В их числе — **бейсик, фортран, алгол, паскаль, кобол** и др.

²⁶ Следует заметить, что при составлении программ разработчик использует не только язык программирования, но и некоторые другие специальные семиотические средства (языки) — например, язык спецификаций, включающий в себя язык логической программы, графический язык блок-схемы со стандартным представлением отдельных компонентов алгоритма: «ввод/вывод», «начало/конец», «команда», «проверка условий», средств связи между ними и др. (Котов, Новиков, Скокан 1987, 123-124).

Второй класс языков **программирования** составляют **проблемно-ориентированные** (или **непроцедурные, декларативные**) языки, создаваемые не столько для построения (вычисления) результата, **сколько** для описания (декларации) его желаемых свойств. Это более мощное средство **программирования**: на нем формулируются задачи для автоматического программирования, синтеза алгоритмов и искусственного **интеллекта**²⁷.

Языки программирования различаются между собой также в зависимости от категории пользователей, на которых ориентирован конкретный язык, — на **компьютер**, профессионального программиста или на непрофессионала. Одно из магистральных направлений в совершенствовании языков программирования состоит в создании все более «дружественных» (friendly software) по отношению к человеку программ (интерактивные, диалоговые режимы работы, развитые средства подсказки, защиты от ошибок и др.). Языки человеко-машинной коммуникации развиваются в направлении от чисто математических и даже чуждых человеку **кодов**²⁸ ко все более «мягким» семиотикам, которые по сути представляют собой естественные и искусственные языки.

²⁷ См.: ЛЭС 1990 (статьи: «Искусственные языки», «Языки программирования»); Математический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1988 (статьи «Язык программирования», «Алгоритмический язык», «Язык представления данных», «Формализованный язык», «База данных» и др.).

²⁸ Таков **двоичный код («да-нет»-язык)**, с его двумя знаками — 0 и 1, — единственный язык, на котором способно «понимать» собственно «железо» компьютера и на котором на заре ЭВМ должны были писать программы программисты.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

66. Объекты и субъекты в языковой политике

Языковая политика — это все виды сознательной деятельности общества, направленной на регулирование использования языка. Помимо сочетания языковая политика, в близком значении иногда употребляют термины языковое строительство и языковое планирование.

Термин *языковое строительство* возник в СССР: так в 20—30-х годах называли развернутую государством работу по интенсивному развитию малых и окраинных языков (создание алфавитов для бесписьменных языков; создание национальных терминологий; развитие **образования, печати**, делопроизводства на языках национальных меньшинств). Термин *языковое планирование* (*language planning*) стал популярен с 60-х годов, в особенности в исследованиях национально-языковых проблем в странах Третьего мира. Впрочем, впервые этот термин появился в работе Эйнара Хаугена (1959) о языковых конфликтах в Норвегии.

С терминами *языковое строительство* и *языковое планирование* нередко связывают политику именно позитивную, направленную на укрепление коммуникативных и социальных возможностей конкретных языков. Между тем деструктивное воздействие на язык, его запрещение или ограничения в его **использовании** — это тоже языковая политика. Поэтому термин *языковая политика* предпочтителен как **общее** обозначение любой практики сознательного воздействия на языковую ситуацию — практики и позитивной, и негативной (ограничительной и разрушающей).

66.1. Ранние факты из истории языковой политики. В условиях дву- или многоязычия языковая политика состоит в определении **функций и сфер употребления** сосуществующих языков.

В одноязычном социуме объектом языковой политики являются **языковые нормы** в письме, грамматике, лексике, стилистике, произношении. Нормирование направлено в большей мере на речь письменную, чем на устную, и на общение преимущественно официальное (формальное) и публичное, а не повседневно-бытовое и частное.

История языковой политики началась давно. Вот некоторые ранние события:

- в VIII в. до н.э. в Древнем Китае проводится первая реформа письма: устранены варианты в написании отдельных иероглифов; графика знаков была стандартизирована и приспособлена для надписей на бронзе и камне (Амирова, Ольховиков, Рождественский 1975, 63);

- в 813 г. Турский собор епископов разрешил проповеди на народных языках (при том, что в богослужении (литургии) по-прежнему была возможна только латынь);

- в 1539 г. во Франции королевским ординалом предписано в **судебно-юридической** документации использовать исключительно французский язык. Этот указ непоправимо ослабил позиции *провансальского (окситанского)* языка южной Франции, прославленного поэзией трубадуров (Алисова, Репина, Таривердиева 1987, 18);

- в 1566 г. в Великом княжестве Литовском, где в письменности использовались языки старобелорусский (он назывался *руский язык*), а в противопоставлении церковнославянскому — также и *проста мова*), церковнославянский, польский, латынь, еврейский, литовский, татарский (последний — в культовой письменности татар), Статут Княжества ввел предписание вести документацию на старобелорусском языке и при этом кириллицей: «*А писар земский маеть поруску литерами и словы рускими вси листы и позвы писати, а не иншым языком и словы*»¹.

66.2. Кто планирует и кто проводит языковую политику. В разных странах субъектами языковой политики выступают различные государственные и негосударственные органы и институции.

¹ Эта норма содержалась и в редакции Статута 1588 г. См.: Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі. Мн.: Вyd. «Беларуская Савецкая Энцыклапедыя», 1989. С. 140.

Их объединяет связь с тремя сферами жизни: 1) школа; 2) книги и печать (позже также и радио, кино, телевидение); 3) регулирование этнических (или этнорелигиозных) взаимоотношений общин (в полиэтнических социумах). Перечень субъектов языковой политики (ранжированный по силе их воздействия) такой:

1) Комитеты (министерство, департамент) по делам межэтнических отношений создаются для **руководства** практической работой в сфере таких отношений в многонациональных государствах, например, *Государственный комитет Российской Федерации по делам федерации и национальностей*². Аналогичные комитеты есть в Китае, Индии, Нигерии, Испании, Канаде. Для научно-информационного обеспечения работы таких административных структур создаются научно-исследовательские объединения (например, *Центр по изучению межнациональных отношений* при Институте этнологии и антропологии РАН, *Центр социологического анализа межнациональных отношений* Российского Независимого института социальных и национальных проблем, *Институт Национальных проблем образования* Министерства образования РФ, *Институт языков народов России* РАН, *Экспертный совет по вопросам языка и языковой политики в образовании* при Министерстве образования России; *Центральный Институт национальностей* в Китае, *Институт языков национальных меньшинств* Китайской академии наук; *Комиссия по изучению билингвизма и бикультурализма* в Канаде и под.).

2) Министерство (департамент) школ и специального образования, во-первых, в условиях дву- или многоязычия, опираясь на конституцию и законы страны, определяет **степень и характер использования тех или иных языков в средней и высшей школе**, что затем во многом определяет характер индивидуального билингвизма подрастающих поколений; во-вторых, школьное министерство определяет **общеобразовательный стандарт владения языками социума** (одним или двумя, иногда тремя). Например, министерство может поднять общий уровень владения языком, если увеличит число уроков по языку, если расширит и усложнит **общеобразовательные** программы по языку (например, введет в старших классах уроки по культуре речи и стилистике), если

² Образован в 1992 г. как *Государственный комитет Российской Федерации по национальной политике*.

поднимет требования к уровню языковой подготовки для потенциальных студентов, если предусмотрит для всех студентов, допустим, практикум по официально-деловому письму и т.д.

3) **Руководство масс-медиа** (государственные и негосударственные комитеты по печати, радио, телевидению; министерства информации; советы директоров теле- и радиоконпаний; высшие редакционные советы и т.п.) и **руководство книгоизданием**, во-первых, в условиях дву- или многоязычия, определяют соотношение объемов массовой коммуникации и книжной продукции на том или ином языке (языках) данного социума; во-вторых, вырабатывает общую линию в отборе языковых средств и возможностей (например, при выборе между строго кодифицированным вариантом литературного языка и его более мягким разговорным вариантом; в определении степени допуска в эфир, в газету, книгу диалектной речи, молодежного арго или сленга). Эта общая линия реализуется не столько в специальных предписаниях (хотя известны и **предписания**³), сколько в практической работе редактора текстов масс-медиа и книг.

4) **Научные учреждения**, в задачи которых входит **оценка речевых инноваций** с точки зрения их нормативности и **кодификация норм** литературного языка в нормативных словарях, грамматиках, справочниках по культуре речи, словарях трудностей. В Европе и Америке первыми учреждениями такого рода были академии, которые создавались именно для филологических **целей**:

³ Редакция «Лос-Анджелес Тайме» в 1993 г. издала инструкцию «Guidelines on Ethnic, Racial and other **Identification**», в которой, чтобы исключить возможность обидных для меньшинств слов, предлагалось ряд этнонимов и названий расовых групп, развивших отрицательную коннотацию, заменить безоценочной лексикой: вместо *black* рекомендуется писать и говорить *Afro-American (African American)*, вместо *Indian* (применительно к американским индейцам) — *Native American*, вместо *white* «белый» — *Anglo*. Слово *colored* (некоторое время оно было эвфемистическим обозначением черных, вместо ставших оскорбительными *Negro* и *Negress*, но позже само развило пейоративную окраску) по отношению к американцам не следует употреблять вовсе, оно допустимо только применительно к Южной Африке, где означает «лицо смешанного расового происхождения». Бракуются даже идиомы с пейоративно окрашенными этнонимами, например, *Dutch courage* «храбрость во хмелю, пьяная удаль», *Dutch comfort* — «могло быть и хуже; слабое утешение», *Dutch treat* «угощение, оплаченное каждым участником» (*Dutch* — «нидерландский, голландский» и как архаизм — «немецкий»). См. Швейцер 1996.

в Италии (1582), Франции (1635), Испании (1713), Швеции (1739), России (1783), США (1820), Венгрии (1830). В наше время при исследовательских лингвистических центрах нередко создаются службы «скорой помощи» населению в вопросах культуры речи и языковой правильности.

5) **Добровольные клубы (общества, товарищества) защитников (любителей, ревнителей) родного языка**, пропагандирующие языковые нормы и культуру речи, воспитывающие внимание и любовь к языку, — например, *Славистическое общество Словении* (восходит к *Лингвистическому кружку*, основанному в Любляне в 1779 г.), *Беседа любителей русского слова (1810—1816)* Г.Р.Державина и А.С.Шишкова, а также клуб оппонентов шишковской «Беседе» — «*Зеленая лампа*» карамзинистов (1819—1820; участником «Зеленой лампы» был Пушкин), *Общество любителей польского языка (1920)*, *Товарищество белорусского языка имени Франтишка Скорины* (с 1990 г.) и под.

Понятно, что принципы и цели в языковой политике ее разных субъектов могут быть существенно **различны**. Бывало так, что научные учреждения отнюдь не всегда шли в фарватере правительственных стратегий.

В начале 1905 г. в Петербургской Академии Наук по инициативе академиков А.А.Шахматова, Ф.Ф.Фортунатова, **Ф.Е.Корша** была создана «Комиссия по вопросу об отмене стеснений малорусского печатного слова». Комиссия подготовила доклад (его основным автором был Шахматов, член Правления Академии) в защиту украинского **языка**, причем именно как **языка**, а не **диалекта**⁴. Голос Академии в защиту белорусского языка прозвучал в 1907 г., когда Академия рассмотрела проект об издании «Памятников белорусского языка и словесности» в 2-х **томах**, представленный редактором журнала «Этнографическое обозрение», хранителем Румянцевского и Дашковского музеев Н.А.Янчуком.

В 1909 г. А.А.Шахматов, Ф.Е.Корш и **А.Е.Крымский** составили программу для издания украинской энциклопедии. В 1914—1915 гг. Шахматов читал в петроградском университете курс «Белорусский язык в современных его говорах». По инициативе и при поддержке Шахматова его ученик Бронислав Тарашкевич, «кандидат фи-

⁴ Доклад был напечатан через 5 лет. См.: *Шахматов А.А.* Об отмене стеснений малорусского печатного слова. СПб., 1910. — 43 стр.

положи» Петроградского университета⁵, разработал первое нормативное описание белорусского языка — «Беларускую граматыку для школ» (Вильня, 1918).

Следует подчеркнуть, что и после свобод русской революции 1905 г. защита украинского и белорусского языка вовсе не была общими местами российского либерализма. В 1915 г. «Московские ведомости» (21 мая) в бранной статье «Даа академика» (о Шахматове и Корше) обвиняли Шахматова в украинофильстве и апатии за белорусский сепаратизм. К части дореволюционной российской филологии ее самые выдающиеся представители — Шахматов и Бодуэн де Куртене — были последовательными демократами. (О Бодуэне де Куртене в этой связи см. Мечковская 1996, 127—31).

67. Профили языковой политики в зависимости от типа социума

Для типологии языковой политики наиболее существенны две характеристики социума: 1) сколько в нем языков (и народов); 2) какое у него политическое устройство.

67.1. Фактор одноязычия или двуязычия. В однонациональной стране языковая политика принадлежит сфере образования и культуры. В стране, где живут несколько разноязычных народов, языковая политика — это прежде всего часть межнациональных отношений и компонент национальной политики государства, партии, движений. Естественно, что те культурно-образовательные задачи, которые решает языковая политика в одноязычной стране, должны как-то решаться и в условиях этнического многоязычия, однако здесь они решаются каждым отдельным народом как задачи «второго плана». Это «внутренние» заботы отдельных народов о своих языках (в ряду забот о развитии своей культуры и образования), однако для каждого народа на первом и более ответственном месте стоит его «внешняя» языковая политика — в сфере межнациональных отношений. Однако острота национально-языковых вопросов нередко ведет к значительной политизации и «внутренних» (культурно-образовательных) забот национального коллектива о своем языке. В таблице 67.1 суммированы различия в языковой политике в зависимости от одноязычия или двуязычия социума.

⁵ В российских университетах до 1919 г. степень кандидата присуждали выпускникам, которые заканчивали курс с отличием.

Таблица 67.1. Различия в языковой политике в зависимости от одноязычия или двуязычия социума

Черты ЯП	В одноязычном социуме	В двуязычном (многоязычном) социуме
1. Область политических отношений, в которые входит ЯП	ЯП — это часть политики государства (в таске проправительственных и оппозиционных партий) в области образования и культуры (т.е. в тех сферах, которые определяют не столько сегодняшнее соотношение политических сил, сколько будущее страны)	ЯП — это часть межнациональных отношений и национальной политики, которая в многонациональных государствах часто выступает как самая важная область внутренней политики (от которой зависит власть и гражданский мир в стране)
2. Психологический фон, на котором разворачивается ЯП	Люди относятся к родному языку как к воздуху: они замечают его только тогда, когда его лишаются	Люди относятся к родному языку как к жизненно важному условию своего существования и защищают язык не только как символ (как флаг или герб), но и как физическую возможность жизни (как землю или воду)
3. Возможные индивидуальные проблемы человека в связи с языковой политикой, проводимой в данном социуме	А). Человек не владеет литературным языком (допустим, говорит на диалекте), что ограничивает возможности профессиональной деятельности (трудно стать учителем, чиновником и т.п.); при выходе за пределы своего диалектного коллектива человек испытывает чувство социальной и/или психологической неполноценности (до тех пор, пока не усвоят стандартный язык, что сделать в общем обычно легче, чем овладеть этнически чужим языком). Б). Человек недостаточно владеет нормами литературного языка: ситуация чревата коммуникативно-психологическими неприятностями преимущественно в «взрослой» жизни или при переходе к более высокому социальному статусу (насмешки одноклассников над диалектным или просторечным «акцентом», низкие отметки по языку и тем предметам, которые требуют большего владения стандартным языком; необходимость большего труда для того, чтобы не отстать от своей группы); трудности в повышении социального статуса.	Ущемление языковых прав человека (допустим, ограниченные образования на его родном языке средней школой) или дискомфорт, связанный с вынужденным использованием неродного языка (например, на службе), осознаются как проблемы жизненной важности и остроты. От человека не зависит то, какой этнический язык был его материнским языком; человек далеко не свободен в том, какой язык является его основным языком во «взрослой» жизни (в сравнении с практически полной юридической свободой человека в самоопределении себя по национальности или вероисповеданию), поэтому вынужденный переход на язык, которым человек владеет в меньшей мере, в большинстве случаев связан с большими или меньшими трудностями в общении, что ведет к большей или меньшей обиде человека на те условия, которые вынуждают его общаться на языке, которым он владеет не свободно (обидно тем в большей мере, чем легче и свободнее человек общается на родном языке). Дискриминация по языку по своей болезненности для человека сопоставима с дискриминацией по цвету кожи: он испытывает чувство физической неполноценности.

67.2. Политические факторы. Вместе с тем в обоих профилях языковой политики (и при **одноязычии** и при **многоязычии**) имеется сильная зависимость от характера той политической системы, частью которой они являются. Эта зависимость четко видна при сравнении языковой политики в полярных политических системах: с одной стороны, открытое (демократическое и либеральное) общество, а с другой, — закрытое (тоталитарное или авторитарное) государство. Указанную оппозицию («открытое — закрытое общество») следует понимать «типологически»: в качестве двух **типов** государств (примерно с теми же основаниями, с какими лингвист говорит об оппозиции «синтетический — аналитический языковой тип»; см. §§ 26 — 27). В реальности конкретные государства занимают то или иное свое место на оси между полярными точками, в разной степени приближаясь либо к идеалу открытого общества, либо к пугалу тоталитарного режима (каким оно предстает в антиутопиях **Евг.Замятина** или **Дж.Оруэлла**). Поскольку наполнение языковой политики в условиях **одноязычия** и **неодноязычия** различно, то различия в языковой политике, связанные с различиями в политическом устройстве, будут представлены в отдельных таблицах: для **одноязычной** ситуации — в таблице **67.2.**, для **многоязычной** — в таблице **67.3.**

Таблица 67.2. Различия в языковой политике при **одноязычии** в несхожих политических условиях

Открытое (демократическое и либеральное) общество	Закрытое (тоталитарное или авторитарное) общество
1. Цель ЯП — гармонизация общения, создание условий для более полного владения языком и повышения речевой культуры каждого человека	1. Цель ЯП — языковое единообразие общества; повышение контроля за процессами коммуникации (включая языковой уровень) и зависимости каждого человека от власти
2. Функциональные и гибкие (дифференцируемые) оценки инноваций; неприятие запретов; поощрение индивидуального своеобразия в использовании экспрессивно-стилистических возможностей общенародного языка	2. Жесткая кодификация языковых норм, сужающая диапазон коммуникативных возможностей языка; стремление политизировать и идеологизировать вопросы правильности языка и культуры речи; неприятие к индивидуальным особенностям речи и ярким языковым личностям; поощрение безличных «средних» стилей письма и устной речи
3. Уважение к диалектам и терпимость к диалектизмам в литературной речи	3. Пренебрежительное отношение к диалектам; борьба с диалектизмами в художественной литературе

4. Широкая трактовка временных границ современного языка; развитие в обществе интереса к истории языка и вкуса к старинным речениям	4. Равнодушие к историческим «запасам» языка: в условиях узкого нормативизма для обезличенной «усредненной» речи исторические краски не нужны
5. Отсутствие пуристических установок	5. Языковой пуризм
6. Отсутствие языковой цензуры в сфере литературного творчества; поощрение творческого отношения к языку, интерес к языковым экспериментам в искусстве	6. Языковая цензура, приписывающая себе государственно-политическую значимость

Таблица 67.3. Различия в языковой политике при **многоязычии** в несхожих политических условиях

Открытое (демократическое и либеральное) общество	Закрытое (тоталитарное или авторитарное) общество
1. Цель ЯП — гармонизация этнических интересов и межэтнических отношений; сохранение этнокультурного и языкового разнообразия общества; создание условий для дальнейшего индивидуального развития этносов и языков социума; тенденции к деполитизации этноязыковых проблем и отношений	1. Цель ЯП — усиление государства и его власти над всеми областями жизни; стремление ослабить (в перспективе — нивелировать) этноязыковые различия групп населения; этноязыковая ассимиляция под флагом политической, хозяйственной и идеологической консолидации; с усилением тоталитаризма «национального государства» его «националистичность» ослабевает, а «государственность» усиливается
2. Этно-культурный языковой плюрализм и полицентризм; тенденции к федерализации (регионализации, автономизации и т.п.) при деполитизации отношений с соседними землями и федеральным центром	2. Тенденция к централизации и моноцентризму; открытое или скрытое (не всегда декларируемое, но фактическое) предоставление преимуществ одному («государственному») этноязыковому коллективу
3. Равноправие этносов, создание юридических гарантий для сохранения этноязыкового разнообразия социума	3. Правовая дискриминация «негосударственных» этносов; фактическое ущемление имеющихся прав этнических и языковых меньшинств
4. Приоритет прав человека над правами нации и государства; уважение человеческого достоинства , недопущение дискриминации по этническому, языковому, религиозному признакам; защита языковых и этнических меньшинств	4. Органическая потребность в наличии «образа врага» питает идеологию шовинизма и ксенофобии по отношению к языковой и этнокультурной «инаковости»

Хотя профили языковой политики в зависимости от **одноязычия** или **многоязычия** по социальному рангу и характеру решаемых задач существенно **несхожи**, однако по своей политической направленности они обнаруживают принципиальную общ-

ность. Таким образом, выступают два разных профиля языковой политики: один — в обществе открытом (демократическом и либеральном) и полярно несхожий — в **обществе** закрытом (тоталитарном или авторитарном). Это показано в обобщающей таблице 67.4.

Таблица 67.4. Профили языковой политики в полярно различных политических системах

Тип языковой ситуации	Типологические черты языковой политики	
	В открытом (демократическом и либеральном) обществе	В закрытом (тоталитарном или авторитарном) обществе
Одноязычие	<ol style="list-style-type: none"> 1. отказ от политизации и идеологизации задач; 2. стремление сохранить разнообразие; уважение к индивидуальному, особенному, маргинальному; 3. плюрализм, гибкость, толерантность оценок (при кодификации) 	<ol style="list-style-type: none"> 1. вопросам кодификации и культуры речи приписывается политический и идеологический характер; 2. склонность к унификации/или к жесткой иерархичности оценок; 3. категоричность и склонность к консервации оценок и решений (при кодификации)
Этническое двуязычие (или многоязычие)	<ol style="list-style-type: none"> 1. стремление уменьшить политизированность задач и методов ЯП; 2. равноправие этносов и языков; 3. этноязыковой плюрализм и полицентризм (или децентрализация); 4. «человеческий» масштаб критериев ценности 	<ol style="list-style-type: none"> 1. стремление усилить государственно-политический характер ЯП; 2. привилегированное положение одного этноса и языка; 3. склонность к централизму и унитаризму; 4. «государственный (или национально-государственный)» масштаб оценок

68. Уровни национально-языковой политики

В тех видах деятельности, из которых складывается национально-языковая политика, есть своя иерархия и логика поэтапного движения. Ее основные уровни таковы: 1) выработка концепции; идеологическое обеспечение языковой политики (§§ 69—71); 2) юридическая регламентация взаимоотношений языков (§§ 72—73); 3) административное регулирование взаимоотношений языков (§§ 74—75); 4) кодификация языковых норм § 76); 5) финансово-экономическое обеспечение языковой политики (§ 77). Несмотря на присутствие в национально-языковой политике «логики поэтапного движения» (хотя бы на уровне здравого смысла: «вначале план, потом действие»), в реальной истории отдельные события могут опережать естественную логику развёртывания процесса.

69. Типы государственных стратегий в регулировании взаимоотношений этносов и языков

Ни этноязыковой плюрализм открытого общества, ни шовинизм в условиях диктатуры не связаны со строго определенными стратегиями в национальной политике. Различие между открытыми и тоталитарными социумами состоит не в стратегических векторах («унитаризм» или «разделение, сепаратизм»), а гуманности (мягкости, гибкости) или бесчеловечности (жесткости) в решениях национально-языковых проблем. Порочны не сами по себе векторы в национальной политике, а грубально реализуемые крайности, самой своей жесткостью подавляющие слабых, — например, унитаризм в бывшем СССР или разделение расовых групп населения в недавней истории юга Африки.

Унитаризм (от лат. *unitas* — единство) игнорирует этнические различия и решение национальных проблем видит во всеобщей взаимной ассимиляции — в стирании культурных, психологических, бытовых, государственно-организационных, языковых и всяких других различий между народами. Унитаризм в национальной политике необязательно сочетается с унитарным устройством государства. Например, СССР был **союзом** республик (т.е. по конституции не являлся унитарным государством), однако в его национальной политике начиная с 30-х годов были сильны унитарные тенденции. С другой стороны, унитарное государство (т.е. не являющееся федерацией) может проводить национальную политику, направленную на сохранение этноязыкового разнообразия общества (ср. поддержку шведского языка и шведского этнического меньшинства в почти унитарной Финляндии).

Унитаристская национальная политика (нередко вопреки благородно звучащим декларациям) поворачивает дело так, чтобы люди разных национальностей «забывали» о своих национальных корнях: вынужденно жили рядом в стандартных домах, в одних школах учили детей, вместе работали, смотрели одно кино и читали одни «центральные» газеты, вынужденно вместе отдыхали, имели бы общие и одинаковые в разных землях местные органы власти и не имели бы «отдельных», национальных и при этом официальных или разрешенных, праздников, объединений, обществ, клубов.

В условиях унитаристской политики прокламируемое «равенство и братство народов» оборачивается повальной **денационали-**

зацией и практической дискриминацией малых народов (в СССР — вплоть до сталинского геноцида и депортации «наказанных народов»). Мечты о том, «чтобы в мире без России, без Латвии жить единым человеческим **общезитьем**» оказались отчасти реализованными. Так, по переписи 1926 г., население СССР составляли 194 народа, а по переписи 1979 г. — всего 101 народ. При этом уменьшался процент людей, считавших язык своей национальности своим родным языком. Ср. некоторые выборочные данные в таблице 69.

Таблица 69. Динамика языковой ассимиляции в СССР

Народы (на территории СССР)	Процент лиц, считающих язык своей национальности родным		
	1959	1970	1989
Украинцы	87,7	85,7	81,1
Белорусы	84,2	80,6	70,9
Казахи	98,4	98,0	97,0

Источники: 1) Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т.4. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. М.: Статистика, 1973. С.9; 2) Население СССР: По данным переписи населения 1989 г. М.: Финансы и статистика, 1990. С.37.

Сторонники **разделения** и отделения (**сепаратизма**), а также **сегрегации** (лат. *segregatio* — отделение) видят решение проблем в том, чтобы исключить или уменьшить соприкосновение расово-этнических групп населения (проживание в разных кварталах или зонах, вплоть до резерваций, **бантустанов**; раздельное обучение, раздельные места отдыха и т.д.). Южноафриканский вариант сегрегации — **апартеид** (на языке африкаанс *apartheid* — раздельное проживание) был признан ООН преступлением против человечества. Около 80 государств участвовали в «Конвенции о пресечении преступления апартеида и наказания за него».

Судя по переменам в бывшем СССР, ЮАР и во всем мире, человечество в решении национальных проблем находит **третьи** пути — именно не один, а разные подходы, на основе ком-

промиссов между автономией меньшинств и политико-экономическими тенденциями к интеграции.

Конструктивное сочетание политики унитаризма и плюрализма недолго (после 1917 г. и в 20-х годах) существовало в послереволюционной России и затем в СССР. «Декларация прав народов России» (1917) провозгласила равенство и суверенность **народов**, их право на самоопределение. В межнациональных отношениях главной опасностью тогда называли «великодержавный шовинизм», а к «мелкобуржуазному национализму» призывали относиться терпимо, как к временному пережитку в сознании прежде обиженных народов. Была официально провозглашена политика **коренизации** — всемерного привлечения коренного населения автономий к государственному и культурному строительству. Национальные кадры занимали ключевые позиции в высших эшелонах местной **власти**, национальные языки использовались в делопроизводстве, образовании, печати, книгоиздании. Велось энергичное языковое строительство. Для более чем 70 языков были разработаны системы алфавитного письма. Младописьменные языки цивилизовались: на них многое впервые **переводили**, рационализировали **алфавиты**, создавали терминологии и учебную литературу. Для национальной интеллигенции это было время **оптимизма**, но, как вскоре выяснилось, иллюзорного. Изначальные в большевизме тоталитарные устремления всегда придавали политике коренизации привкус временных, тактических уступок малоперспективным настроениям. Генеральной же **стратегией** всегда был государственный централизм и унитаризм. По мере свертывания нэпа, усиления бюрократии и идеологического монополизма сужались границы дозволенного в области национально-языкового **строительства**. В середине 20-х годов начинается борьба с «**национал-уклонизмом**». Первые репрессии против национально-демократической интеллигенции прошли в 1927—1928 гг. Упреки в «**нацдемовщине**» стали звучать как доносы и **приговоры**.

Примером разумного сочетания принципов унитаризма и разделения может быть языковая политика в Финляндии. Согласно конституции, финский и шведский языки являются государственными. Шведское население страны составляет 6% населения (300 тыс. чел.) и сосредоточено в четырех (из 12) губерниях на западе

и юге страны. В трех губерниях, где есть шведское население, финны и шведы имеют общую администрацию (ее сотрудники должны знать оба языка в определенной законом мере). Однако на Аландских островах, где шведы составляют 98% населения, создана административная автономия шведов, их язык является единственным официальным языком архипелага, иммиграция финнов на острова ограничена и без разрешения муниципалитета финский язык не может преподаваться. На остальной территории Финляндии детские сады и школы или финские или шведские, но библиотекари должны знать оба языка. Высшее образование также в основном разделено по языкам: в университете в Турку используется шведский, университет в Хельсинки — финский; политехнический институт в Хельсинки имеет отделения на обоих языках, но Школа коммерции работает на шведском (Подробно см. Гак 1989, 116 — 117).

Территориальное разделение и автономизация этноязыковых групп социума идет на пользу тем этносам и языкам, которые нуждаются в защите. Так было в двуязычной Бельгии, где **нидерландоязычные** бельгийцы (фламандцы) в течение ста лет боролись за равный престиж фламандского языка с французским. Для укрепления социальных позиций фламандского языка закон 1930 г. определил Фландрию и **Валлонию** (франкоязычную область Бельгии, здесь находится Брюссель) как одноязычные области. Во Фландрии впервые появились чисто фламандские школы и университеты, хотя Брюссель оставался двуязычным. Социальный статус фламандского языка вырос, однако усилилась и **фламандско-валлонская** рознь. Выросла обособленность двух общин: все стало раздельным — радио, телевидение, политические партии, профсоюзы, наконец, парламенты. В сущности, произошла **федерализация** страны.

Таким образом, поиски оптимального решения этноязыковых проблем приводят к новым сочетаниям разных форм унитарной и автономно-федеративной государственности.

70. Типы национально-языковых идеологий

Национально-языковая политика опирается на определенное теоретическое и идеологическое обоснование. Государства, общественные классы или сословия, партии и движения исходят из

определенной концепции по национальному вопросу, т.е. из своего понимания того, что такое народ, нация, народность; как связаны народ (этнос) и язык, религия, культура, государство; как соотносятся этническое и общечеловеческое, национальное и вероисповедное в культуре, политике, идеологии; в чем заключаются справедливость и прогресс во взаимоотношениях народов.

Современные концепции нации разнообразны и при этом **логически равноправны**. Например, в иудаизме и исламе нация определяется на вероисповедной основе; в ряде **надэтнических** африканских движений — на основе государственной консолидации, а иногда — на основе языка (ср. клише *большая африканская нация французского языка*); в марксизме классовая борьба и наднациональная солидарность классов трактуются как феномены более значительные для истории, чем внутринациональная солидарность и межнациональные противоречия. Все это не столько научные концепции, сколько идеологии определенных движений, т.е. предметы **веры** и **убеждений**. Поэтому можно констатировать различия между ними, но было бы некорректно говорить об ошибочности одних учений и верности других.

Для гуманитарной экспертизы доктрин по национальным вопросам мировое сообщество выработало определенные приоритеты, ориентиры и критерии, сформулированные в документах ООН. Так, согласно «Всеобщей декларации прав человека» (1948) и «Международному биллю о правах человека» (1966), **приоритет прав человека выше, чем приоритет прав этноса и государства**. Права этноса реализуются как права людей, составляющих этнос, а государство должно обеспечивать права всех граждан независимо от их этнической принадлежности. **И.А.Бодуэн де Куртенэ** отстаивал права человека как высший приоритет еще в начале века: «Во главе человеческих прав я ставлю, с одной стороны, права человеческого достоинства и права свободной самоопределяющейся человеческой личности, с другой же стороны, права экономического благосостояния и мирного сожительства всех обитателей как всего государства, так и его отдельных частей» (Бодуэн де Куртенэ 1913, 32).

В соответствии с двумя векторами в стратегиях национальной политики (унитаризм и сепаратизм, см. § 69), есть две основные линии и в национальных идеологиях: 1) **унитаристские** (интегрирующие, объединительные, ассимилирующие) концепции; 2) идеологии **разделения** (федерализации, автономизации, сепаратизма).

Унитаристские теории выступают в различных национальных и исторических вариантах. Таковы доктрины **регионального унитаризма**: панславизм, а также пангерманизм, пантюркизм, панафриканизм и т.д.; марксистский **интернационализм** (с идеями о будущем слиянии народов и языков); таков **космополитизм**, верящий в перспективы единой цивилизации без границ (например, под эгидой ООН) и склонный видеть успешный **этап объединения** в таких **надэтнических** сообществах, как паневропейский Общий рынок, Арабская Лига или Организация Африканского Единства. В США с началом Первой мировой войны окрепла объединяющая идеология американской гражданской (не этнической) «Великой нации», возникшей в «**плавильном котле**» (*melting pot*) американской истории.

Унитаристские доктрины на практике нередко вырождались в свою противоположность — в идеи **национального размежевания и разделения**. Таковы, например, доктрины о национальной исключительности того народа, на которого возлагалась объединительная миссия (исключительность русского народа в идеологии панславизма, немецкого в пангерманизме и т.д.). Иногда развитие идей происходило и в обратном направлении: этноцентристские приоритеты нации, доминирующей в многонациональном государстве, становились ядром интегрирующей, унитаристской идеологии. Такова, в частности, эволюция имперского русского национализма в **евразийство** русской межвоенной эмиграции.

В США современная унитаристская идеология представлена **мультикультурализмом** (в сочетании с **мультилингвизмом**) и идеей «**постэтнической Америки**». Идеологи **мультикультурализма** связывали будущее своей огромной и этнически пестрой страны, во-первых, с всесторонним развитием культурных и языковых особенностей всех этнических, расовых, религиозных, социальных групп; во-вторых, — с воспитанием в людях терпимости, уважения и интереса по отношению к иным культурам и, шире, к человеческому разнообразию, непохожести, «**инаковости**» ближних и дальних.

Сторонники «**постэтнической Америки**» более радикально защищают **этно-расовый** плюрализм, межэтническую солидарность и достоинства **надэтнического** государства. У американцев, лишенных той давней «укорененности», которая присуща европейским нациям, идеи гармонизации этнических интересов в рамках крупного государства находят поддержку.

71. В поисках корней: национальный романтизм и мифопоэтические мотивы

Этноцентристские идеологии обычно включают те или иные мифологические элементы. **Этничность** нуждается в **укорененности** — в древней и привлекательной родословной, в свидетельствах об особой древности и чистоте своего языка, в преданиях о той или иной исключительности народа (например, богоизбранность, или особая миссия среди других народов, или особая судьба, в том числе иногда уникально горькая судьба — в этом, например, видел исключительность Польши ее великий поэт и романтик Адам Мицкевич). Поэтому в национальных преданиях всегда отыщется рассказ, который связывает судьбу народа с божественным волеизъявлением, пророчеством, легендарной личностью, судьбоносным событием древности.

Такова, например, поздняя запись в «Повести временных лет» о том, как апостол Андрей проповедовал в Херсонесе, потом плыл по Днепру, воздвиг крест на той горе, под которой позже будет **град велик Киев**, как дошел до Новгорода (где очень поразился **баням**)...

Мусульмане считают классический арабский язык священным. По преданию, пророк **Мухаммад** получил Коран от Аллаха именно на этом языке. Священно не только Откровение Аллаха, но и его каждое слово, священны арабские буквы, с помощью которых был записан Коран, сама книга Коран как физическое тело (прототип земных книг, *мать книги*, как сказано в 13-й суре). Все это — книга Коран, слова и буквы — существовало всегда, извечно, и хранилось **на седьмом небе** в ожидании прихода того, кто в наибольшей мере окажется достойным получить Слово Бога. Этим человеком стал Мухаммад, пророк Аллаха.

Привкус национальной мифологии нередко слышится в спорах о происхождении народов и языков, особенно когда речь идет о доисторических (бесписьменных) временах, и любые решения суть только гипотезы (более или менее **согласуемые** с бесспорными фактами). Так, русские историки XIX в. (например, Михаил Погодин) видели в Киевской Руси начало истории великорусского народа, распространившегося после татарского нашествия на северо-восток. Украинские историки (в XIX в. Михайло Максимович и его последователи в XX в.), напротив, в Киевской Руси виде-

ли государство именно украинцев, уже тогда говоривших по-украински. Белорусский историк-романтик Вацлав Ластовский (1883 — 1938), как и украинские авторы, считал, что не было единого восточнославянского языка, что разделение на языки украинский, русский и белорусский — изначально, причем древнейшим и самым чистым языком Ластовский считал белорусское (**крявичское**) наречие. Киевская **Русь**, по Ластовскому, — это государство пришельцев-варягов, а древнейшим «своим» княжеством у восточных славян он считал **крявичское** княжество (образование которого он относил к времени до IX в.); с землей **крявичей** Ластовский связывал и прародину восточных славян.

72. Язык как объект правовой регламентации и границы действия законов о языке

Юридическая регламентация языковой практики обычно требуется в ситуациях этнического двуязычия и заключается в законодательном определении официального статуса, прав и сфер использования **языков**⁶. В юридическом регулировании обычно больше заинтересованы «слабые» — языковые и этнические меньшинства, этносы без автономий, носители языков, коммуникативные функции которых сужаются. Однако, если стремиться к соблюдению прав человека, правовому обществу и гражданскому согласию, то тревога за судьбу миноритарных языков должна быть общей. В многоязычной стране все народы в конечном счете заинтересованы в юридической регламентации национально-языковых отношений.

Между тем далеко не во всех многоязычных странах есть такие законы. Канадский исследователь Дж.Тури обнаружил, что из 147 конституций разных стран только ПО содержат статьи, касающиеся языка (Гак 1989, 107). Отсутствие законов о языке усиливает позиции языка большинства населения и оставляет без юридической защиты языки меньшинств.

⁶ Впрочем, в ряде стран законодательство содержит положения, регламентирующие также и «внутренние» аспекты в использовании языка. Например, в Индии конституция устанавливает приоритеты при выборе источников заимствований в хинди и другие официальные языки страны: если без заимствования не обойтись, то сначала следует обратиться к санскриту, а затем уже к лексике других языков (Ганди, 1982, 148; Чернышев 1993, 56).

В конституциях СССР 1924, 1936 и 1977 гг. деликатная сфера национально-языковых отношений была регламентирована минимально. Конституция 1977 г. декларировала равенство граждан «перед законом независимо от языка», «возможность обучения в школе на родном языке», «право выступать в суде на родном языке»; кроме того предписывала публиковать «законы СССР, постановления и иные акты Верховного Совета СССР на языках союзных республик». Вместе с тем конституция не ориентировала на создание гарантий соблюдения провозглашенных принципов — например, гарантий обучения в школе на родном языке или сохранения национального языка в качестве языка обучения. Это означало правовую беззащитность национальных языков и «молчаливое» предоставление преимуществ языку центра и бюрократии, а также возможность представить процесс сужения социальных функций местных языков как «естественный», происходящий даже «вопреки» провозглашенным конституцией правам.

Конституция СССР 1977 г. не определяла юридического статуса языков. В ней не было ни одного **лингвонима**, а также каких-либо словесных указаний на особый статус русского языка (на **пример**, сочетания **язык межнационального общения**). Тем не менее иерархия языков и особый статус русского языка в конституции был выражен. В главе «Суд и арбитраж» перечислялись ранги тех языков, на которых ведется **судопроизводство**, и таким образом устанавливалась 4-ступенчатая административно-территориальная иерархия языков: 1) **язык союзной республики**, 2) **язык автономной республики**, 3) **язык автономной области**, 4) **язык автономного округа**.

Особый статус русского языка манифестирован средствами геральдики: 1) на государственном гербе СССР надпись «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*» на русском языке выполнена крупнее, чем на языках союзных республик, и размещена в основании герба посередине, в то время как надписи на других языках расположены симметрично слева и справа; 2) гербы союзных республик (кроме РСФСР) содержали надпись «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*» на двух языках — соответствующей республики и русском.

В настоящее время во всех государствах СНГ язык «титულიной нации» (т.е. **народа**, имя которого отражено в названии государства) имеет статус **государственного**. Согласно российскому законода-

тельству, в 1995 г. в РФ было 19 государственных языков и 10 титульных (Государственные языки 1995). В национальных автономиях России продолжается процесс придания языкам максимально высокого юридического статуса.

В разных странах законы о языках различаются по степени разработанности. В большинстве случаев законы регламентируют использование языка в официальных (государственных) сферах и не касаются выбора языка в частной жизни, в неофициальном общении на работе. В светских государствах законы о языках не распространяются на деятельность религиозных объединений и организаций. Законы не затрагивают, разумеется, выбор слов, форм, вариантов произношения и т.п. — это задача не юристов и не органов власти, а область лингвистической кодификации норм, «внутренней» языковой политики и культуры речи.

Во многих странах юридический статус языков определяется в основном государственном законе — конституции. Если кроме того имеются специальные законы о языках, то они конкретизируют конституционные установления. Кроме собственно законов о языках, выбор языков иногда регламентирован некоторыми другими законами многоязычного государства — например, законами об образовании (в которых могут быть определены языки обучения), законами о суде (которые определяют языки судопроизводства, участие переводчика в процессуальных действиях и т.п.). Дальнейшая правовая конкретизация взаимоотношений языков может осуществляться в так называемых подзаконных актах (издаваемых отдельными государственными и негосударственными органами). Таковы, например, приказы, правила и инструкции, регулирующие деятельность учебных заведений (включая учебные программы по языкам социума); таковы решения органов, руководящих масс-медиа и книгоизданием (например, определение объемов вещания или тиражей на языках социума). К подзаконным актам относятся и квалификационные требования при приеме на работу (в том числе в части знания языков). Подзаконные акты издаются на основе конституции и законов и не должны им противоречить.

В законах о языках в разных странах не совпадает состав самих объектов юридической регламентации. Наиболее типичные объекты следующие: 1) официальный (юридический) статус язы-

ков; 2) социальные сферы возможного и/или обязательного использования языков; 3) характер и степень использования языков социума в области образования.

Правовой статус языков определяется терминами *государственный, официальный*, иногда *национальный* (см. **подробн.** § 47). Во многих странах официальными (или государственными) признаны два, реже три, еще реже четыре языка. В Индии из двух официальных языков (хинди и английский) один (английский) определен в конституции как *временный официальный язык*; кроме того, 15 крупных языков Индии, перечисленных в ее конституции, названы *конституционными* языками. Это тоже официальный статус языка.

Кроме статуса, к числу важнейших официальных определений языка, нередко включаемых в конституцию, относится его имя (**лингвоним**) и используемый алфавит (что бывает важно при синонимии лингвонимов и при наличии нескольких алфавитных традиций в одной культуре). Так, по конституции Индии, «официальным языком Союза является хинди в письме **деванагари**» (цит. по: Чернышев 1993, 55). Закон о языках в Молдове (1989) предписывал перевод молдавского письма с кириллицы на латинский алфавит. Позже принятие латинского алфавита было закреплено в конституции Молдове.

73. Юридический спектр подходов к миноритарным языкам: от наибольшего благоприятствования до запрещения

В условиях многоязычия закон может приписывать языкам либо равный статус, либо неравный. Однако само по себе юридическое равенство или неравенство в статусе еще не диагностирует действительной направленности государственной политики по отношению к миноритарному языку. Декларированное равноправие языков, не подкрепленное законами, которые определили бы механизмы осуществления равноправия, не только не способствует защите миноритарного языка, но и осложняет его положение. Пустые декларации, камуфлируя ассимиляцию, успокаивают совестливых. С другой стороны, различия в юридическом статусе языков далеко не всегда означают подавление или дискриминацию миноритарного языка. В этом убеждает сравнение результатов языковой политики в Финляндии и Испании — в государствах с разным юридическим статусом миноритарных языков.

В Финляндии миноритарный язык (шведский), как и язык большинства населения (**финский**), имеет статус *государственного*. Существенно, что шведский язык в Финляндии в течение веков (начиная с XIII в.) был престижным языком администрации, а финский язык только в **1863 г.** (когда Финляндия была Великим княжеством в составе России) получил те же права, которые имел шведский язык. В современной Финляндии сохранение за шведским языком статуса государственного отвечает стремлению государства сохранить **двуязычие**, поддержать шведский язык, всеми мерами замедлить процесс вытеснения его финским языком. Для поддержания равного статуса языков законодательство Финляндии предусматривает ряд мер, сохраняющих финско-шведское двуязычие. Школы являются либо финскими, либо шведскими, но все школьники обязательно изучают оба языка (хотя и в разной мере). Чиновники муниципалитетов и одноязычных, и двуязычных, должны в определенной мере владеть обоими языками, а для работы в двуязычном муниципалитете надо в совершенстве владеть основным языком и уметь устно и письменно изъясняться на втором. Для признания муниципалитета двуязычным достаточно, чтобы шведское меньшинство составляло 10% населения. В массовой коммуникации используются оба языка, при этом число газет и журналов, выходящих на шведском, значительно превышает 6% шведов в населении Финляндии (Гак 1989, 115—118).

В Испании по демократической конституции 1978 г. три миноритарных языка (каталанский, галисийский, баскский) получили статус *официальных* языков в своих автономных областях (соответственно в Каталонии, Галисии и Стране Басков). В то же время испанский (кастильский) язык имеет более высокий юридический статус — это *государственный* язык всей Испании. Существенно, однако, что конституция 1978 г. резко повысила статус и престиж трех миноритарных языков Испании — при Франко они были просто запрещены в образовании и других публичных областях жизни. Поэтому, хотя их статус ощутимо ниже статуса испанского, реально языки получили значительную государственную поддержку, причем не только декларативную и законодательную, но и организационно-финансовую (подробно см. Гак 1989; Прохоренко 1994).

Таким образом, юридическое неравенство языков далеко не всегда указывает на дискриминацию меньшинства. Иногда сам факт упоминания в законе миноритарного языка означает его «легитимность» и готовность государства гарантировать его существование и развитие. Так, Закон о языках, принятый в Латвии в 1989 г., кроме латышского («государственного») и русского («одного из языков межнационального общения»), называет также *латгальский* и *ливский языки*⁷: «В Латвийской ССР гарантируется употребление латышского языка, включая говоры и латгальский письменный язык, во всех областях культуры. Государство также гарантирует сохранение и развитие культуры ливов на ливском языке». Включив языки в закон, государство создает юридическую основу для этноязыкового плюрализма.

Предоставление юридических преимуществ одному из языков социума — это нередко акт **защиты** языка, находящегося в кризисе. Такой защитительной мерой было придание языкам союзных республик бывшего СССР статуса *государственного* языка.

В текстах законов не так уж часто встречаются прямые запреты употреблять какой-то **язык**⁸. Права меньшинств нарушаются или вообще ликвидируются де-факто. Например, фашисты просто разгоняли национально-культурные центры, арестовывали их лидеров, закрывали газеты на языках меньшинств. При Франко остановилась письменность каталанского и галисийского языков; особенно жестоким репрессиям подвергались баски. В Италии при фашистах преследовались ретороманцы, словенцы, австрийские немцы; в Германии — **серболужичане**.

Правовая дискриминация может состоять в неупоминании языка в законе или в трактовке языка как диалекта. Остальное — дело практики. В 1861 г. попечитель **Виленского** учебного округа в представлении Министру народного просвещения писал:

⁷ Латгальским языком зовут восточные диалекты латышского языка; в **1730 — 1865** и **1904 — 1959** гг. на нем издавались книги и газеты. Ливский язык (финно-угорская семья) распространен на северо-западном побережье Курляндии (около 100 тыс. говорящих); в 1920 — 1939 гг. на ливском издавались учебники, календари, журнал.

⁸ Ср., впрочем, установление Варшавского Сейма 1696 г., которое утвердило на всей территории Речи Посполитой, т.е. включая и Великое княжество Литовское, в деловой письменности польский язык: *Pisarzpowinien po Polsku, a nie po Rusku pisać*.

«В губерниях Виленской, Гродненской и Минской большая часть сельского населения говорит наречием белорусским, поэтому и народные училища в этих местностях должны быть чисто русские» (цит. по: Шлюбскі 1928, 335).

74. Социальные роли языков в условиях двуязычия (модели законодательного регулирования)

В двуязычном обществе содержание законов, касающихся языков, состоит в определении той меры, в какой оба языка используются в разных социальных сферах. Это такие области общения и информирования, как: 1) образование; 2) органы государственной власти, судопроизводство, делопроизводство; 3) массовая коммуникация; 4) документы о статусе частного лица (паспорт, свидетельства о рождении, браке, смерти; документы об образовании; удостоверение личности, сберегательная книжка, водительские права и т.п.); 5) сфера услуг (службы быта и торговля; медицина; общественный транспорт, связь); 6) визуальная информация (географические наименования, названия улиц; дорожные указатели; реклама, вывески, надписи). Мера использования отдельного языка в той или иной сфере может быть градуирована по следующим трем отметкам: использование данного языка: а) обязательно; б) допустимо (возможно, разрешено); в) не допустимо (не разрешено). Тогда в каждой отдельной социальной сфере использование двух языков (мажоритарного и миноритарного) может происходить по одной из четырех моделей, представленных в таблице 74.1.

Таблица 74.1. Модели распределения языков
в отдельной социальной сфере

Модель А соответствует ситуациям, когда закон предписывает

Языки двуязычного социума	Мера использования языка в некоторой социальной сфере и модели распределения языков в данной сфере			
	Использование обязательно	Использование обязательно	Использование допустимо	Использование обязательно
Мажоритарный язык	Использование обязательно	Использование обязательно	Использование допустимо	Использование обязательно
Миноритарный язык	Использование обязательно	Использование допустимо	Использование допустимо	Использование не допустимо
	Модель А	Модель Б	Модель В	Модель Г

представлять на обоих языках (т.е. дублировать на миноритарный язык) всю информацию, циркулирующую в данной социальной сфере. В демократических обществах закон предусматривает обязательное представление на обоих языках законодательства государства, дублирование формуляра и всех записей в документах частного лица, дублирование всей или наиболее важной визуальной информации. Чем выше статус миноритарного языка и чем больше заботится социум о соблюдении прав человека и прав этнического меньшинства, тем больше в таком социуме ситуаций, когда использование миноритарного языка обязательно и допустимо. Ситуации, в которых использование миноритарного языка не допустимо (исключено, запрещено), в открьтом (либеральном) обществе отсутствуют.

Модель Б соответствует ситуациям, когда закон допускает, но не предписывает жестко использование миноритарного языка. Так, согласно Закону о языках Российской Федерации, судопроизводство в республиках в составе РФ «ведется на государственных языках этих республик и (или) на языках большинства иноязычного населения, компактно проживающего в какой-либо местности, а также на государственном языке РСФСР [...]» (ст. 18, ч. 2). Лицам, участвующим в судебном деле и не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, закон гарантирует возможность пользоваться услугами переводчика. Таким образом, закон о языках допускает различные варианты в определении состава языков, используемых в конкретных судебных делах, что в условиях исключительного разнообразия языковых ситуаций в России представляется оправданным. Вместе с тем имеющаяся законодательная база достаточна для юридически выверенного определения состава языков в конкретных делах. Достаточно сказать, что язык судопроизводства регламентирован в Конституции и трех процессуальных кодексах РФ. О важности языковых вопросов в сфере судопроизводства говорит тот факт, что в судебной практике РФ были случаи отмены судебных решений, вынесенных по уголовным и гражданским делам, которые были проведены с нарушением правил о языке судопроизводства (Комментарий 1993, 33).

Модель В — в открытых демократических социумах это самый частый случай: оба языка могут быть использованы в данной сфере (например, в образовании, массовой коммуникации), однако объемы коммуникации на одном и втором языках могут быть существенно различны.

Модель Г, соответствующая ситуациям, в которых использование миноритарного языка не допускается (исключено, запрещено), не характерна для открытого общества.

В § 67 (таблица 67.3.) были в общем виде показаны два контрастных типа языковой политики при двуязычии в полярно различных политических условиях. Сейчас эта модель может быть конкретизирована с учетом **степени** использования мажоритарного и миноритарного языков в официальных и публичных сферах (см. таблицу 74.2.).

Таблица 74.2. Модели распределения мажоритарного и миноритарного языка в социумах с полярно различной политикой

Сферы использования языков	Политические типы социумов и типы языковой политики	
	Открытый либеральный социум. Этноязыковой плюрализм	Тоталитарный социум. Моноэтнолингвоцентризм
Образование	Яз. мажорит. допустим Яз. минорит. допустим	Яз. мажорит. обязателен Яз. минорит. не допустим
Органы государственной власти	Яз. мажорит. обязателен Яз. минорит. допустим и отчасти обязателен	Яз. мажорит. обязателен Яз. минорит. не допустим
Документы о статусе частного лица	Яз. мажорит. обязателен Яз. минорит. обязателен	Яз. мажорит. обязателен Яз. минорит. не допустим
Массовая информация	Яз. мажорит. допустим Яз. минорит. допустим	Яз. мажорит. обязателен Яз. минорит. не допустим и отчасти допустим
Сфера услуг	Яз. мажорит. допустим Яз. минорит. допустим	Яз. мажорит. обязателен Яз. минорит. допустим
Визуальная информация	Яз. мажорит. обязателен Яз. минорит. обязателен	Яз. мажорит. обязателен Яз. минорит. не допустим

ста большинство конкретных социумов занимают не крайние точки политического спектра, а находятся между полюсами, в той или иной мере тяготея к одному из них. Тем шести сферам коммуникации, которые представлены в модели, в реальности соответствуют разнородные коммуникативные зоны. В каждой из них есть свои области общения, различные как по содержанию коммуникации, так и по распределению конкурирующих языков. В этом убеждает распределение языков в сфере образования (см. § 75).

75. Языки и школа в условиях двуязычия (типы административно-законодательных решений)

Использование языков в образовании — это самый надежный показатель реального общественного статуса языков и их перспектив в будущем.

Для характеристики положения языков в образовании существенны два аспекта: 1) уровень образования (дошкольное, начальное, среднее, высшее); 2) учебно-педагогические функции языка, т.е. является ли он: а) языком, на котором ведется обучение; б) учебным предметом. С учетом названных аспектов можно построить две полярные модели, характерные для социумов с полярно различной национально-языковой политикой. Эти модели представлены в таблице 75.

Таблица 75. Модели распределения мажоритарного и миноритарного языка в образовании в социумах с полярно различной политикой

Политические типы социумов и типы языковой политики	Сферы использования языков в образовании			
	В средней школе		В высшей школе	
	В качестве языка обучения	В качестве учебного предмета	В качестве языка обучения	В качестве общеобразовательного учебного предмета
Открытый социум. Этноязыковой плюрализм	Язык мажорит. допустим. Язык минорит. допустим	Язык мажорит. обязателен. Язык минорит. обязателен	Язык мажорит. допустим. Язык минорит. допустим	Язык мажорит. допустим. Язык минорит. допустим
Тоталитарный социум. Моноэтнолингвоцентризм	Язык мажорит. обязателен. Язык минорит. не допустим	• Язык мажорит. обязателен. Язык минорит. не допустим	Язык мажорит. обязателен. Язык минорит. не допустим	

75.1. **О праве граждан выбирать язык обучения (первое уточнение плюралистической модели).** Конкретная картина использования в образовании двух языков социума определяется тем, каковы объемы учебно-педагогической коммуникации на каждом из них. В плюралистическом разноязычном обществе закон гарантирует этническим меньшинствам возможность образования на родном языке. В стране должны быть школы с разными языками обучения, а количественное соотношение таких школ должно зависеть от **свободного выбора учеников и их родителей**.

лей⁹. При этом либеральный закон не ограничивает граждан в выборе языка обучения (т.е. можно учиться и не на родном языке).

Общедемократическая норма о праве граждан выбирать язык обучения предполагает ряд уточнений. Существенно, при какой численности и какой компактности проживания лиц той или иной национальности возможны общеобразовательные школы на их родном языке. Какие ступени общего образования на языке национального меньшинства гарантирует закон: начальное, неполное среднее или полное среднее? Доступно ли на языке меньшинства высшее образование и по каким специальностям?

75.2. **Какой язык может быть обязательным школьным предметом? (второе уточнение плюралистической модели).** О степени демократичности закона о языке можно судить по тому, определяет ли закон некоторый язык в качестве **обязательного** для изучения **каждым** гражданином (любой национальности). Вот как отвечал на этот вопрос Бодуэн де Куртенэ: «По педагогическим и общегражданским соображениям в каждой школе должен быть **обязательным** как предмет изучения только один язык — язык преподавания. Но необходимо предоставить всем ученикам возможность усвоить себе тоже другие языки, каковы: язык, самый распространенный в государстве; язык, самый распространенный в данной автономной области; язык иноязычных сограждан данной самоуправляющейся единицы; языки, распространенные и получившие всемирное значение (вроде немецкого, французского,

⁹ В современном мире наблюдается тенденция ко все большей демократизации и либерализации взаимоотношений между взрослыми и детьми (родителями и их ребенком, учителями и учениками и т.д.), а с другой стороны, — тенденция ко все большей юридической защищенности прав именно ребенка (а не семьи, **материнства**, детства в целом). Так, в принятой ООН «Конвенции о правах ребенка» (1989) в статье 29 (о целях образования), отдельно говорится об уважении к культурной самобытности именно ребенка, его языку и его ценностям, которые не отождествляются с уважением «к родителям» и к «национальным ценностям страны»: *Государства-участники соглашаются в том, что образование ребенка должно быть направлено на: [...] с) воспитание уважения к родителям ребенка, его культурной самобытности, языку и ценностям, к национальным ценностям страны, в которой ребенок проживает, страны его происхождения и к цивилизациям, отличным от его собственной* [выделено мной. — **Н.М.**]. Можно думать, что самостоятельность ребенка в выборе языка обучения будет возрастать.

английского, эсперанто и т.п.); так называемые «классические языки», латинский и греческий» (Бодуэн де Куртенэ 1913, 77—78).

После Октябрьской революции в течение 20 лет советское законодательство сохраняло, в качестве общедемократической нормы, отсутствие требования обязательного преподавания русского языка. И действительно, в национальных республиках, особенно в среднеазиатских, и особенно в контексте политики **«коренизации»** первых десяти лет советской власти (см. § 69), русский язык преподавался не повсеместно и не в той мере, в какой это становилось нужным центру.

В 1938 г., в русле нарастающей милитаризации страны, ЦК ВКП(б) и Совнарком приняли Постановление «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». В качестве побудительного мотива решения **указывалось**, что Красной Армии нужны бойцы, понимающие команды на русском языке. Преподавание русского языка вводилось со 2-го класса. Постановление стало сигналом к форсированию русификации по всей стране. Вот как описывает этот процесс В.М.Алпатов: «Уже через 6 дней бюро Башкирского обкома постановило ликвидировать немецкие, **эстонскую, русско-немецкую**, латышские школы, реорганизовав их в обычные с преподаванием на русском языке [...]. В 1930 г. более 95% детей коми-зырян училось в национальных школах; после войны обучение в Коми АССР уже шло на русском языке, и детям коми, до обучения часто не знавшим его вовсе, учителя запрещали использовать родной язык даже на переменах. Точно такие порядки были в школах коми и до 1917 г.» (Алпатов 1995, 89).

Новый виток русификации был сделан при Хрущеве, когда «Закон об укреплении связи школы с жизнью...» (1958) предоставил родителям право выбирать язык обучения для своих детей. Это была ловушка для национальной школы: в автономных республиках и областях Российской Федерации преподавание на родном языке во многих школах стали заканчивать в 4-м классе; другая часть школ была полностью **переведена** на русский язык. Родной язык превратился в учебный предмет. Позиции родного языка были существенно ослаблены также в союзных республиках. Если в 1934 г. обучение в стране велось на 104 языках, то через 20 лет число языков обучения не превышало шести десятков (Проблемы национальной школы 1989, 20—25).

В постсоветской России многое делается для восстановления национальной школы народов РФ. Предприняты меры по расширению обучения на национальных языках, а также по расширению преподавания национальных языков как учебных предметов. Некоторые количественные показатели изменений таковы: в 1992 — 1993 учебном году, по сравнению с 1987 — 1988 учебным годом, количество языков обучения выросло на 13 и достигло 35 языков; за этот же период количество языков, изучаемых как предмет, увеличилось на 17 и достигло 76 языков (Бацын, Кузьмин 1994, 19 — 21).

В Законе Российской Федерации «Об образовании» (1992) язык обучения трактуется примерно так, как это делал Бодуэн де Куртенэ в 1913 г.: «Язык (языки), на котором ведется обучение и воспитание в образовательном учреждении, определяется учредителем и (или) уставом образовательного учреждения» (Статья «Язык (языки) обучения», п.3). Обязательность изучения русского языка, как и требования к уровню владения им, определяются не собственно «Законом о языках» и не Законом «Об образовании», а подзаконными актами: «Во всех имеющих государственную аккредитацию образовательных учреждениях, кроме дошкольных, изучение русского языка как государственного языка Российской Федерации регламентируется государственными образовательными стандартами» (Закон РФ «Об образовании», ст.6, п.5). Что касается изучения государственных языков республик в составе РФ, то законы РФ относят данный вопрос к компетенции законодательства этих республик.

Опыт либерального плюрализма в языковой политике (Швейцария, Финляндия, Канада, Испания) убеждает, что в вопросе о языках в сфере образования необходимо выдерживать два принципа: 1) граждане свободны в выборе для своих детей языка обучения, при этом язык обучения может совпадать или не совпадать с этничностью ребенка; 2) в двуязычной среде для упрочения гражданского согласия между этноязыковыми общинами целесообразно обязательное (т.е. предписанное законом) изучение языка соседей. В законодательной поддержке школьных уроков нуждаются прежде всего именно миноритарные языки. Бодуэн де Куртенэ рассматривал изучение языка «иноязычных сограждан данной самоуправляющейся единицы» как задачу **первоочередную**, более насущную, чем изучение языков, «получивших всемирное значение (вроде немецкого, французского, английского, эсперанто и т.п.)» (Бодуэн де Куртенэ 1913, 78).

76. Кодификация языка как инструмент языковой политики в условиях двуязычия

В критические периоды национально-языковых отношений — при обострении борьбы за самостоятельность языка или, напротив, при унитаристском подавлении этноязыковой самобытности соседнего народа — вопросы кодификации обостряются. Орфографическая дискуссия нередко начинает ощущаться как политическая борьба, альтернативные решения — как патриотические или **завоевательские** лозунги, символы или знамена враждующих лагерей.

В 1933 г. в Украине и в Беларуси, в условиях нарастания тоталитарно-унитаристских тенденций, почти одновременно, как военно-политические **кампании**, были проведены русифицирующие реформы украинского и белорусского письма. Общей чертой новых орфографий было ослабление фонетического начала в пользу морфологического и этимологического (что и сближало с русским письмом) — например, по-белорусски стали писать *снег, без вас, метр, фунт, гарадскі* вместо прежних *сьнег, бяз вас, метар, хунт, гарадзкі*. В передаче твердости-мягкости согласных в заимствованных словах реформы переориентировались на русские (а не на польские) образцы (белор. *клас, клуб, газета* вместо *кляса, клуб, газэта*). Кроме того в белорусском языке варианты склонения унифицировались по моделям, общим для белорусской и русской грамматик (*у гарадах, на касцях, без галоу*, вместо *у гарадох, на касцёх, бяз галоваў*).

Поразителен накал политической атмосферы вокруг реформ орфографии в Беларуси и Украине. «Классовая борьба на языковедческом фронте и реформа белорусского правописания», «Никакой пощады врагу», «Вскрыть маскировку врага» — это заглавия публичных выступлений, сопровождавших орфографическую реформу 1933 г. Сильнейшей русификации в 30-х годах XX в. подвергались нормативные словари белорусского и украинского языков. В конце 80-х годов национальное возрождение в Беларуси и Украине вновь привело к острым орфографическим дебатам, к проектам новых **реформ**, принятых одними, отвергнутых другими, что пока обернулось орфографическим разнобоем для всех. Происходит также реставрация множества слов, **форм**, синтаксических конструкций, вариантов произношения, вытесненных из украинской и белорусской литературной речи русификацией 30—40-х годов.

По-прежнему споры о буквах или произношении разгораются в политические баталии с той легкостью, с какой горит сухая трава. Даже в украинской диаспоре в США и Канаде, споря об орфографии, оппоненты награждают друг друга прозвищами «москали» и «ляхи», а один священник называл с амвона коммунистами всех, кто говорил не *хрищеня*, а *хрещеня* (Тараненко 1995, 8).

Кодификация языковых норм была главным инструментом вначале в языковом объединении, а потом в разъединении сербов и хорватов. В 1850 г. представители сербской и хорватской интеллигенции подписали в Вене «Литературное соглашение» о своем чаемом общем литературном языке, **наддиалектном** и компромиссном. Однако действительной реализацией намерений, главным лингвистическим содержанием объединения стала именно кодификация — **наддиалектная** нормативная грамматика, общий словарь, общая орфография (хотя и в двух графических вариантах — кириллическом у сербов и латинском у хорватов, но с четкими правилами взаимной транслитерации). Когда в начале 90-х годов нашего века, после распада бывшей Югославии, хорваты стали энергично лингвистически обособляться от сербов, то вслед за **лингво-политическими манифестами**¹⁰ последовали резкие и подчеркнута **«отъединительные»** шаги в кодификации норм хорватского языка.

77. Финансово-экономические рычаги

Конструктивные программы, стремящиеся расширить сферы использования языка или сохранить употребление на существующем уровне (что бывает актуально для миноритарных языков), предполагают значительное финансовое обеспечение.

В таких программах каждый шаг стоит денег. Ср. только перечень мер, предпринятых центральным правительством Индии для распространения хинди в качестве официального языка государства и средства межнационального общения в стране. За счет федеральных средств в нехиндиязычных штатах создавались **колледжи**, готовящие учителей хинди; правительство также взяло на себя все расходы по оплате труда учителей хинди в этих штатах. По специ-

¹⁰ Например, Deklaracija o hrvatskome jeziku s prilozima i Deset teza / Drugo izdanje. Zagreb: Matica hrvatska, 1991.

альной книгоиздательской программе, финансируемой правительством, на хинди были изданы сотни **книг** университетского уровня по различным отраслям знаний, в том числе переведена 12-томная энциклопедия. Специальные средства выделялись для поддержки хиндиязычных газет и журналов, для тиражирования и проката кинофильмов на хинди. Были учреждены премии за лучшие оригинальные и переводные произведения на хинди, причем не только художественной, но и специальной литературы (например, за лучшую публикацию по юриспруденции). Выделялись многочисленные стипендии для студентов нехиндиязычных штатов за успехи в изучении хинди. Для упрочения хинди в официальной сфере была создана сеть курсов по изучению хинди служащими, с системой экзаменов (включая машинопись и стенографию на хинди); потребовалось также стандартизировать клавиатуру пишущих **машинок**, буквопечатающих телеграфных устройств и т.п. (см. Ганди 1982).

Вместе с тем правительство предусмотрело ряд мер для того, чтобы хинди не стал орудием дискриминации нехиндиязычных народов. Одна из ключевых мер — реализация в школах так называемой «формулы трех языков», согласно которой каждый учащийся изучает региональный язык (если это не хинди), хинди и английский.

78. Основные направления языковой политики

Когда говорят о политике, в том числе языковой, то имеются в виду **сознательные** действия, направленные на осуществление определенных целей. Какие цели относительно языка могут быть у людей? Что люди обычно хотят изменить в языке? И разве не изменяется язык сам по себе, стихийно, но по сути — в **ответ** на потребности общества? Но если все же язык изменяется не только «сам собою», стихийно, но и людьми, то как это происходит? Как люди, общество **сознательно** воздействуют на язык и насколько удается то, что планируется?

Беспокойный человеческий ум не раз останавливался перед видимым несовершенством языка. Нередко это несовершенство усматривали в самом разноязычии народов. Рационалистический XVII век не устраивала видимая алогичность естественных языков — избыточность в обозначениях (синонимия) и многозначность, размытость границ между языковыми значениями, непол-

ный параллелизм синтаксиса «фигурам мысли». На этой почве возникали идеи искусственных формализованных языков науки. Нередко несовершенство языка видели в его недостаточной выразительности, гибкости, красоте или «чистоте». В любом обществе, сколько веков существуют в нем представления о «правильном» и «красивом» языке, столько не смолкают разговоры о «порче» языка. Правда, сами представления о «правильности» и «порче» языка менялись. Менялся и профессиональный круг тех людей, которые замечали «порчу» и стремились каким-то образом «защитить» язык.

Между тем сама возможность сознательной «защиты», или «исправления», или «улучшения» языка вызвала и вызывает у людей скептические оценки, причем самые скептические — у лингвистов. Дело в том, что сознательное воздействие на язык означает конфронтацию противоположных начал: 1) волевого, сознательного и неосознанного (полубессознательного, произвольного); 2) индивидуального и социального (коллективного). В состоянии ли индивид (или группа индивидов) изменить полубессознательные языковые привычки коллектива говорящих и тем самым изменить язык? Если это возможно, то в какой степени? Какие уровни и подсистемы языка в наибольшей мере доступны сознательному воздействию общества?

Есть три основные языковые сферы, допускающие сознательное воздействие людей: 1) **графика** и орфография (§ 78.1.); 2) терминология (§ 78.2.); 3) нормативно-стилистическая система языка (§ 78.3.).

78.1. Типология реформ письма. В реформах письма представлены, во-первых, **самые ранние** факты в истории языковой политики (VIII в. до н.э. в Китае; см. § 66); во-вторых, **самые известные, шумные** и скандальные события из этой истории (однако объективно — это не самые значительные события языковой политики). Острота общественной реакции на реформы письменности не случайна.

В письме люди долго видели чудо, поэтому многие народы верили, что письмо создали боги или божественные первопредки. Алфавит, как **известно**, следует за верой, и поэтому из всех языковых феноменов алфавит обладает максимальной культурно-исторической нагрузкой. Это заставляло видеть в графике и орфографии

проблемы вероисповедной важности и относиться к ошибке в письме как к ереси (см. подробно: Мечковская 1998 [а], 66—76, 246—249; см. также главу «Число, счет. Письмо, алфавит» в издании: Степанов 1997). Но и после **того**, как орфографию перестали отождествлять с ортодоксией, в **традициях**, связанных с религиями Писания, столетиями сохранялись **представления** об особой важности графики и орфографии. Письмо — это своего рода опознавательные знаки национально-религиозной самоидентификации народа, его политических ориентиров и устремлений. Вот почему письмо (алфавит) устойчивее языка. Например, существуют тексты XVI—XVIII в. на белорусском и польском языках, писанные арабским **письмом**. Это исламские книги татар, живших в Великом княжестве Литовском. Арабское письмо они сохраняли дольше, чем язык Корана. Известны факты той же природы, но как бы «с обратным вектором»: **исламизированные** сербы в Боснии и Герцеговине, особенно знать, начиная с XV в., переходили в записях на сербском языке с кириллицы на арабское письмо. Пиетет перед письмом — в ущерб вниманию к другим, более содержательным сторонам языка, — сохраняется до сих пор. Именно письмо чаще всего отождествляется популярным сознанием с языком (и ошибки в письме — с незнанием языка). В письме народ видит корни своей культуры и вероисповедной традиции. Поэтому реформы письма нередко бывали связаны с началом религиозных, национальных или политических движений. Они были их проявлением и их стимулом, и воспринимались людьми как символ движения: как хоругвь, национальный флаг, политический лозунг. Ни* один спор о «правильности» в языке не бывал таким острым и пристрастным, как **графико-орфографические** дебаты, легко перераставшие в «азбучные войны», нередко с анафемствованием и физическими репрессиями.

Пушкин неслучайно назвал орфографию «геральдикой языка». В сознании людей письмо противостоит «текучей» устной речи, это воплощенная стабильность, самый заметный и надежный представитель письменной культуры народа. В силу архаических традиций школьного образования, люди склонны **считать**, что орфографические нормы — самые главные в языке. Дело в том, что орфографические **нормы**, в сравнении с нормами других уровней языка — орфоэпией, морфологическими и синтаксическими **нормами**, нормами **словоупотребления**, — самые определенные и

простые. Их легче всего описать правилами, кодифицировать в орфографическом словаре и требовать их соблюдения (т.е. исправлять орфографические ошибки). Пройдя в детстве жесткий орфографический тренинг, люди настроены по отношению к орфографии очень консервативно и не склонны здесь что-либо менять. Поэтому так трудно провести даже скромные подновления орфографии.

Все **графико-орфографические** реформы, включая такие особые случаи, как создание или заимствование письма (у истоков отдельных традиций), социально обусловлены. Их истинные мотивы лежат не в сфере рационализации письма, но в области социальной семиотики. Социальная маркированность **графико-орфографических** реформ бывает трех видов: 1) конфессиональная; 2) национально-языковая; 3) в терминах оппозиции «элитарность-демократичность» (Подробно см. Мечковская 1998).

Графика и орфография — это та область в языке, которая более всего доступна рационализации, однако и здесь реформы не так легки. Общеизвестен консерватизм английской **орфографии**¹¹. После замены рунического письма латинским (с началом христианизации) английская орфография перестраивалась только однажды, в связи с норманнским влиянием, и обоснованно считается очень трудной. Не раз предлагалось ее реформировать, чтобы сблизить письмо и звучащую речь. Однако эти проекты, в разной степени радикальные, не были приняты. Дело в том, что любая реформа сложившихся норм всегда создает известные социальные и психологические трудности. Реформировать же письменность — трудно вдвойне.

Если между орфографической нормой и потребностями практики возник конфликт, то чем дольше эта орфография сохраняется в неприкосновенности, тем острее становится конфликт и тем труднее он разрешим. История реформ письма показывает преимущества своевременных и потому не слишком резких изменений сложившихся норм. Однако в любом случае нужна большая психологическая готовность общества к новому. Неслучайно реформы письма обычно становились возможны в русле более широких социальных преобразований. Таковы Петровская реформа русской графики 1708 — 1710 гг. и графико-орфографическая реформа 1918 г. Характерно, что, хотя новая демократическая

¹¹ О которой шутят: «Пишется *Ливерпуль*, а читается *Манчестер*».

орфография была подготовлена еще в 1912 г., ввели ее только после революции, декретом Наркома просвещения А.В.Луначарского.

Особой остротой отличается проблема реформирования письма в странах Дальнего Востока, использующих китайскую иероглифику. Это связано со спецификой иероглифического письма.

Для алфавитной письменности характерны, с одной стороны, взаимная зависимость букв и звуков, а с другой, — асемантическая букв: они не имеют собственного значения. В отличие от букв, иероглифы — это двусторонние единицы (т.е. обладающие и формой и значением), при этом форма (начертание) иероглифа не зависима от звучания, она передает не звучание, а значение. С этим связаны следующие фундаментальные особенности иероглифической письменности: 1) ее нечувствительность к изменениям в звуковой организации языка; 2) высокая содержательная значимость иероглифической письменности: в этом отношении иероглифика сопоставима не с алфавитом, а со словарем; 3) исключительная трудность овладения иероглифическим письмом (вследствие многочисленности и сложности знаков).

Непрерывность иероглифической традиции древнего и средневекового Китая привели к уникальной консервативности китайского письма. Человек, преодолевший курс китайского традиционного образования, читает тексты тысячелетней давности так же легко, как сегодняшнюю газету. Он получает возможность и писать точно так же, как писали за многие столетия до него (Софронов 1979, 161 — 162). Однако такое образование элитарно. Трудность **иероглифики** обрекает 90% населения на неграмотность. Без отказа от иероглифического письма демократизация образования и культуры невозможна. Китайская иероглифика была заменена буквенно-звуковым письмом во Вьетнаме (1918), в Корее (1947 г., в Южной Корее — в 1973 г.), частично — в Японии.

Вместе с тем отказ от иероглифической письменности означает отказ от богатейшей культуры, созданной за четыре тысячелетия китайской традиции. Поэтому так мучительна проблема письма в Китае, где традиционная культура имеет наиболее глубокие корни. Китайская иероглифика сегодня — это «и ценное наследие, и тяжкое бремя». И всё же и в Китае «переход к алфавитному письму является делом отдаленного, но реального будущего» (Софронов 1979, 21). В возможностях общества — найти наименее бо-

лезненное, компромиссное решение конфликта, позволяющее сохранить наиболее ценное из культурного наследия прошлого. Языковой опыт Японии содержит одно из таких решений.

В Японии движение за демократическое письмо началось еще в 80-е годы XIX в., но серьезные сдвиги стали возможны только после Второй мировой войны. В 1946 г. старописьменный язык был отменен в официальной переписке. Тогда же был введен *иероглифический минимум* для печати и других средств массовой коммуникации — всего 1850 иероглифов. Было также сокращено количество чтений и унифицированы написания иероглифов, включенных в минимум. Позже были разработаны правила орфографии для японской вспомогательной азбуки (*кана*) и для латиницы, а также правила смешанной записи слов — иероглифическим и азбучно-звуковым письмом. При министерстве просвещения был создан специальный орган языковой политики — Комиссия по проблемам родного языка. В задачи Комиссии входит частичный пересмотр иероглифического минимума, разбор споров о заимствованиях, казусы орфографии и орфоэпии и другие вопросы языка и культуры речи.

Разумная, энергичная и эффективная языковая политика в Японии серьезно переменяла общественно-языковую практику в стране. Была преодолена типичная для феодальных культур обособленность элитарного книжно-письменного языка от повседневного языка народа. Возник *общий язык* современной Японии — язык массовой коммуникации и повседневного культурного общения (Алпатов 1996).

Крупная реформа орфографии, направленная на демократизацию письма, началась 1 августа 1998 г. в немецкоязычных странах (Германия, Австрия, Швейцария и Лихтенштейн). Почти 100 лет немецкое письмо не изменялось (предшествующая кодификация орфографии относится к 1902 г.). **Нынешняя** реформа разрабатывалась почти 40 лет. Учитывая неизбежные психологические трудности ее принятия, предусмотрен 7-летний переходный период, до 1 августа 2005 г. (Домашнев 1997).

78.2. Создание терминологий. А.А.Реформатский называл термин слугой двух господ — терминологии и общей, неспециальной лексики. В качестве члена системы специальных обозначений термин управляем: термины придумываются в лабораториях и

кабинетах, их упорядочивают в терминологических комиссиях, пропагандируют в «рекомендательных списках» и т.д. Однако в той мере, в какой термины остаются «просто» словами, они сопротивляются регламентации. Они сохраняют и/или развивают многозначность, при этом чем употребительнее термин, тем он более многозначен. Традиционная лексика профессионального просторечия не спешит уступать место рекомендованным нововведениям. И всё же термины, в сравнении с обычной **лексикой**, в большей мере доступны сознательному регулированию.

В СССР этим занимались Комитет научно-технической терминологии (**КНТТ**) АН СССР и Госстандарт. Сотрудники Института русского языка АН СССР были постоянными рецензентами всех отраслевых ГОСТов, содержащих перечни терминов. В Институте вырабатывались рекомендации, позволявшие рационально и реалистически оценивать проекты терминологических систем, создавать терминологические словари, кодифицировать терминологии, находя разумные компромиссы между профессиональным узусом и общеязыковыми нормами, между традиционными профессионализмами и новыми терминами.

Количество терминов в современных языках огромно, это миллионы слов и словосочетаний. Однако эти миллионы распределены между тысячами отраслей знаний и техники и составляют периферию словаря, удаленную от ядра общенародной лексики. В отличие от орфографических реформ, затрагивающих **каждого** пишущего, нововведения в терминологии касаются только специальных и обособленных подязыков профессионалов. Эти подязыки всегда были устроены более рационалистически, чем общий язык. Поэтому здесь легче договориться и легче следовать рекомендациям терминологических комиссий.

Поскольку наука в значительной степени интернациональна, в сфере терминологии и специальных систем обозначений возможны международные договоренности, в особенности о точном содержании и месте в системе тех или иных обозначений.

Таким образом, в целом терминология — это та область языковых явлений, где результаты сознательного воздействия общества на язык наиболее ощутимы и перспективны.

78.3. Сознательное начало в истории литературных языков и типы кодификаций. Когда латынь утрачивала свое значение учено-литературного языка Европы и набирали силу новые (народ-

ные) языки, в Италии и Франции, а позже и в других странах возникали специальные ученые сообщества, призванные «устроить» надлежащим образом народный язык в качестве языка литературного. Этими органами языковой политики были первые европейские академии, которые именно для филологических целей и создавались.

Старейшую в Европе итальянскую академию (основана в XVI в.) называли «Академией отрубей» (*Accademia della Crusca*). Смысл названия в том, что Академия «просеивала язык», как просеивают муку, отделяя отруби. Сходные задачи нормализации языка стояли перед Французской академией: «создать словарь языка» и «начертать его грамматику» (цит. по: Будагов 1974, 49—50). Аналогична языковая программа Российской Академии. В ее первом уставе, написанном княгиней Е.Р.Дашковой (1783), говорилось: «Российская Академия долженствует иметь предметом своим вычищение и обогащение российского языка, общее установление употребления слов **оного**, свойственное оному витийство и стихотворение. К достижению сего предмета должно сочинить прежде всего российскую грамматику, российский словарь, риторику и правила стихотворения» (цит. по: Сухомлинов **М.И.** История Российской Академии / СПб., 1874. С.360).

В языковых программах академий многое было наивно и утопично — например, вера в то, что языковые нормы можно определить «раз и **навсегда**» и что всё будет именно так, как решит Академия. Тем не менее филологические труды первых академий многое определили в характере нормативно-стилистических систем народных литературных языков. При **этом** спустя столетия плоды «просеивания», «защиты» или «устроения» языка нередко оказывались в чем-то неожиданными, непредвиденными.

Л.А.Булаховский так писал об отрицательных последствиях давней и чрезмерно строгой нормализации итальянского языка: «Канонизация языка классиков XIII—XIV вв. (Данте, Петрарки, Боккаччо), сознательное запрещение, большей частью действительно осуществленное, выходить за границы грамматики и даже лексики великих флорентийских мастеров <...> или идеализация в качестве источников пополнения **литературного** языка чужих слов только определенного происхождения (галлицизмов и испанизмов) — всё это в свое время сыграло негативную роль, сузив круг воз-

можностей развития итальянского литературного языка, осудив его на большой отрыв от разговорного языка, приведя <...> к холодной аристократической ограниченности его стилей» (Булаховский 1975, 375).

Подобные расхождения между планами разумного «устройства» языка и фактическими результатами нормирования вполне обычны. Например, в истории чешского языка такими непредвиденными последствиями оказалась искусственно реставрированная архаичность возрожденного литературного языка, его обособленность от обиходно-разговорной речи. В истории сербского литературного языка — некоторая **суженность** его стилистических возможностей. В истории норвежского языка — раскол и хаос, когда необдуманное реформирование привело к конкуренции шести вариантов нормы, два из которых официально признаны литературными норвежскими языками.

Вот как описывает тупик в нормализации норвежского языка **М.И.Стеблин-Каменский**: «Приходилось обучать в школе двум «норвежским языкам»; переводить учебники, **словари**, официальные документы и т.д. на второй «норвежский язык»; переводить классическую норвежскую литературу с одного «норвежского языка» на **другой**, тем самым превращая национальную литературу в переводную; пытаться упорядочить орфографию, фактически приводя ее не к национальному единству, а к все большему хаосу; стремиться преодолеть национальный языковой раскол, в то же время фактически его усугубляя; все время искать выхода из создавшегося трагического положения и бесконечно обсуждать его устно и в печати, в частном порядке и в государственных комиссиях, тратя на споры, в сущности, совершенно **бесплодные**, ту энергию, которая могла бы быть затрачена на создание национальных культурных ценностей» (Стеблин-Каменский 1974, 94).

Периоды наибольшей активности общества по отношению к языку обычно совпадают с периодами своеобразного распутия в истории литературного языка. Прежняя норма уже не отвечает новым тенденциям в употреблении языка, однако и новая норма еще не сложилась, и дальнейшее языковое развитие может пойти по одному из нескольких направлений. В истории русского литературного языка одно из таких распутий — это конец XVIII — начало XIX в.: борьба двух направлений (**шишковистов** и карамзи-

нистов) — и третий, пушкинский, синтезирующий путь. В истории немецкого языка одно из таких распутий — XVIII век: конкуренция верхнесаксонских (майсенских) и прусских (позже берлинских) норм. В истории сербского языка — это первые десятилетия XIX в., когда его развитие могло пойти и по книжно-литературному пути **Обрадовича** и Негоша, и по фольклористическому пути **Караджича** (см. § 54.3.).

Вслед за критическими, поворотными моментами наступает период упрочения победившей модели нормализации. Борьба конкурировавших литературно-языковых школ затихает. Сознательное воздействие общества на язык принимает более спокойный и частный характер: это, скорее, работа по внедрению принятых норм в языковую практику, т.е. борьба за культуру речи. Возможности общества здесь достаточно велики.

Это, во-первых, ряд государственных учреждений, которые в состоянии прямо воздействовать на языковую практику говорящих, — прежде всего школа и затем средства массовой коммуникации, издательства, киностудии, театры и т.п. Ключевые фигуры такого практического воздействия на язык — учитель и редактор. Владение литературным языком является частью их профессиональной подготовки. Их речь, те тексты, которые они строят или санкционируют, служат речевыми нормативами для говорящих. Исправляя и порицая отступающих от нормы, т.е. в сущности вмешиваясь в стихийную языковую практику говорящих, учитель и редактор защищают нормы литературного языка.

Во-вторых, воздействие общества на языковую практику может носить опосредованный характер. Компетентные органы (такие, как Академия Российская под президентством Е.Р.Дашковой, или школьное министерство, или исследовательский институт родного языка) проводят кодификацию норм: составляют нормативные словари, грамматики, создают консультативные службы по вопросам языка и культуры речи. Это своего рода «законодательные органы» языковой политики, в то время как школа и массовая коммуникация — это ее, так сказать, исполнительные и местные органы.

Любые нормы, в том числе и языковые, по своей сути консервативны: они узаконивают сложившееся и признают этот порядок обязательным в будущем. Вместе с тем любые нормы не могут не меняться: неподвижные, окаменевшие нормы **безнадеж-**

но отстали бы и оторвались от той меняющейся жизни, которую они призваны регламентировать. В современной теории культуры речи, восходящей к классическим работам **Г.О.Винокура**, **Л.В.Щербы**, языковедам Пражского лингвистического кружка, признано, что детальная и жесткая кодификация языковых норм и невозможна, и нежелательна. Чрезмерный консерватизм нормы приводил бы ко все большему разрыву между литературным языком, прежде всего его письменными стилями, и живой разговорной речью.

В противовес ригористическим требованиям «исторической чистоты» языка, в Пражском лингвистическом кружке был выдвинут принцип «гибкой **стабильности**» литературной нормы. Гибкая кодификация предполагает, во-первых, замену однозначных и жестких оценок речи (по принципу «правильно» — «неправильно») более тонкими, с учетом функциональной целесообразности тех или иных языковых средств в разных условиях общения. Во-вторых, гибкая, жизнеспособная кодификация внимательна не только к языку классиков, но и к живому современному языку, к тому новому, что возникает в нем сегодня. Это означает, что разумная кодификация не претендует на свою окончательность.

79. Пределы сознательной активности общества по отношению к языку

Самые значительные результаты такой активности связаны с национально-языковой политикой, т.е. с регулированием взаимоотношений между языками в многоязычной и полиэтнической ситуации. Закономерности такой практики, безусловно, сложнее и масштабнее, чем активность людей по отношению к языку в одноязычных ситуациях. Однако обсуждение соответствующих «более простых» фактов (относящихся к одноязычной ситуации, т.е. к «внутренней» языковой политике) помогает понять сами принципы и элементарные механизмы этих процессов.

В условиях **одноязычия** основными объектами сознательного воздействия общества на язык являются: 1) графика и орфография; 2) терминология; 3) нормативно-стилистическая система языка. Между этими объектами есть известная общность.

Во-первых, письмо, терминология и стилистика — это те языковые области, которые в самом своем зарождении наиболее прямо

связаны с сознательно-культурным и искусственным началом в языке. Поэтому и в дальнейшем именно эти области оказались наиболее открытыми для сознательного воздействия людей.

Во-вторых, **речемыслительные** процессы, связанные с письмом, использованием терминологии и нормативно-стилистическим выбором, находятся ближе всего к тем сферам психического, которые в школе Бодуэна де Куртенэ называли «*светлым полем сознания*». Будучи наименее автоматизированными, протекая под большим контролем разума, они способны относительно легко перестраиваться в соответствии с новыми требованиями, продиктованными обществом.

В-третьих, прослеживается известное сходство в «местоположении» письма, терминологии и нормативно-стилистических «добавок» к языковым значениям: это периферия **языка**. В самом деле, письмо — это вторичная надстройка над природной звуковой материей языка, периферия его формы; терминология представляет собой периферийные зоны словаря, специализированные и потому обособленные друг от друга; наконец, нормативно-стилистическая система, в качестве семантической области, которая складывается из таких содержательных компонентов, как «правильное», «неправильное», «разговорное», «книжное», «канцелярское», «просторечное», «высокое», «низкое» и т.п., — это периферия языка по отношению к его семантическому ядру.

В-четвертых, характерна факультативность (необязательность) в конкретном языке письма, терминологии или нормативно-стилистической **обработанности**: в большинстве языков планеты эти явления отсутствуют; в тех языках, где они имеются, они не изначальны.

Таким образом, наиболее глубокие языковые сущности — фонология, грамматика, основной словарный фонд — лежат **вне** досягаемости волевого воздействия на язык. Для тех областей языка, которые могут меняться под таким воздействием, характерны: 1) наибольшая осознанность говорящими; 2) периферийное, как бы поверхностное положение в языке, 3) допустимость вариантов; 4) известная факультативность.

Своеобразие этих сфер языка проявляется в парадоксальном несоответствии между их объективным статусом в языке и «субъективным» отношением к ним **говорящих**. В плане коммуникативной сущности языка, они периферийны и необязательны; однако людьми

они воспринимаются как центральные и наиболее существенные сферы языка. Нормативно-стилистические качества речи, орфография, а также в профессиональной среде терминология — это то в языке, на что люди обращают внимание в первую очередь, что может их остановить, задеть, **взволновать**, вызвать оценочную реакцию («хорошо», «плохо», «красиво», «нелепо», «безграмотно», «безвкусно», «невежественно» и т.п.). Вот почему «покушение» на стилистический узус в литературном манифесте или скромное подновление орфографии говорящие могут воспринять как события, меняющие **весь** язык (хотя в действительности такие реформы лишь слегка затрагивают периферию языка). В то же время наиболее глубокое и существенное в языке — его находящаяся вне стилистики и вариативности структура — пребывает вне сферы действия реформ и вне людских оценок. Создатель кибернетики Норберт Винер, глубоко видевший разную коммуникативную ценность структуры языка и языковой **нормы**, писал: «Совершенно верно, что при утонченном исследовании языка нормативные вопросы играют свою роль и что они являются весьма щекотливыми. Тем не менее эти вопросы представляют последний прекрасный цветок проблемы общения, а не ее наиболее существенные **ступени**»¹².

Сознательная активность людей по отношению к языку наиболее ярко и значительно проявляется в периоды формирования литературных языков или смены одной нормативно-стилистической системы новой нормой. Это воздействие может заключаться в выборе диалектной базы литературного языка; в сознательном отборе определенного корпуса текстов в качестве эталонных, образцовых; в сознательном формировании определенных языковых идеалов, языковых вкусов и привычек говорящих.

Естественно, однако, что в процессе сложения нормативно-стилистической системы весьма значительно и стихийное начало. В сравнении с реформами письма или упорядочением терминологии, формирование литературного языка — это принципиально менее управляемый процесс. В истории литературных языков есть драматизм и есть ирония. История показывает, что программы сознательного воздействия на язык не бывали до конца и вполне осуществлены. В каждой такой программе есть доля утопии. Сдру-

¹² Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. С.99

гой стороны, результаты сознательных усилий во многом оказывались «незапланированными», неожиданными, потому что языковая действительность сложна, противоречива, стихийна и в конечном счете более могущественна, чем это представлялось «устроителям» литературных языков. При этом, чем сильнее и самобытнее письменная традиция, тем **менее** «управляем» литературный язык, тем органичнее и как бы незаметнее, меньше сознательное человеческое «вмешательство» в естественный ход вещей.

В сложившемся литературном языке кодификация в основном ретроспективна: словари и грамматики отражают естественно складывающийся и естественно (и достаточно медленно) меняющийся узус. Если это и можно назвать «регламентацией языка», то она напоминает того мудрого и потому полновластного короля из «Маленького принца» **Антуана де Сент-Экзюпери**, который, дождавшись рассчитанного заранее момента солнечного заката, решительно повелевал, чтобы солнце зашло.

Определяя в известной мере состав языковых средств, образующих норму языка, а также воспитывая языковые вкусы говорящих, общество тем самым воздействует на их языковую практику. В воздействии на речь индивидов заключены возможности опосредованного воздействия общества на структуру языка.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ

80. Как обнаруживают универсалии¹?

Индуктивные и дедуктивные универсалии

Говоря об универсалиях, иногда имеют в виду непосредственно изучаемую реальность — языки мира (**т.е. язык-объект**), иногда — **высказывания** о языке (т.е. метаязык). Соответственно универсалии понимаются по-разному: 1) как **явления** (свойства, характеристики, процессы), присущие всем или почти всем языкам мира; 2) как любое **высказывание**, верное для всех или почти всех языков мира.

Во многих случаях это различие не **важно** — в конце концов за «высказываниями» о реальности мыслится сама реальность. Однако полезно иметь в **виду**, что открытие новых универсалий иногда сводится к переформулированию уже имеющегося лингвистического знания в высказывания, отвечающие логико-стилистическому стандарту «лингвистической универсалии». Например, представления о системном характере языка, его уровне строения и знаковой природе могут быть сформулированы как серии универсалий, вроде **Все языки представляют собой многоуровневые семиотические системы; Любой уровень языка представляет собой систему** и т.п. В универсалии могут быть «развернуты» термины *ассимиляция, диссимиляция, палатализация* и другие обозначения повсеместно наблюдаемых звуковых процессов, ср.: *В истории любого языка бывали / бывают ассимиляции (диссимиляции, палатализации)* и т.п. Некоторые банальные истины формулируются в виде универсалий «для порядка» — чтобы представить весь список универсальных явлений, относящихся к тому или иному уровню, например: **В каждом языке есть гласные и согласные**. И если в этом случае здравый смысл готов спросить: «А как же **иначе?**», то уже относительно «соседей»

¹ Определение и вводную характеристику понятия «лингвистическая универсалия» см. в § 4.

них» фонологических оппозиций вовсе не так все предсказуемо: *Всюду ли есть оппозиция звонких и глухих согласных? А твердых и мягких? Универсальна ли оппозиция передних и задних гласных?*

Однако иногда такого рода высказывания тривиальны только на первый **взгляд** — если не выходить за пределы, допустим, индоевропейских языков. Пестрота языкового ландшафта мира убеждает, что универсальность многих явлений не так уж «сама собой **разумеется**», а то и вовсе обманчива. Банально ли, например, такое утверждение: *В каждом языке есть фонема?* Если принять во внимание, что для языков с жесткими ограничениями в структуре слога и звуковых цепей (например, для японского) основной единицей фонетико-фонологического уровня оказывается не фонема, а слог (см. § 22), то прежде, чем формулировать универсалию, необходимо уточнить понятие фонемы или ограничиться более общей (следовательно, менее содержательной) формулировкой: *В каждом языке есть **смыслоразличительные фонетико-фонологические единицы***. Познавательной ценностью в таком случае будет обладать не универсалия, а сведения о том, что **именно** — фонема или **слог** — является в тех или иных языках основной **смыслоразличительной** единицей.

В зависимости от способа выдвижения (формулирования) универсалий различают универсалии **дедуктивные** (аксиоматические) и **индуктивные** (эмпирические). Дедуктивная универсалия — это теоретическое допущение (предположение) о том, что некоторое свойство X должно быть присуще всем языкам. В такого рода допущениях имеет место дедукция — логический вывод о свойстве отдельных объектов на основании суждения об классе таких объектов. Примеры:

— *Все естественные языки имеют **уровневое строение***.

— *В системе любого естественного языка, а также в речевой деятельности на любом естественном языке имеется **противопоставление центра и периферии***. Речевая деятельность, относимая к периферийной, связана с необычной речевой ситуацией (пение, шепот, крик; речь ребенка, речь иностранца или носителя диалекта, старающегося говорить на литературном языке, речь заики; поэтическая, ритуальная, актерская речь и т.д.; **подробн.** см. Успенский, Живов 1973).

*

— *Всюду есть **гласные и согласные*** (это следует из психофизиологических условий фонации и аудирования).

— *Во всех языках имеются **воспроизводимые семантические единицы, хранящиеся в сознании в готовом виде*** (возможно, уровневая принадлежность таких единиц различна в разных языках: это может быть слово; основа или корень слова; слово и сопровождающие его предлоги и послелог).

Индуктивная универсалия — это некоторое свойство Y, которое обнаружено во всех доступных для наблюдения языках и поэтому считается присущим всем языкам мира. Иначе говоря, свойство отдельных объектов распространяется (индуцируется) на весь класс объектов — все языки мира. Примеры:

— *В каждом языке есть **оппозиция шумных и сонорных***.

— *В каждом языке есть **местоимения***.

Реально в процессах поиска и выдвижения универсалий присутствуют и дедуктивные и индуктивные операции. Дедуктивные универсалии строятся из наблюдений и размышлений над некоторой ограниченной совокупностью конкретных языков и затем индуктивно «проверяются» на более широком языковом материале. Поиск индуктивных универсалий начинается все-таки «маленькой дедукцией» — гипотезой о том, какие свойства языков могут быть универсальными и, следовательно, где стоит искать универсалии. Нередко индуктивные универсалии не только подтверждают, но и конкретизируют, тем самым содержательно обогащают дедуктивные предположения. Так, общенаучные представления из теории информации и связи привели к выдвижению следующей дедуктивной универсалии: *Все естественные языки обладают свойством **избыточности в передаче информации**²*. Позже статистические обследования текстов на разных языках позволили существенно конкретизировать данную универсалию. Оказалось, что **мера избыточности языков также универсальна: в аспекте плана выражения (предсказуемости букв или фонем) она составляет 60—70 %** (что и создает помехоустойчивость и тем самым — надежность языков в передаче информации).

² О понятии «избыточности», проявляющейся в частичной предсказуемости тех или иных элементов поступающей информации вследствие дублирования некоторых компонентов любого передаваемого сообщения, см. § 12 («Язык, речь и два вида памяти»).

Не раз указывалось, что познавательной ценностью обладают только индуктивные универсалии, в то время как дедуктивные — это выводы или следствия из уже имеющихся общетеоретических представлений о языке, т.е. не новое знание, а лишь по-новому представленное знание. По сути дедуктивные универсалии — это заключенные в форму универсалий некоторые ключевые высказывания, как бы извлеченные из общей «связной» теории языка. Иначе говоря, выдвижение дедуктивных универсалий — это проблема не поиска знания о языке, а презентации знания. В дальнейшем изложении, если специально не оговаривается, речь идет об индуктивных универсалиях.

81. Принципы систематизации универсалий

Количество индуктивных универсалий превышает несколько сотен **высказываний**³. Наиболее полный список универсалий (в табличной записи, на русском языке) см. в работе: Успенский 1965, 182 — 222; дополнение в издании: Языковые универсалии 1969, 332 — 340. В этих сводах универсалии систематизированы в зависимости от уровня языковой структуры, к которому они относятся. Уровневая систематизация универсалий представлена и в этом пособии (§§ 87 — 90).

Уровневая классификация универсалий — это наиболее **органическая** и поэтому содержательно полезная (информативная) для языкознания систематизация. Однако имеются универсалии, которые относятся сразу к нескольким уровням (например, к морфологии и синтаксису, т.е. к грамматике в целом; или к плану содержания грамматики и лексики, т.е. к языковой семантике в целом). Примером таких **«сверхуровневых»** или **«надуровневых»** универсалий может быть фундаментальная закономерность в грамматической (частеречной) организации словаря: *в каждом языке имеются части речи, т.е. естественные классы слов с одинаковыми или сходными морфологическими и синтаксическими признаками и возможностями; при этом, однако, в разных языках*

³ Что касается дедуктивных универсалий, то их можно насчитать столько, сколько имеется абзацев (или лингвистических терминов) в той или иной книге по теории языка.

*степень четкости в распределении слов по частям речи может быть разной*⁴.

Исключительно информативны универсалии **«межуровневого»** характера, т.е. такие, в которых увидены зависимости между закономерностями в организации разных языковых уровней. Такого рода универсалии, указывающие на связь разноуровневых явлений, называют **корреляционными**. Ср., например, корреляционную универсалию о зависимости между лексической семантикой глаголов и их залоговыми свойствами: *В любом языке подавляющее большинство глаголов с общим значением 'создавать' или 'уничтожить' по своим формально-грамматическим свойствам являются переходными глаголами* (И.Ш.Козинский).

В идеале **уровневая** систематизация универсалий могла бы **предстать** в виде своего рода «универсальной грамматики» — «очерка» языка-эталона (см. § 92), т.е. экспликации инвариантной структурно-семантической схемы (чертежа, плана) всех языков мира.

Для понимания природы общности языков важны классификации универсалий, в которых универсалии группируются в зависимости от источника (причины) тех или иных межъязыковых сходств. Ср. номенклатуру таких источников (предложенную в работе Гэсс, Ард 1989): *физическая основа, перцептуальная основа, когнитивная основа, метод освоения языка, нейронная основа употребления языка, интеракциональная основа, диахроническая основа.*

⁴ Ср. разную четкость классификаций слов по частям речи в русском и английском языках. Рус. *камень, каменный, каменеть* — три разные лексемы, относящиеся к трем разным частям речи; между тем англ. *stone* — одна лексема, которая в зависимости от контекста может означать или **‘камень’**, или **‘каменный’**, или **‘облицовывать, мостить камнем’** (примерно так же, как рус. *рабочий* или *обвиняемый* могут быть то прилагательными, то существительными). Однако, наряду с грамматической «тройственностью» англ. *stone* (как и многих других английских лексем — ср. *flower, flush, glass, grass, lip* и др.), есть тысячи слов с четкой частеречной принадлежностью (так, если *just* — это и прилагательное **‘справедливый’** и наречие **‘точно, как раз’**, то его дериваты *justice* **‘справедливость’** — только **существительное**, *justify* **‘оправдывать’** — только глагол, *justiciable* **‘подсудный’** — прилагательное, а *justly* **‘справедливо, законно’** — наречие). Именно такие слова и задают каркас грамматической классификации английской лексики. О своеобразии систем частей речи в языках Азии, Африки и Океании см. в книге: Части речи 1990.

Помимо уровневого и этиологического (причинного) принципов систематизации универсалий, существуют **классификации**, построенные по некоторым другим признакам — методологическим, формально-логическим, количественным: 1) дедуктивные и индуктивные универсалии (см. § 80); 2) полные (или абсолютные) и статистические универсалии (или «почти-универсалии»), см. § 82; 3) простые и **имплекативные** универсалии (см. § 83); 4) универсалии, относящиеся к структуре языка (в сосюрсовском смысле), и универсалии, относящиеся к речи (речевые универсалии), см. § 85; 5) универсалии, относящиеся к статике языка, и универсальные закономерности в исторических изменениях языков (диахронические универсалии), см. § 86.

82. Виды универсалий в зависимости от степени универсальности: абсолютные и статистические универсалии

Среди индуктивных универсалий нет ни одного утверждения, адекватность которого была бы эмпирически проверена на материале всех **4—5** тысяч языков Земли. Индукция в лингвистике универсалий, конечно, никогда не была полной.

Знаменитая работа Джозефа Гринберга **1962** г. о 45 грамматических универсалиях (Гринберг **1970**) написана по данным для 30 языков (однако практически всех языковых семей). В базе фонологических данных Калифорнийского университета есть сведения о 317 **языках**⁵. Н.К.Соколовская обнаружила 50 семантических универсалий в системе личных местоимений на материале более 400 языков (Соколовская 1980). Работа **М.Рулена** (Ruhlen) об универсалиях в сфере носовых согласных и гласных основана на материале 700 **языков**⁶.

Тем не менее говорить о полных и неполных универсалиях имеет смысл. Во-первых, даже на этом ограниченном материале обнаружены универсалии, которые не имеют исключений (их и называют **полными**, или **абсолютными**), и **статистические** (веро-

⁵ Crystal D. The Cambridge encyclopedia of language. Cambridge University Press, 1989. P. 165.

⁶ An Encyclopedia of Language. Ed. by N.E.Collinge. London — New York, 1990. P. 299.

ягностные) универсалии, или «почти-универсалии», формулировки которых сопровождаются указанием на одно-два или три-четыре **языка-исключения**⁷. Именно в кругу «абсолютных» универсалий окажутся со временем те универсалии, которые релевантны действительно для тысяч языков, причем таких универсалий не так уж мало.

Во-вторых, статистические, или вероятностные универсалии, «более осторожные» (по выражению **Вяч.Вс.Иванова**), в познавательном отношении не менее интересны, чем абсолютные. Они очень информативны, потому что показывают ту грань, где языки балансируют между «обязательным» и «типичным». Среди статистических универсалий нет тривиальных утверждений. Примеры абсолютных универсалий:

— Во всех языках есть местоимения.

— Во всех языках имеются модальные значения (**У.Вайнрайх**).

— В системе личных местоимений обязательно различие **1-го**, **2-го** и **3-го** лица (т.е. участников и **не-участников** коммуникативного акта, а также говорящего и **слушающего**).

— Если есть противопоставление по числу у **существительных**, то это же противопоставление есть и у местоимений (Языковые универсалии 1969, 335).

— Количество противопоставлений по категории лица у притяжательных местоимений или притяжательных аффиксов не выше, чем то, которое имеется у личных местоимений (Соколовская 1980, 98).

Примеры статистических универсалий:

— Почти во всех языках имеется не менее 2 гласных фонем. Исключения: **язык** аранта в Австралии, **тонкава** (индейский язык), абазинский (кавказская семья). Согласно **ларингальной** гипотезе Ф.Соссюра, один гласный был в раннем индоевропейском **языке**⁸.

— В большинстве языков имеется носовой согласный. Исключение: три языка **салишской** группы (Успенский 1965, 191).

⁷ Впрочем, наиболее осторожные типологи предпочитают, применительно даже к абсолютным универсалиям, говорить не обо **всех** языках, но об их подавляющем большинстве, определяя это большинство в 90 % от генеральной совокупности в 5 тысяч языков (**Козинский** 1985). Если исключений достаточно много, то такие типологические закономерности иногда называют **фреквенталиями** (лат. *frequens* — частый).

⁸ См. статью **Г.С.Клычкова** «Моновокализма гипотеза» в ЛЭС 1990.

— Если есть противопоставление по роду у существительных, то это же противопоставление есть и у местоимений. Исключение: некоторые дагестанские языки (Языковые универсалии 1969, 335).

— Если есть различие по роду в 3-м лице ед.ч., то это различие имеется и во 2-м лице ед.ч. Исключение: ряд языков Нигерии (Успенский 1965, 213).

Тройственная оппозиция полных универсалий, «почти-универсалий» и **фреквенталий** позволяет увидеть вероятностную (статистическую) иерархию закономерностей универсальной структуры человеческого языка (т.е. «Языка **Человека**»): 1) увидеть, что в языке абсолютно необходимо; 2) без чего язык «почти» невозможен (но, значит, все-таки **возможен!**); 3) что достаточно типично, но все же необязательно, «можно и обойтись»; 4) что в языках встречается крайне редко (это как раз то «обратное» явление, которое представлено в **языках-«исключениях»** из «почти-универсалий», — например, вокализм, в котором одна гласная фонема).

83. Виды универсалий в зависимости от их логической формы: простые и имплицитивные универсалии

Простые, или элементарные универсалии — это высказывания вида: *В каждом языке имеется явление А*. Имплицитивные универсалии (или **импликации**⁹) — это высказывания с условной придаточной частью, в которых констатируется взаимосвязанное наличие двух языковых явлений. Имплицитивные универсалии формулируются в следующем виде: *В каждом языке, если имеется явление А, то имеется и явление Б*. Имплицитивные универсалии, как и простые, могут быть полными или статистическими. Ср. примеры:

— Если имеется музыкальное ударение, то отсутствует оппозиция согласных по мягкости-твердости (поскольку музыкальное ударение — это черта вокалических языков, а различение твердых и мягких согласных предполагает развитый консонантизм. Первым эту закономерность отметил Р.О.Якобсон, еще в 30-х годах).

— Если имеется противопоставление по роду у существительных, то такая же оппозиция есть и у местоимений.

⁹ В логике *импликация* (от лат. *implico* — тесно связываю) — это операция, образующая сложное суждение из двух исходных суждений посредством логической связки, соответствующей союзу *если... то...*

— Если в порядке слов преобладает постановка глагола перед субъектом и объектом, то обязательно наличие предлогов.

— Если у прилагательного имеется категория рода, и/или категория числа, и/или категория надежда, то соответствующие категории имеются и у имени (Ю.В.Рождественский, см. Языковые универсалии 1969, 337).

В познавательном отношении особенно ценны те имплицитивные универсалии, которые отражают межуровневые корреляции (взаимозависимости между закономерностями строения разных уровней языковой структуры). Вот некоторые из них:

— Если слогоделение значимо (т.е. деление текста на слоги совпадает с его морфемным членением), то в таком языке отсутствует надежда (Е.Д.Поливанов).

— Если возможна постановка субъекта после глагола и субъекта после объекта, то в таком языке есть надежда.

— Если есть категория определенности /неопределенности, то в речи возможно использование порядка слов как способа различения «данного» (ближе к началу предложения) и «нового» (ближе к концу).

Имплицитивные универсалии нередко используются в качестве удобной синтаксической конструкции, служащей для указания на различия в относительной частотности двух явлений. Ср.:

— Если есть подчинительная связь, то есть и сочинительная (иначе говоря, сочинение встречается по языкам мира чаще, чем подчинение).

— Если есть словоизменятельная морфема, то есть и словообразовательная (т.е. словообразование встречается шире, чем словоизменение).

— Если **есть** категория рода, то есть и категория числа (эту закономерность можно сформулировать в виде сопоставления: *категория числа встречается чаще, чем категория рода*; применительно к существительным эта же закономерность может быть выражена так: *если у существительного есть хотя бы одна грамматическая оппозиция, то это оппозиция числа*). Ср. аналогичную универсалию, касающуюся глагола: *Если в сфере глагола имеется хотя бы одна словоизменятельная оппозиция, то это оппозиция времени*.

84. Семиотические универсалии (универсалии, обусловленные принадлежностью языка к знаковым системам)

По определению, эти универсалии должны быть абсолютными (полными) — поскольку это черты, присущие любому (этническому) языку. В кругу семиотических универсалий есть как

дедуктивные постулаты, так и эмпирически наблюдаемые черты Языка (т.е. единого на всех широтах и под всеми флагами Языка людей). Вот некоторые из них:

— Для любого языка характерно двоякое членение текста, т.е. минимальные единицы плана выражения и плана содержания не совпадают (ср. членение на фонемы слова *стена*: <с-т-е-н-а> и членение этого же слова на морфемы: *стен-а*). Эта универсалия является эмпирически доказуемым выражением постулата об уровне строении языков.

— В каждом языке есть знаки, характеризующиеся первичной мотивированностью означающего: это, во-первых, знаки-индексы (таков характер связи означающего и означаемого в междометиях); во-вторых, знаки-копии (это разного вида знаки изобразительного, в терминологии Ч.Пирса, иконического характера: звукоподражания и их дериваты, имитативы, **идеофоны**¹⁰, **диаграмматические** черты порядка слов и др.).

— В каждом языке преобладают знаки, характеризующиеся отсутствием первичной мотивированности (т.е. большинство знаков составляют не индексы и не копии, а знаки-символы, в терминологии Чарлза Пирса).

— Язык передается в процессе социализации человека путем обучения и научения (в широком смысле), а не по наследству.

— Языковые сообщения могут быть, с точки зрения логики или здравого смысла, ложными или бессмысленными. Чарлз Хоккет назвал эту универсалию человеческого общения *уклончивостью*. «В мире животных сознательное искажение истины, видимо, крайне редкое явление [...] Следует отметить также, что без признака, названного здесь «уклончивостью», невозможна формулировка гипотез» (Хоккет [1961] 1970, 58).

— Универсальна возможность мысли и речи о языке с помощью его же лексико-грамматических средств. Это свойство языка, названное Хоккетом *рефлексивностью*, является предпосылкой **метаязыковой** функции речи.

— Любой человеческий язык может быть выучен любым человеком.

— Каждый язык обладает своей системой **паралингвистических** средств (жесты, мимика).

¹⁰ Лексико-грамматические группы звуко-символической лексики, близкие к частям речи. См.: Журковский Б.В. Идеофоны: Сопоставительный анализ. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1968; Корнилов Г.Е. Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984.

85. Языковые и речевые (психолингвистические) универсалии

В силу очевидной глобальности предмета типологии и лингвистики универсалий, представляется естественным, что в плане **сосюровской** оппозиции «язык — речь», большинство формулируемых универсальных закономерностей относится именно к «языку» — т.е. к инвариантной знаковой структуре. Вместе с тем для понимания глобальных черт языка (как объекта лингвистики) существенны также и универсальные закономерности реализации языка в **речи**, т.е. закономерности речевой деятельности, включая наблюдаемые черты устной и письменной речи.

Наиболее глубокие психолингвистические закономерности (такие, как закономерности восприятия и порождения речи; закономерности усвоения языка и развития детской речи; закономерности овладения вторым языком; закономерности в протекании речевых расстройств и др.) носят заведомо общечеловеческий характер и могут быть представлены в виде серий высказываний с универсальной отнесенностью. В теории речевой деятельности есть работы, в которых **весь** объем представлений о предмете мыслится в качестве корпуса психолингвистических универсалий¹¹.

За пределами психолингвистики к речевым универсалиям относят **наблюдаемые** (а не глубинные) особенности устной и письменной речи, универсальность которых подтверждена эмпирически. Некоторые из таких универсалий сформулировал Б.А.Успенский (см. Языковые универсалии 1969, 339—340):

— В каждом языке существует инверсия (непрямой порядок слов) как способ логического или эмоционального выделения части содержания.

— В речи всегда можно построить общий вопрос без инверсии.

— Если есть категория определенности /неопределенности, то возможно использование порядка слов как способа различения «данного» (ближе к началу предложения) и «нового» (ближе к концу).

— В речи всегда возможно паратактическое (бессоюзное и / или сочинительное) соединение предложений.

¹¹ Ср. характерное исследование Гэсс, Ард 1989, в котором обсуждаются не отдельные универсалии, но целые классы универсалий, дифференцированные в зависимости от источника (природы) общности. Подробнее см. выше, § 81.

Для разговорной речи (в отличие от кодифицированной письменной речи и официальной устной речи) характерны такие черты:

- Более быстрый темп.
- Большая употребительность синтаксических структур, произносимых с повышением интонации.
- Значительная деформация синтаксических структур (известных по описаниям кодифицированного языка) из-за сближения с «естественным» развертыванием высказывания (о «естественном» порядке слов см. § 35)
- Высокая частотность лексических **актуализаторов** (*А он что? обещал **зайти**?: У вас электрички как? всегда с опозданием **приходят**?*).
- Устное вербальное общение осуществляется с **бульшим** или меньшим использованием **паралингвистических средств** (*жесты, мимика*).
- Распространенность контаминации, самоперебивов, «не достроенных» (в семантико-синтаксическом отношении) высказываний.

Психолингвистика, обращенная к индивидуальному языковому сознанию людей и к процессам речевой деятельности индивидов, обнаруживает закономерности не только надындивидуального, но и **надэтнического** характера, т.е. универсалии. В этом нет парадокса, поскольку **речемыслительные** механизмы сознания и латентные (скрытые) процессы порождения и восприятия текста определяются общечеловеческими **нейропсихологическими** закономерностями. По-видимому, многие понятия психолингвистики и теории коммуникации не только допустимо, но и предпочтительно формулировать в виде универсалий. Ср., например, понятия о пресуппозиции и **постсуппозиции**¹², представленные как универсалии: *Адекватное восприятие сообщения на любом языке, во-первых, предполагает наличие у коммуникантов набора общих сведений (знаний), не выраженных в сообщении в явной форме; во-вторых, порождает или актуализирует корпус таких сведений.*

Универсальный характер носят также некоторые закономерности ассоциирования: в условиях информационных перегрузок (например, при ускоренном поступлении информации) результаты ассоциативных тестов по своей произвольности и непредсказуемости больше напоминали реакции шизофреников, чем обычных людей.

¹² Традиционно определяются в качестве имплицитной информации, извлекаемой в актах коммуникации на уровнях не ниже высказывания; при этом пресуппозиция ретроспективна, а постсуппозиция проспективна (Никитин 1997, 668—671).

85.1. Общечеловеческие различия между речью мужчин и женщин. В первобытной древности в рамках племенных языков существовали групповые варианты (подъязыки) — мужские, женские, а также юношеские и девичьи в период инициации (иногда в значительной мере тайные). Дело в том, что биологические различия людей по полу определяли общественное разделение труда в значительно большей мере, чем в последующей истории человечества. Мужские и женские языки различались прежде всего словарем. Охотничью или строительную лексику лучше знали мужчины, а лексику домоводства — женщины,

С течением времени социальные функции мужчины и женщины медленно, но верно сближались, однако и позже различия между мужской и женской речью во многом сохраняются. Женская речь более консервативна (неслучайно диалектологи стремятся наблюдать именно речь женщин, особенно изучая синтаксис). В словаре женщин больше эмоционально-оценочных слов, прежде всего уменьшительно-ласкательных, больше эвфемизмов. Вместе с тем женщины чаще, чем мужчины, выражают эмоции не словом, а интонацией.

Стилистически мужская речь более разнообразна и контрастна, чем женская: некоторые мужчины говорят и пишут предельно книжно — речь женщин не бывает настолько книжной. Однако женская речь не бывает и в такой мере стилистически снижена, так насыщена бранной экспрессией и вульгаризмами, как мужская речь в некоторых социальных слоях общества. Женская речь в целом стилистически более однородна, нейтральна и более нормативна. Женщины более чутки к речевой моде и чаще перенимают престижные варианты; в их речи чаще встречаются гиперкорректные варианты.

Мужская речь (естественно, при сопоставимости темы и условий общения) сложнее по синтаксису и более насыщена интеллектуально. Обычная (нейтральная) женская речь содержит больше **эмоционально** маркированных элементов и интонационно более **разнообразна**, чем нейтральная речь мужчин. Однако эмоциональная речь мужчин отличается от нейтральной речи сильнее, чем женская эмоциональная речь.

В фонетике различия между мужской и женской речью иногда касаются состава фонем. Например, до сих пор в некоторых русских говорах только в женской речи наблюдается так называемое

«сладкогласие» — произнесение вместо звука [p] звука [й]: **бйат, бейо́за** (брат, береза). Для фонации мужчин в целом характерен меньший раствор рта; их гласные менее отчетливы и прагматически менее выразительны, чем гласные в женской речи. Зато в речи мужчин более отчетливы и выразительны согласные. Для фонетики женской речи характерно более активное участие губ (в сравнении с мужской артикуляцией тех же губных звуков)¹³.

Особенно информативны те закономерности в различиях между мужской и женской речью, которые включают не только универсальные черты, но и их уточнения или вариации по отдельным языкам. Например, общеизвестно, что для женской речи на любом языке характерны более высокие частоты, чем для мужской речи. Информативна, однако; следующая конкретизация: максимально высотный диапазон присущ женским голосам Дальнего Востока, в то время как для голосов европейских женщин характерен средний или низкий высотный диапазон. Средняя высота мужских голосов снижается по языкам в таком направлении: романские языки, русский, немецкий (Потапов 1997[a], 60).

85.2. **Универсалии детской речи.** Основные закономерности становления речи человека не зависят от его этнического языка и носят универсальный характер. С учетом соответствий между онтогенезом речи и историей языка наиболее интересны универсалии, связанные с **относительной** хронологией формирования тех или иных сопоставимых единиц, подсистем, структур и функций, составляющих речевую способность человека. Приведем примеры универсалий, относящихся к онтогенезу речи.

— *У детей до трех лет первичная артикуляционная группа превышает фонему.*

— *В детской речи различение гласных по подъему появляется раньше, чем различение гласных по ряду.*

— *Передние согласные (губные и переднеязычные) появляются раньше, чем непередние (средне- и заднеязычные).*

— *В детском лепете¹⁴ псевдослова (подобия слов на первом году*

¹³ Недаром в русском языке возникли* выражения *губки бантиком держать, складывать губки сердечком* — о манерной, кокетливой или утрированно женственной речи.

¹⁴ *Лепет* — терминологическое обозначение второго этапа (после гуления) в доречевом периоде становления речи (в первый год жизни).

жизни — тата, нана, дада, мама, баба и т.п.) представляют собой повторы (редупликации) слогов модели CV (консонант+гласный, причем, обычно открытый) и, как правило, хорейчны (имеют ударение на первом слоге).

— *Личные местоимения появляются в детской речи значительно позже частотных полнозначительных слов.*

— *Понимание общих вопросов формируется в более раннем возрасте, чем понимание утвердительных (повествовательных) высказываний.*

— *Явления фатической коммуникации наблюдаются раньше, чем восприятие и порождение логически дискретных сообщений.*

— *Проявления эмоционально-эстетического отношения к языку наблюдаются раньше, чем метаязыковая рефлексия.*

86. Статические и динамические (диахронические) универсалии

Поскольку универсалии понимаются как свойства, присущие любым языкам «всех времен и народов», то невозможно говорить о «синхронических универсалиях» — в той же мере, в какой избегаются оксюмороны вроде *универсалии английского языка* или *жареный лед*. Универсалии по определению **панхроничны**.

В лингвистике универсалий учет «фактора времени» возможен только на основе оппозиции, лежащей в иной плоскости — не синхрония-диахрония, а статика-динамика. Большинство универсалий, констатируя наличие определенных свойств и явлений в любом языке мира, представляют собой характеристики языков в статике.

Однако универсальные свойства языков не ограничиваются статикой. Существенная часть в списке общих черт всех языков относится к языковой динамике, т.е. к закономерностям протекания различных процессов в языках — то ли на «макроуровне» истории языков, то ли на «микроуровне» становления речевой способности человека, то ли в ежедневной динамике речевой деятельности — в процессах производства и восприятия речи.

Закономерности филогенеза и онтогенеза, как известно, в главном совпадают и коррелируют с закономерностями речевой деятельности и статической организации языка. Вот пример такой корреляции в аспекте универсалий: 1) в истории языков пассивные (страдательные) формы и конструкции формируются позже

активных (действительных) форм и конструкций; 2) такая же последовательность формирования активных и пассивных форм наблюдается в развитии речи ребенка (т.е. в онтогенезе речевой деятельности); 3) при афатических нарушениях речи активные конструкции дольше сохраняются, чем пассивные, и соответственно раньше восстанавливаются при выздоровлении; 4) в любом языке имеются активные синтаксические конструкции (т.е. конструкции, в которых подлежащее и субъект действия совпадают), в то время как пассивные конструкции (подлежащее является не субъектом, а объектом действия) имеются далеко не во всех языках.

Универсальные закономерности динамики языка затрагиваются, с одной стороны, в диахроническом языкознании, а с другой, — в психолингвистике и в исследованиях по детской речи (но именно затрагиваются, а не являются их темой). Однако в той мере, в какой теория речевой деятельности и диахроническое языкознание представляют собой теоретические дисциплины, — в той мере в них ставятся вопросы об общечеловеческих (универсальных) чертах изучаемых процессов. Что касается лингвистики универсалий, то пока общие закономерности языковой динамики или диахронии не включаются в списки универсалий: останавливает принципиально вероятностный характер таких закономерностей. Они слишком зависимы от стихии социально-культурной истории, нередко носят слишком широкий, сложный, неформальный характер, их трудно предсказать.

Е.Д. Поливанов писал, что случаев переходного смягчения согласных (разного вида палатализации) или **спирантизации** «можно набрать сколько угодно» — по числу языков. Однако интенсивность, **регулярность**, с какой происходят эти спонтанные звуковые процессы, изменчива: в одни эпохи — это «законы», почти не знающие исключений (как смена времен года), в другие — «тенденции» (как дожди в октябре), в третьих — «случайность» (как оттепель в январе). В сравнении с четкими статическими универсалиями, все это слишком хаотично.

Морис Сводеш указал универсальные константы в скорости изменения словаря: 200 самых важных и частых слов основного словарного фонда за 1000 лет в любом языке обновляются на 20 % (Новое в лингвистике, **вып. 1, 1960**, 53 — 87). Однако никто не предскажет судьбу конкретного слова из этих двухсот — сохранится оно в языке или нет.

Метафора и метонимия — универсальные семантические процессы. Но сегодня никто не **определит**, у каких именно слов через 100 лет появятся новые переносные значения.

В диахронии скорее всего не удастся сформулировать универсалии так же четко, как в списках статических универсалий. Тем не менее поиск универсальных закономерностей в истории языков продолжается. По-видимому, можно говорить о трех основных родах диахронических универсалий: во-первых, это универсальные закономерности в «технике» диахронии, т.е. в самих принципах и механизмах языковых изменений; во-вторых, **«точечные»** изменения, известные любым языкам (вроде ассимиляций или аналогических выравниваний в историях морфологии); в-третьих, известная общность в направлении языковых изменений.

1. Универсалии в «технике» языковых изменений связаны с ответом на вопрос, почему и как изменяется язык. «Механизмы» истории языков едины. Универсальна сама способность и готовность каждого языка изменяться «в ответ» на изменения в потребностях общения и познания. Универсальна вероятностная природа языковых изменений, а также соотношение **стохастичности** (беспорядочности, случайности) и детерминированности в языковых процессах. Эти наиболее общие универсалии реализуются в более частных закономерностях, носящих, однако, также универсальный характер (например, закономерности перерастания речевых изменений в языковые; неравномерность изменений разных языков; медленность изменений грамматики в сравнении с изменениями в словаре; подверженность изменениям в первую очередь более слабых участков системы и т.п.).

Примеры универсалий такого рода:

— *Степень предрасположенности значений к замене морфем есть универсалия*; наиболее устойчивы в языках мира морфемы со значением 1-го и 2-го лица; на втором месте по устойчивости — вопросительные местоимения со значениями **‘кто?’** и **‘что?’**; на третьем — наименования некоторых частей тела (ухо, глаз, зуб, сердце, рог и т.д.); затем — морфемы отрицания и запрещения (**‘не’** и **‘нельзя’**); далее — корни, связанные с обозначением воды и солнца (**Долгопольский 1965**).

— *Ассимилятивные изменения происходят чаще, чем диссимилятивные* (**Г.Хёнигсвальд**).

— *Регрессивная ассимиляция имеет место чаще, чем прогрессивная* (**Г.Хёнигсвальд**).

2. Класс универсальных «точечных» изменений объединяет процессы, которые могут носить относительно изолированный и частный характер (ср. метатезу в рус. *ладонь* из праслав. **dolнь*), но могут быть и одним из проявлений более широких и общих диахронических закономерностей («диахронических констант»). В фонетике-фонологии это всевозможные факты ассимиляции, диссимиляции, палатализации, аккомодации; эпентезы, метатезы, элизии; дифтонгизации гласного, диерезы дифтонга и его монофтонгизации; явления ротацизма, ринезма, йотации, спирантизации, дезаспирации; смещения ударений и т.п. В сфере грамматики и словаря — грамматикализация (например превращения сочетаний модального, фазового или экзистенциального глагола с инфинитивом или причастием в глагольную форму), **лексикализация**, морфемная или семантическая деривация, лексические заимствования; опрощение, переразложение, деэтимологизация; **фразеологизация** и некоторые другие.

3. Универсалии, относящиеся к содержанию изменений, отвечают на вопрос о том, куд **а**, в каком направлении развиваются языки. Общее в направлении языковых изменений носит социолингвистический характер (см. § 91 «Социолингвистические универсалии»).

87. Фонетико-фонологические универсалии

Прежде чем привести примеры универсальных закономерностей в звуковой организации языков, укажем на два факта, сокращающих список фонетико-фонологических универсалий: 1) В большинстве языков Китая и Юго-Восточной Азии основной смысловозначительной единицей является слог, а не фонема, при этом полного аналога фонеме в этих языках (их называют слоговыми), по-видимому, нет. Е.Д.Поливанов обозначал основную единицу китайской фонологии термином **силлабема** (Поливанов 1991, 417). 2) Не является универсалией словесное ударение. Нет ударения в палеоазиатских и некоторых тунгусо-маньчжурских языках: здесь общая **супraseгментная** «окраска» характеризует не отдельный слог, а несколько **полнозначных** грамматически связанных слов, образующих цельное словосочетание (Зиндер 1979, 262; Широков 1985, 86). Во французском языке фиксированное ударение на последнем слоге характеризует не слово, а **ритмическую** группу

(т.е. это не словесное ударение в терминологическом смысле), на что указывал еще Шерба (Зиндер 1979, 262).

Что касается собственно фонетико-фонологических универсалий, то они достаточно информативны и в сочетании с разделом «Фонетико-фонологическая типология языков» (§§ 20—25) могут составить содержательную характеристику звукового устройства языков мира.

Вот некоторые универсалии:

— *Количество фонем в языках мира располагается в интервале от 10 до 81.* «Фонологический минимум» — 10 фонем — отмечен в одном из индейских языков бассейна Амазонки (Иванов 1988, 118). 81 фонема в одном из говоров абхазского языка (Успенский 1965, 198). Таким образом, среднее количество фонем — 40 — 50 единиц.

— *Если имеется одна оппозиция гласных, то это оппозиция по высоте подъема языка* (т.е. открытых и закрытых гласных), а не оппозиция по ряду (передних и задних или непредних гласных).

— *В большинстве языков имеется оппозиция открытых и закрытых гласных, однако ни один язык не различает более 6 признаков (ступеней) по открытости-закрытости гласных.* (Например, в современном немецком таких ступеней 6, в английском и французском по — 4, в русском — 3).

— *Количество гласных нижнего подъема не превышает количества гласных среднего и верхнего подъема.*

— *Консонантный минимум (имеющийся в каждом языке) составляют согласные 3 классов: 1) взрывные <p>, <t>, <k>; 2) фрикативный <s> или <h>; 3) сонорные: обязательно <j>, хотя бы один плавный <r> или <l>, хотя бы один носовой <n> или <m>, причем если имеется только один носовой, то это <n>.*

— *В каждом языке есть слоги модели C Г, т.е. согласный+гласный* (это оптимальная структура слога, с максимальными возможностями опознания и для согласного и для гласного).

— *Если в языке есть слоги модели CCG, то есть и слоги модели CCG* (иначе говоря, слоги с 2 согласными подряд более обычны и часты, чем слоги с 3 согласными).

88. Морфологические универсалии

В кругу морфологических универсалий некоторые относятся к закономерностям **строения** форм и слов; другие — к области грамматической с е м а н т и к и (последние можно было бы

отнести к грамматико-семантическим универсалиям; включив в эту группу семантические универсалии из области синтаксиса и объединив с лексико-семантическими, можно было бы получить класс семантических универсалий). Некоторые примеры:

— Средняя протяженность некорневых морфем не **больше**, чем корневых.

— Корневая морфема не может иметь нулевую форму выражения.

— Во всех языках существует распределение лексики по грамматическим разрядам (частям речи). Однако при этом степень определенности, четкости классификации слов по частям речи существенно различна: больше в синтетических языках, меньше в аналитических и особенно изолирующих языках.

— Основной оппозицией в грамматической классификации словаря является противопоставление имени и глагола.

— В языках мира самой частой из именных категорий является категория числа.

— В языках мира самой частой из глагольных категорий является категория времени.

— Во всех языках есть местоимения.

— Во всех языках с помощью местоимений и / или глагольных форм различаются три грамматических лица (или, как в более общем плане формулировал Ч.Хоккет, в грамматике любого языка есть элемент, обозначающий говорящего, и элемент, обозначающий слушающего).

— У неединственных чисел форм словоизменения **меньше**, чем у единственного числа; одна из конкретизирующих универсалий: если имеется оппозиция по роду во множественном числе, то эта же оппозиция проводится и в формах единственного числа.

89. Синтаксические универсалии

Большинство синтаксических универсалий касается средств связи между компонентами сообщения и порядка взаиморасположения компонентов.

Тадеуш Милевский еще в 1963 г. указал на то, что в каждом языке, помимо личных местоимений, есть местоимения (или местоименные слова), служащие для отсылки к некоторым компонентам (частям) высказывания. При этом **анафорические** мес-

Синтаксические универсалии

тоимения, отсылающие **назад**¹⁵, к предшествующим компонентам (ср.: *Лучше приходи пуговицу, это же быстро; Уже поздно, поэтому не ходи*), имеются во всех языках. Таким образом, наличие анафорических местоименных (указательных) средств — это универсалия. Между тем, отсылки **катафорические**¹⁶, «указывающие вперед по линии текста» (Милевский), являются типологически более поздними, они имеются не во всех языках и исторически обычно **производны** (вторичны) по отношению к анафорическим. Еще позже формируются и далеко не во всех языках встречаются такие отсылочные слова, которые одновременно и отсылают к предшествующему компоненту сообщения, и указывают на последующий компонент, как бы предвосхищая его появление. Так, в высказывании *Matka szukała ojca, który właśnie rabał siekiera*, т.е. *Мать искала отца, который как раз рубил дрова* (пример Милевского) относительное местоимение (союзное слово) *который*, во-первых, отсылает и к предшествующему слову (*отец*) и, во-вторых, предсказывает появление некоторой новой информации '**об отце**' в последующей части высказывания (именно в придаточном предложении). Относительные местоимения, таким образом, сочетают в себе функции и указательных (анафорических) и вопросительных (**катафорических**) местоимений. Относительные местоимения, будучи сравнительно поздней строевой категорией синтаксиса, известны не всем языкам; например, их нет в алтайских языках, в языках американских индейцев (Милевский 1963, 23, 29).

Помимо анафорической связи (имеющей место во всех языках), отметим следующие синтаксические универсалии:

— Во всех языках так или иначе различаются тема и рема сообщения.

— В каждом языке существует сочинительная связь.

— В любом языке имеются союзы.

¹⁵ Анафорический (от греч. *anaphorá* — вынесение вверх) — указывающий на предшествующее слово или слова, отсылающий к ранее сказанному (Ахманова 1966, 47). Термин **катафорический** (греч. *katáphorá* — несение сверху вниз) менее употребителен; означает 'отсылающий к последующему компоненту сообщения, т.е. к тому, что будет сказано **позже**'.

¹⁶ Как, например, вопросительные и неопределенные местоимения в высказываниях: *Кто из воинов решится?; Кто-то постучал в дверь*. Выделенные слова отсылают к компонентам сообщения, которые только впоследствии в нем появятся, по мере развертывания высказывания.

— В повествовательных предложениях с именным субъектом и именным объектом **почти** всегда имеет место такой порядок слов, при котором субъект предшествует объекту.

— В каждом языке существует инверсия (непрямой порядок слов) как способ логического или эмоционального выделения части содержания (из сформулированных Б.А. Успенским универсалий, относящихся к речи, см. § 93).

— Во всех языках имеются синтаксические конструкции сравнения.

90. Лексические и лексико-семантические универсалии

Лексические универсалии касаются свойств слова как единицы языка и словарного состава языков; лексико-семантические — некоторых черт лексической семантики в языках мира.

Говоря об обозначениях и группах обозначений, которые есть во всех языках, естественно допустить, что в любом языке должны быть слова, которые называют человека (*мужчина, женщина, дети, сестра, брат, родители...*), названия для частей тела, для дня и ночи, земли и неба, солнца и луны, воды и огня, для важнейших животных и растений, для важнейших действий (*есть, пить, делать, говорить, спать...*), признаков (*большой, много, холодный...*) и характеристик (*хороший, злой...*). Однако список универсальных обозначений не так легко продолжить, как может казаться на первый взгляд. Например, верно, что во всех языках есть лексические средства для указания на множественность (неединственность), однако не универсально наличие счетных слов даже в пределах первого десятка. По данным из австралийских языков, не универсальна такая, казалось бы, «естественная» для психологии восприятия лексическая группа, как **цветообозначения**. Универсально лексическое различие ‘темного’ и ‘светлого’, однако отдельное слово даже для ‘черного’ имеется не во всех языках: «ведь если слово используется для описания не только черных, но и коричневых, серых и темно-синих предметов, оно не значит ‘черное’» (Вежбицкая 1996, 231).

В списке лексических универсалий существуют закономерности, отражающие зависимости между частотой слова в некотором тексте и его номером (рангом) в частотном словаре, составленном на основе данного текста; между рангом в общем частотном словаре и способностью слов «заполнять», покрывать собою любой текст (т.е. текстообразующей способностью слов); между полисемией слова и его употребительностью и ряд других.

Наиболее известная из закономерностей квантитативной лексикологии — это **закон Ципфа**¹⁷, согласно которому частота слова в тексте известной длины определяется в зависимости от ранга слова в частотном словнике данного текста (т.е. статистическая структура текста полагается величиной постоянной, а частота и ранг слова выступают в качестве переменных величин).

В целом универсальный характер имеет текстообразующая способность различных по частоте групп лексики. Так,

10 самых частых слов образуют	20 % любого текста
50 «————» «————»	30—40 % «————»
1000 «————» «————»	70 % «————»
2000 «————» «————»	80—85 % «————»

Вместе с тем **текстообразующие** возможности слов, относящихся к тем или иным ранговым интервалам, в некоторых деталях оказываются разными по разным языкам (см. Супрун 1983, 13—16; Супрун 1988). Причины этих различий совершенно **неясны** — скорее всего, дело в неоднородности текстов, поскольку даже на одном языке «конгломерат текстов и целостный текст тех же размеров устроены по-разному» (Арапов 1988, 31). По-видимому, универсальны некоторые **общие**, широкие закономерности, так **сказать**, «целые числа десятичных дробей», однако «после запятой» показатели в той или иной мере варьируются.

Среди **лексико-семантических** универсалий есть закономерности как диахронического, так и панхронического характера, ср.:

— В любом языке обозначения абстрактных понятий восходят к обозначениям конкретных предметов (ограничимся двумя примерами, релевантными для всех славянских языков: русск. **степень**, *ступень* и термин ритмики *стопа* восходят к индоевропейскому **step-/stob-* ‘след ноги, шаг’; *мука* связано с *мукá*¹⁸).

¹⁷ По имени Джорджа Ципфа (США, 1902—1950). С учетом ряда **корректирующих** коэффициентов этот закон иногда называют **Закон Эсту—Ципфа—Мацдельброта** (см. Пиотровский, Бектаев, Пиотровская 1977, 19).

¹⁸ Праслав. **mqka* родственно с литовск. *mánkyti* ‘жать, давить, мучить’. Ср. живое ощущение этой связи в «Молении Даниила Заточника» (XII в.): *Пшеница бо много мучима чист хлѣб является, а в печали обрѣтаеть человек ум свръшен*.

— Обозначения эмоций и эмоциональных состояний восходят к обозначениям физических и физиологических ощущений (ср. родство слов в русском языке: *горе* — *горький*; *грусть* — *груз*, *грузный*; *печаль* — *печет*; *тоска* — *тошно*; *стыд* — *стужа* и др.).

— Во многих языках основные обозначения рельефа восходят к обозначениям частей человеческого тела (иллюстрации см. в § 14).

— Во всех языках имеет место переносное (метафорическое или метонимическое) употребление значений слов.

— Во всех языках имеются фразеологические обороты, т.е. относительно воспроизводимые сочетания слов (иногда обладающие чертами **идиоматичности**), используемые в функции отдельного слова.

— Всюду есть имена собственные.

— Универсально табуирование.

91. Социолингвистические универсалии

Как указывалось в § 82, наиболее общие (широкие) диахронические универсалии носят социолингвистический характер. Их содержание относится к универсальным чертам в социальной эволюции языков. Это такие закономерности.

1. Языковые изменения представляют собой процесс непрерывного совершенствования языка как средства общения и познания. Прогресс языка обусловлен поступательным движением общества, развитием его материальной и духовной культуры. Иными словами, эволюционные процессы в языке представляют собой «самонастройку» языка в ответ на изменения во внешнем мире, т.е. форму связи языка и **внеязыковой** реальности. Совершенствование **сложнодинамических** систем, к которым относится язык, заключается в углублении адаптации системы к среде, что достигается усложнением ее строения (структуры). Усложнение структуры выражается в увеличении числа элементов, в количественном росте и специализации функций элементов, в формировании новых уровней и подсистем. При этом адаптации подвергаются в первую очередь более высокие («внешние», «поверхностные») уровни организации системы, что обеспечивает устойчивость внутренних уровней и определенную независимость системы от колебаний внешней среды.

2. В языке возникает и углубляется функциональная (стилистическая) дифференциация языковых средств и складываются

функциональные варианты речи. В феномене стилистики значимы два следствия: **культурно-историческое** и структурно-информационное. Культурно-исторический смысл стилистической дифференциации состоит в коллективном осмыслении **языка** говорящими. С точки зрения теории информации, стилистическая дифференциация соответствует наиболее принципиальным направлениям в эволюции сложнодинамических и самонастраивающихся (адаптивных) систем: она означает дифференциацию вероятностей элементов кода и видов текстов. Дифференциация вероятностей является средством колоссального накопления информации в системе и, следовательно, уменьшения энтропии (неупорядоченности, дезорганизованности), достигаемого, однако, без изменения субстанциональных и структурных характеристик системы. Увеличение количества информации в системе усиливает ее отражательные свойства, что способствует углублению адаптации системы к среде. Одновременно накопление информации увеличивает устойчивость системы к воздействиям среды, поскольку дифференциация вероятностей элементов создает возможность точных, локальных реакций и тем самым делает механизм связи гибким, экономным и оперативным.

3. Закономерностью развития языка является формирование вторичной системы плана выражения — письма, что приводит к резкому увеличению коммуникативных возможностей языка и существенно меняет характер использования языка в обществе. Формируется письменная речь, с присущими ей особенностями порождения и восприятия текста, высокой информативной емкостью и большей **эксплицированностью** (выраженностью) информации. История письменности в различных социумах состоит в расширении функций и сфер использования письма, в преодолении исключительности письменной речи, типичной для ранних этапов ее существования.

4. История взаимоотношений языка и общества характеризуется возрастанием роли языка в жизни общества. Это обусловлено некоторыми общими тенденциями развития человеческого общества — такими, как интеллектуализация производства, усложнение социальной организации общества, удлинение сроков обучения, развитие каналов коммуникации, углубление личностного своеобразия каждого человека. В результате расширяются сферы использования и объем функций языка. Удлиняется «языковое

существование» каждого человека: растут те ежедневные часы, в которые человек говорит, слушает, читает, пишет, размышляет.

Возрастание роли языка в жизни общества представляет собой частный случай некоторых более общих закономерностей в эволюции систем.

Современная наука признает решающую роль кодовых связей при переходе от неживых систем к живым и в процессе последующей биологической эволюции. Место некоторой системы в эволюционном ряду **предбиологических** и биологических систем определяется ее способностью различать в любом воздействии внешней среды две группы свойств: параметрические, относящиеся только к количеству и материальной природе воздействия (количество массы определенного вещества; количество энергии определенного вида и т.п.), и **кодовые** свойства, которые относятся к **организации** данного воздействия как сообщения (например, **временные**, пространственные характеристики воздействия). «Любые организованные системы в какой-то мере разделяют кодовую часть воздействия и параметрическую [...] Появление жизни есть выражение этой тенденции, доведенной до крайней известной степени... Мост между живым и неживым состоит из динамических организаций, в которых коды управляют параметрическими процессами [...] Эволюция от простейших к сложным формам жизни есть постепенное развертывание кодовых **механизмов**»¹⁹.

В человеческом обществе мы находим дальнейшее развитие эволюционных тенденций к усилению кодового взаимодействия системы и внешней среды. Роль коммуникативных систем в обществе аналогична функциям нервной системы в организме: все это средства связи с внешней средой и саморегуляции. Поэтому уровень развития коммуникативных систем и каналов связи, интенсивность информационных процессов можно рассматривать как меру социальной организации общества.

92. Язык-эталон: оптимальная систематизация универсалий и гипотетический инвариант языков мира

Попробуем представить все универсалии не как перечни элементов или «черт», обязательных для любого языка, а как уровне-

¹⁹ Николаев Л.А. Основы физической химии биологических процессов. М.: Высшая школа, 1976. С.102 — 103.

вую иерархию систем этих элементов (фонологических, морфологических, синтаксических, семантических и т.д.). Представим иерархические взаимосвязи этих систем (по тому, как они отражены в **межуровневых** импликациях и аксиомах уровневой концепции языка). В результате таких мыслительных операций в нашем сознании возникнет абстрактный и очень схематичный (как бы «скелетный») образ «языка вообще», «универсального языка». Такая мысленная модель «языка вообще», построенная путем мысленного соотнесения универсальных черт конкретных языков, — это и есть язык-эталон.

Язык-эталон — это гипотеза, мысленное построение (конструкт), допущение об общей части (общем «ядре») в структурах сопоставляемых языков. Фактически вообще всякое сопоставление (как универсальный познавательный метод) «молча» или эксплицитно исходит из уверенности, что в сопоставляемых объектах есть некоторая фундаментальная общность, заключенный в самих объектах эталон (мерило), и есть отклонения от этого эталона — те или иные, большие или меньшие вариации. Если в объектах нет общих черт, т.е. нет основания для сравнения, то сопоставление бессмысленно и **бесконечно**²⁰. При сопоставлении языков таким общим основанием служит представление о некоторой общей (инвариантной) структуре в строении сопоставляемых языков.

Понятие о языке-эталоне в качестве абстрактного «гипотетического инварианта языков мира» (Шаумян 1965, 30) конкретизируется в типологии в менее абстрактных представлениях о «эталоне» аналитических языков, «эталоне» агглютинативных языков и т.д., т.е. в представлениях о типах строения некоторых классов языков. Разумеется, эти «эталонные» аналитизма или агглютинации — тоже абстракция, их не обнаружить среди конкретных этнических **языков** — таких «типологически выдержанных» (на 100 %) языков не существует в природе. Однако у лингвистов есть **представление** о том, что такое 100 % аналитизма или 100 % агг-

²⁰ Вроде «длинной серии различий между просеками и персиками: первые расчищены, а вторые покрыты пушком» (в «Кибириаде» Ст.Лема). Характерно, что даже в этом дурашливом сопоставлении необходима какая-то исходная общность (ею стала возможность наличия или отсутствия «растительности»).

лютинации. Вот эти представления и есть соответствующие языки-эталоны.

В компаративистике понятие «языка-эталона» сближают с категорией праязыка (общего источника родственных языков), при этом историческая, документальная засвидетельствованность ряда таких языков (например, латыни или древнерусского), делает лингвистическую реальность языков-эталонов особенно ощутимой.

Конечно, как заметил С.К.Шаумян, язык-эталон — это «не более чем гипотеза об инвариантной основе языков мира» (Шаумян 1965, 30). Но и не менее. Лингвистические представления о том, какой минимум черт имеется во всех языках мира, — это существенный компонент наших знаний о языке.

Идея языка-эталона ценна еще в одном отношении: в качестве принципа естественной и потому оптимальной систематизации универсалий (см. § 92) — путем моделирования абстрактной структуры всех языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

МЕСТО ТИПОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКИ УНИВЕРСАЛИЙ В НАУКЕ О ЯЗЫКЕ

93. Типология и сравнительно-историческое языкознание

1. Тревожный отрыв синхронии от диахронии, возникший в первые десятилетия распространения сосюрровских идей, был преодолен благодаря типологии. Типологическое мышление сумело увидеть в истории языков эволюцию систем (фонологических, грамматических, лексических). Было понято, что магистральные линии в развитии языков — это закономерности именно типологического масштаба.

В русле историко-типологических исследований романских языков возникло понятие о «типологических романизмах». Это широкий класс различных изменений, далеко не тождественных по отдельным романским языкам, однако типологически сходных, «однонаправленных». Их общая направленность состояла в сложении или большей активизации описательных форм выражения различных категориальных значений (временных, модальных, залоговых, градаций качества и др.) и в постепенном вытеснении прежних синтетических форм грамматики такого рода перифразами. По мере усиления служебно-грамматического значения отдельных компонентов в составе перифраз, они превращались в аналитические формы грамматики. Именно эти процессы («типологические романизмы») и составили эволюцию Романики от синтетизма классической латыни к аналитическому строю современных романских языков. Типологическое сходство (хотя и менее четкое) прослеживается также в эволюции фонологических систем романских языков (Алисова, Репина, Таривердиева 1987).

В историко-типологических исследованиях романских языков «латынь как язык-эталон» (термин Г.В.Степанова) обладает особой

ценностью, поскольку это не «искомая величина» и нет нужды ее реконструировать (т.е. выдвигать гипотезы о том, какой она была). Латынь запечатлена в памятниках письменности и хорошо изучена, в то время как некоторые промежуточные этапы в истории романских языков на пути от вульгарной латыни к народным языкам, вследствие неполноты источников, нуждаются в реконструируемых (гипотетических) подходах. Именно поэтому латынь в полной мере демонстрирует те возможности, которые дает язык-эталон исследователю типологии и истории родственных языков.

2. Особенно сближает типологию и компаративистику понятия языка-эталона и праязыка. По сути, имеется принципиальная (сущностная) близость двух конструктов: реконструируемой системы праязыка и языка-эталона в качестве языковой системы, моделируемой в отвлечении от разнообразия нескольких тысяч конкретных языков. Постулирование языков-эталонов для отдельных типов языков (аналитических, синтетических и т.д.) методологически сходно с постулированием праязыков разной глубины и абстрактности: например, засвидетельствованный в памятниках письменности и потому не требующий реконструкции (т.е. реально существовавший) общевосточнославянский праязык (древнерусский язык — «Повести временных лет» и «Слова о полку **Игореве**»); реконструируемый (т.е. гипотетический) праславянский; реконструируемый (еще в большей мере гипотетический и абстрактный) индоевропейский праязык; гипотетический ностратический праязык (предок предполагаемой ностратической макросемьи языков; см §§ 1, 6); наконец, вершина абстракции: в значительной степени аморфный и тем не менее лингвистически **представимый** язык-эталон всех языков — праязык человечества.

3. В исследованиях по истории языков многие предположения выдвигаются и проверяются с учетом типологического правдоподобия гипотезы. Типологические факты и аргументы часто оказываются решающим доводом в пользу конкретной этимологии или реконструкции.

Белорусские названия клюквы — *журавіка*, *журавіца*, *журавіна* (известные также и русским говорам) — допускают две этимологии: 1) производное от *журавль*, т.е. '**журавлиная ягода**'; 2) производное от жар '**яркий огненный цвет**' (что вполне правдоподобно — **например**, в некоторых русских говорах клюкву называют

красницей). Обе этимологии и фонетически, и семантически достаточно корректны. Однако этимология *журавіки* как '**журавлиной ягоды**' находит надежное типологическое подтверждение: именно так мотивированы обозначения клюквы в ряде генетически далеких языков: в германских (**англ.** *cranberry*, **шведск.** *tranbar*), финно-угорских (**эстонский**, **марийский**), а также в балтийском латышском и самодийском ненецком языках (Откупщиков 1973, 74—76).

Типологические параллели как бы говорят: «Да, *так* бывает», «Да, *это* — в природе людей». Поэтому при прочих равных условиях типологически подтвержденные гипотезы (прошедшие, по выражению **В.Н.Чекмана**, «типологическое **чистилище**»¹), более надежны. Таким образом, значение лингвистической типологии для компаративистики состоит в том, что, во-первых, возрастает теоретическая оснащенность исследований, в большей мере учитывается логика эволюции систем, иначе говоря — совершенствуется методология исторического языкознания; во-вторых, данные типологии являются одним из надежных источников верификации (проверки) сравнительно-исторических реконструкций; в-третьих, типологические представления способствуют созданию масштабных картин эволюции языков.

94. Сопоставительные и контрастные исследования как лингвистическая основа преподавания иностранных (и неродных) языков

Говорят, неродной язык можно выучить только потому, что в чем-то он сходен с родным. Чем сходства меньше, тем учить его труднее. Бесспорно, что родной язык учащегося в той или иной мере (хотя бы и в очень малой мере) присутствует на уроках иностранного языка, особенно на первых порах.

Чтобы объяснить школьнику, который только что начал учить английский язык, как правильно употреблять неопределенный и определенный артикли, надо представлять, что соответствует английским

¹ «Типологические ограничения значительно снижают степень произвольности диахронических построений. Требование типологической правдоподобности, согласно которому реконструкция не должна, по крайней мере, противоречить тому, что нам известно о фактах живых или хорошо засвидетельствованных языков, ограничивает область выбора возможных решений» (Чекман 1979, 214).

артиклам в наших безартиклевых языках — какие слова, какие особенности ближнего и дальнего контекста. **Разумеется**, надо **чувствовать**, какие объяснения и примеры легче всего понять в 10 лет.

Чтобы объяснить **англичанину**, немцу или французцу (в чьих языках отсутствует глагольный вид) различие между глаголами совершенного и несовершенного вида в славянских языках, надо показать, какие глагольные времена в их родных языках соответствуют каждому виду, а затем показать сходства и различия соответствующих контекстов в родном и изучаемом языке.

Уроки иностранного языка всегда в той или иной мере были практическим сопоставлением изучаемого языка с родным. Однако долгое время к сопоставлениям прибегали случайно, как бы неосознанно. В отечественной традиции основоположником сопоставительной лингводидактики стал Е.Д.Поливанов. Вслед за пионерской работой «Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком» (см. Поливанов 1933), ставшей классикой сопоставительного языкознания, Поливанов написал «Опыт частной методики преподавания русского языка в узбекской школе» (1935).

Общелингвистическую известность среди исследователей, практиков преподавания и переводчиков получили труды по сопоставительному изучению французского и русского языков В.Г.Гака (Гак 1977, Гак 1977[a]).

Лингвометодическое значение сопоставительного языкознания особенно подчеркивалось в работах В.Д.Аракина, который обосновал возможность планомерно прогнозировать те специфические трудности, которые возникают при изучении конкретного иностранного языка в аудитории с тем или иным родным языком учащихся (Аракин 1989, Аракин 1989[a]).

Отчетливая лингвометодическая направленность характерна для **контрастивных исследований**.

Контрастивное описание лексических систем двух языков реализуется в таком особом лексикографическом жанре, как дифференциальный двуязычный словарь (включающий только ту лексику, которой различаются описываемые языки). Именно такими словарями начиналась лексикография церковнославянского языка у восточных славян: анонимный «Лексис с толкованием словенских слов просто» (80-е годы XVI в.), «Лексис» Лаврентия Зизания (Вильна, 1596), «Лексикон славеноросский и имен толкование»

Памвы Берынды (Киев, 1627) объясняли непонятные церковнославянские слова путем их перевода на народные языки (староукраинский и старобелорусский).

Вершиной современного искусства лексикографии является «Англо-русский синонимический словарь», подготовленный под руководством А.И.Розенмана и **Ю.Д.Апресьяна** (М.: Русский язык, 1988). Хотя по своей основной задаче это словарь английских синонимов, вместе с тем здесь проведено сопоставление почти 350 пар синонимических рядов в английском и русском; при этом сопоставление осуществляется не только в переводах, но и благодаря тому, что дифференцирующее толкование английских синонимов дается на русском языке.

Примером современного дифференциального словаря может быть первый «**Українська-беларускі слоўнік**», составленный **В.П.Лемтюговой** (Минск: Вышэйшая школа, 1980), а также полезное пособие для учителя «Белорусско-русский паралексический словарь-справочник» под редакцией А.Е.Михневича (Минск: Народная **асвета**, 1985). На контрастивное описание лексики ориентированы и словари межъязыковых омонимов (так называемых «ложных друзей переводчика»), см. «**Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика»**» под редакцией **В.В.Акуленко** (М.: Советская энциклопедия, 1969); **С.М.Грабчиков**. Межъязыковые омонимы и паронимы: Опыт **русско-белорусского словаря** / Мн.: **Изд-во БГУ, 1980**.

Из работ последнего десятилетия, существенных для типологии славянских языков, следует назвать книги: Сопоставительное описание 1990, Исследования 1993, Ангелова 1994, Теоретические и методологические проблемы 1994.

Примером продуманного контрастивного очерка белорусского языка (в сопоставлении с русским) может быть книга **А.А.Кривицкого**, **А.Е.Михневича**, **А.И.Подлужного** «Белорусский язык для говорящих по-русски» (Минск: Вышэйшая школа, 1990; ее первое издание 1978 г. называлось «Белорусский язык для небелорусов») ².

² См. обширную библиографию сопоставительного изучения русского и белорусского языков в работах: **Германович И.К., Михневич А.Е., Шуба П.П.** Белорусско-русские языковые отношения: Контакты, двуязычие, методика обучения (материалы к библиографии) // Русский язык. Межведомственный сборник. [Вып. 1—3]. Минск: Университетское, 1981—1984; **Германович И.К., Шуба П.П.** Белорусско-русские языковые отношения: Контакты, двуязычие, методика обучения (материалы к библиографии) // Русский язык. Межведомственный сборник. [Вып. 4—12]. Минск: Университетское, 1984—1992.

95. Типы языков и история цивилизаций

Существует ли зависимость между типологическим своеобразием языка и особенностями культуры или цивилизации, созданной носителями языка? Определяет ли язык цивилизацию или, напротив, цивилизация определяет язык? Или зависимость обоюдная? В сущности, все это те же вопросы, которые в прошлом веке волновали Гумбольдта и Потебню, в 10—20-х годах следующего века решались в «философии имени» отца Павла Флоренского и А.Ф.Лосева, а в 30-х годах привели Э.Сепира и Б.Уорфа к «гипотезе лингвистической относительности».

А может быть, типологические сдвиги в устройстве языка — это результат вполне реальных исторических процессов? Немецкий романист Карл Фосслер в работе «Дух и культура в языке. Новые формы мышления в народной латыни» (1930) именно так объяснял утрату синтетизма в романских языках: это было следствием многовекового культурного упадка, наступившего с падением античной цивилизации. Вульгарная латынь «была просто более удобной, более непритязательной и тем самым более бедной разновидностью латинского языка»; ее основное отличие от классической литературной нормы «заключалось в самом обеднении, в отказе от стилистической изобретательности со стороны говорящего ради того, чтобы быть понятным слушателю» (цит. по: Алисова, Репина, Таривердиева 1987, 194).

Издавна в языке стремятся видеть ключ к пониманию души и нрава народа. В это верят, на это надеются, здесь лежат самые заветные стимулы сопоставлять грамматики и лексиконы разных языков. В гипотезах недостатка нет, но и доказать их трудно, даже если они сформулированы в терминах лингвистики, например, так: флективные и синтетические языки «удобны» для говорящего, агглютинативные и аналитические — это «языки слушающих» (Успенский 1967, 2106).

Е.Д.Поливанов думал о работе «*Corpus poetarum*» («Свод поэтик»), где собирался исследовать связи между типологией языков и особенностями литератур на соответствующих языках. По словам Виктора Шкловского, Поливанов «хотел построить «периодическую таблицу» для языков мира и национальных поэтик. Он хотел перевернуть науку, как это сделал в химии Менделеев» (Письмо В.Г.Ларцеву от 30.08.1984; цит. по: Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. М.: Наука, 1988. С. 190).

Когда-то об этой связи языка и народных нравов писали с трогательной **уверенностью**³. Сейчас это, пожалуй, лирика. Вот ее образец:

«Есть ли какая-нибудь связь между прославленной способностью японцев переносить боль и противостоять физической опасности (отразившейся, например, в практике *харакири* или в использовании *камикадзе*) и встроенным [inbuilt] стоицизмом некоторых японских синтаксических конструкций? Существует ли связь между стихийностью, анархизмом и одновременно фатализмом русской души, романов Достоевского и расточительностью конструкций русского синтаксиса — расточительностью, которая говорит об ограниченности человеческого разума, о нашей зависимости от «судьбы» и намекает на тайные безудержные страсти, что правят жизнями людей? Можно ли думать, что «небесмысленный» [в оригинале *no-nonsense*. — Н.М.] характер английского синтаксиса (имеется в виду относительное отсутствие 'субъективных', 'импрессионистических', 'иррациональных' синтаксических конструкций) симптоматичен для английского сдержанного и трезвого эмпиризма, а может быть, и обусловилего?»⁴.

Подобные вопросы по-прежнему волнуют, их вновь и вновь задают, но все реже даже в устных разговорах на них отвечают утвердительно.

96. Философский смысл типологии языков и лингвистики универсалий

Кристиан Леман, исследователь экзотических языков и горячий защитник языков, находящихся под угрозой вымирания,

³ В предисловии к «Подлинным анекдотам Императрицы Екатерины Великой, премудрой матери Отечества» (М., 1806) в ряду достоинств государыни автор называет ее «удивительную память и редкое понятие», которые позволили Екатерине «узнать в короткое время главнейшие мертвые и живые языки и судить о древних и новых народах по их сочинениям». И далее: «Сравнивая языки один с другим и видя различия степени их совершенства, Императрица научилась заблаговременно знать народы. Вот истинная польза, истекающая от знания языков, но не уважаемая Государями...» (с. V).

⁴ *Wierzbicka* A. Semantics of Grammar. Amsterdam — Philadelphia, 1988. P. 233.

писал: «Природа человеческого языка состоит в вариации: *Язык* проявляет себя в виде конкретных языков. Лингвистическое многообразие, таким образом, является источником нашего проникновения в природу человеческого **языка**» (Леман 1996, 184). Типология стремится понять **пределы** возможного языкового разнообразия на Земле и найти типичные черты в этом разнообразии, а лингвистика универсалий, перечисляя то общее, что объединяет языки, стремится увидеть язык-эталон — своего рода мысленную модель тысяч языков мира.

Типология и лингвистика универсалий, этот авангард эмпирического знания в науке о языке, позволяют постепенно преодолевать ту узость кругозора, о которой писал Б.А.Успенский: «В языкознании отсутствует то, что характерно для большинства эмпирических наук, — **фиксированное** представление о своем предмете. В самом деле, если в минералогии существуют исчерпывающие коллекции минералов, в ботанике — подробнейшие гербарии, в химии — описание и классификация всех известных химических элементов, то в языкознании до сих пор не имеется каталожного собрания адекватно описанных языков мира.

Творческое изумление перед необычностью того или иного языка или того или иного явления в языке, вероятно, свойственно лингвисту не в меньшей мере, чем свойственно биологу удивление перед тем или иным явлением природы: язык с одной гласной фонемой не менее замечателен, чем млекопитающее, откладывающее яйца. Но разница между биологом и лингвистом состоит в том, что лингвист часто не знает, чему удивляться — он, если угодно, может быть безграмотен в своем удивлении, он исходит лишь из своего неизбежно ограниченного лингвистического кругозора, не зная, вообще говоря, настолько ли удивительно удивившее его явление/Лингвисты не единодушны в своем удивлении, и именно поэтому многие утверждения в лингвистических описаниях носят тривиальный, избыточный характер» (Успенский 1969, 13).

Если лингвист видит идеал исчерпывающего и систематического знания в ботанике или минералогии, то сама лингвистика, и прежде всего ее «передовой отряд» — типология языков и лингвистика универсалий, — это образец систематичности и полноты охвата материала для остального гуманитарного знания.

Типология и лингвистика универсалий, эти две ветви общего языкознания, являются собой попытку эмпирического исследования самого простого из гуманитарных объектов — языка. Попытка замечательна не только полнотой охвата материала и методичностью, но и результатами. По-видимому, уже сейчас лингвистика в состоянии понимать языки во всей антиномической сложности их единства и разнообразия: видеть в языках универсальный Язык человечества и вместе с тем понимать, в чем уникальность каждого из нескольких тысяч языков мира.

Встают вопросы об универсальных чертах не только языков, но и человеческих социумов, культур, цивилизаций.

Кажется, антиномия единства и разнообразия — это вообще главная проблема гуманитарного знания. Правы ли те, кто говорит: что ни город — то норы, что ни село — то обычаи? Но разве более правы те, кто уверен, что есть **типы** характеров, типы эпох, идеологий, цивилизаций, **типы** культур, стилей? Универсальна ли семья (хотя бы полигамная)? Бывают ли цивилизации без эстетического компонента? Верно ли, что, как писал Р.О.Якобсон, «ни одна человеческая культура не обходится без стихосложения»? (Якобсон 1975, 205).

Лингвистика, в силу простоты своего объекта (сравнительно с культурой, человеческим сознанием, искусством, литературой), **первая** решает вечные вопросы гуманитарного знания. Философский смысл этих поисков в том, чтобы на сравнительно простом материале языкового ландшафта Земли найти и испытать эмпирические подходы, которые в будущем помогут видеть и различать в континууме **социально-культурной** истории человечества все ступени, вехи, переходы, которые соединяют универсальное и общечеловеческое с неповторимым и индивидуальным.

ЛИТЕРАТУРА*

- * **Алисова Т.Б., Репина Т.А., Таривердиева М.Л.** Введение в романскую филологию. М.: Высшая школа, 1987. — 344 с.
- Алпатов В. [М.]** Языки в советском и постсоветском пространстве // Свободная мысль. 1995. № 4. С.87 — 98.
- Алпатов В.М.** Нормы языка в современной Японии // Языковая норма: Типология нормализационных процессов. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С.229—249.
- * **Алпатов В.М.** История лингвистических учений: Учебное пособие. М.: Языки русской культуры, 1998. — 368 с.
- * **Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В.** Очерки по истории лингвистики. М.: Наука, 1975. — 560 с.
- Ангелова И.** Синтаксис на българската разговорна реч: В съпоставка с руски, чешки, полски език, 1994. София, 1994. — 130 с.
- * **Аракин В.Д.** Сравнительная типология английского и русского языков. М.: Просвещение, 1989. — 255 с.
- Аракин В.Д.** Типология языков и проблема методического прогнозирования. М.: Высшая школа, 1989[a]. — 160 с.
- Арапов М.В.** Квантитативная лингвистика. М.: Наука, 1988. — 185с.
- Арапович Б.** Деятельность Института перевода Библии в Советском Союзе и СНГ (1973—1994). Перевод Библии: Лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты: Мате-

* Библиографический список ограничен лингвистической литературой, поэтому ссылки на другие, в особенности редкие или труднодоступные работы, даны в полном виде в основном тексте книги, по ходу изложения. Звездочкой (*) отмечена учебная и справочная литература. Для некоторых классических работ указан [в квадратных скобках] год их первой публикации. Работы одного автора приводятся в хронологическом порядке.

Литература

- риалы конференции. Москва, 28—29 ноября 1994 г. / Ин-т перевода Библии (Стокгольм — Хельсинки — Москва) и др. Гл. ред. Арапович Б. М.: [Рос. отделение] Ин-т перевода Библии, 1996. С.51—60.
- Арутюнова ЯД** Проблемы коммуникации / **Арутюнова Н.Д.** Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. С.643—686.
- * **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. — 608 с.
- Бацын В.К., Кузьмин М.Н.** Национальные проблемы образования в Российской Федерации. М., 1994. — 21 с.
- Беларуская мова / [У міжнародній сервії:] **Najnowsze dzieje języków słowiańskich.** Opole, 1998. — 294 с.
- Беларуская мова у другой палове ХХ стагоддзя. Мн.: **Белдзяржуніверсітэт, НАН Беларусі,** 1998. — 325 с.
- * **Беларуская мова: Энциклапедыя.** Мн.: БелЭн, 1994. — 655 с.
- * **Беларусы.** Атлас: **Этнагеаграфія, дэмаграфія, дыяспара, канфесіі.** Мн.: Фонд фундаментальных даследаванняў Рэспублікі Беларусь, **Беларускі фонд Сораса,** 1996. — 33 с.
- Бел Р.** Социолінгвістыка: Целі, методы і праблемы. М.: **Міжнародныя адносіны,** 1980. — 320 с.
- Бодуэн де Куртэнэ І.А.** **Нацыянальны і тэрытарыяльны прызнак у аўтаноміі.** СПб., 1913. — V, 84 с.
- * **Брук С.И.** **Население мира: Этнодемографический справочник.** М.: Наука, 1986. - 830 с.
- Будагов Р.А.** **Человек и его язык.** М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. - 263 с.
- * **Булаховский Л.А.** **Курс русского литературного языка. Т.2.** (Исторический комментарий). Киев: **Радянська школа,** 1953. — 436 с.
- Булаховський Л.А.** **Виникнення і розвиток літературних мов // Булаховський Л.А. Вибрані праці в п'яти томах. Т.І: Загальне мовознавство.** Київ: Наукова думка, 1975. С. 321 — 470.
- Вайнрайх У.** **Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике.** Вып. 6. Языковые контакты. М.: **Прогресс,** 1972. С.25 — 60.
- Варианты полинациональных литературных языков. Киев: **Наукова думка,** 1981. — 280 с.
- Вахтин Н.Б.** **К типологии языковых ситуаций на Крайнем Севере (Предварительные результаты исследования) // Вопросы языкознания,** 1992. № 4. С.45 — 59.

*Введение в германскую филологию. М.: Высшая школа, 1980. — 220.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / М.: Русские словари, 1996. — 416 с.

Вильтовская Я. И. Исследование объема и состава лексикона подростка // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мн.: Белгосуниверситет, 1980. — 23 с.

Виноградов В. А., Коваль А. И., Порхомовский В. Я. Социолингвистическая типология: Западная Африка. М.: Наука, 1984. — 128 с.

**Виноградов В. В.* Русский язык. М.-Л.: Учпедгиз, 1947. — 784 с.

Вопросы социальной лингвистики. Л.: Наука, 1969. — 419 с.

**Выготский Л. С., Лурия А. Р.* Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993. — 224 с.

**Гак Г. В.* Сопоставительная лексикология: На материале французского и русского языков. М.: Международные отношения, 1977. — 264 с.

**Гак Г. В.* Сравнительная типология французского и русского языков / Л.: Просвещение, 1977 [а]. — 300 с.

Гак В. Г. К типологии форм языковой политики // Вопросы языкознания. 1989. № 5. С. 104 - 133.

Ганди К. Л. Языковая политика в современной Индии. М.: Наука, 1982. — 184 с.

Говард М. Сучасная культурная антрапалогія. Мн.: Тэхналогія; Беларускі фонд Сораса, 1995. — 480 с.

Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV — XVI вв. М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 416 с.

**Горелов В. И.* Стилистика современного китайского языка. М.: Просвещение. — 192 с.

*Государственные языки в Российской Федерации: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 1995. — 400 с.

Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. 3. М.: Изд-во иностр. л-ры, 1963. С. 60 — 94.

Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии. М.: Прогресс, 1970. С. 114-162.

Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества [1830 — 1835] // *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 37 — 298.

Гутишмидт К. Общие тенденции и специфические формы их реализации в современных славянских языках // *Jazykovedný časopis Jazykovedného ústavu L'udovíta Štúra Slovenskej akademie vied.* 1998. № 1-2. S. 15—26.

Гухман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М.: Наука, 1981. — 249 с.

Гэсс С., Ард Дж. Овладение вторым языком и онтология языковых универсалий // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XXV. *Контрастивная лингвистика.* М.: Прогресс, 1989. С. 386—409.

Долгопольский А. Б. Сохраняемость лексики, универсалии и ареальная типология // Лингвистическая типология и восточные языки. М.: Наука, 1965. С. 189 — 198.

Домашнее А. И. Реформа немецкой орфографии // Известия РАН. СЛЯ. Т. 56, 1997, № 6. С. 9 - 13.

Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки. Таллинн: Валгус, 1981. — 324 с.

Дуличенко А. Д. Международные искусственные языки: объект лингвистики и интерлингвистики // Вопросы языкознания. 1995. № 5. С. 39 - 55.

Дьячков В. М. Специфика процессов пиджинизации и креолизации языков // Вопросы языкознания. 1988. № 5. С. 122 — 132.

Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. О ведийской загадке типа *brahmodya* // Паремнологические исследования. М.: Наука, 1984. С. 14 — 46.

Живое В. М. Язык и культура в России XVIII в. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 591 с.

**Заботкина В. И.* Новая лексика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1989. — 126 с.

**Задоев Т. П., Хуан Шуин.* Основы китайского языка: Вводный курс. М.: Наука, 1983. — 272 с.

**Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979. — 312 с.

Иванов Вяч. Вс. Современные проблемы типологии (К новым работам по американским индейским языкам бассейна Амазонки) // Вопросы языкознания. 1988. № 1. С. 118 — 131.

- Исаев М.И.* Язык эсперанто. М.; Наука, 1981. — 88 с.
- Исаченко А.В.* К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков // *Slavia*. 1958. № 3. С. 334 — 352.
- Исаченко А.В.* Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в лингвистике. Вып.3. М.: Изд-во иностр. л-ры, 1963. С.106- 121.
- Исследования по глаголу в славянских языках: Типология и сопоставление // *Vadania nad czasownikiem w językach słowiańskich: Typologia i konfrontacja*. Варшава, 1993. — 156 с.
- Историческая типология славянских языков: Фонетика, словообразование, лексика и фразеология / Под ред. *А.С.Мельничука*. Киев: Наукова думка, 1986. — 287 с.
- Кацнельсон С.Д.* Концепция лингвистической типологии Адама Смита // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1982. № 1. С. 109 - 116.
- Кацнельсон С.Д.* История типологических учений: Грамматические концепции в языкознании XIX в. Л.: Наука, 1985. С.6 — 58.
- Квантитативная типология языков Азии и Африки. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1982. — 331 с.
- Кибрик А.Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (Универсальное, типовое и специфическое в языке). М.: Изд-во МГУ, 1992. — 336 с.
- Климов Г.А.* Типологические исследования в СССР (20—40-е годы). М.: Наука, 1981. — 112 с.
- Климов Г.А.* Принципы континентальной типологии. М.: Наука, 1983. — 224 с.
- Козинский И.Ш.* К вопросу об исключениях из лингвистических универсалий /Лингвистическая типология. М.: Наука, 1985. С.133—143.
- Комментарий к закону о языках народов Российской Федерации. М.: Издание Верховного Совета РФ, 1993. — 72 с.
- *Контактологический** энциклопедический словарь-справочник. Выпуск I: Северный регион. Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в контактах с русским языком. М.: АЗЪ, 1994. — 320 с.
- Котелова Н.З.* Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1978. С.5-26.
- Котов Р.Г., Новиков А.И., Скокан Ю.П.* Прикладная линг-

- вистика и информационная технология. М.: Наука, 1987. — 165с.
- Котов Р.Г., Якушин Б.В.* Языки информационных систем. М.: Наука, 1979. - 304 с.
- *Красная книга языков народов России:** Энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 1994. — 118 с.
- *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.** Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. — 245 с.
- Леман К.* Документация языков, находящихся под угрозой вымирания (Первоочередная задача лингвистики) // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С.180— 191.
- *Лингвистический** энциклопедический словарь / Отв. ред. *В.Н.Ярцева*. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. — 686 с.
- Логачев К.И.* Основные итоги развития новогреческого литературного языка на конец 1970-х годов // Славянское и балканское языкознание: История литературных языков и письменность. М.: Наука, 1979, с.264 - 270.
- Лотман Ю.М.* Русская литература на французском языке // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи в трех томах. Т.Н. Статьи по истории русской литературы XVIII — первой половины XIX века. Таллинн: Александра, 1992. С. 350 — 368.
- *ЛЭС 1990. См. Лингвистический энциклопедический словарь.
- *Мечковская Н.Б.** Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. 2-е изд., испр. М.: Аспект-Пресс, 1996. — 207 с.
- Мечковская Н.Б.* Типология **графико-орфографических** реформ в истории славянской письменности: фонетико-фонологические и **социосемиотические** аспекты // Доклад к XII Международному съезду славистов. Мн.: Белгосуниверситет, 1998. — 34 с.
- *Мечковская Н.Б.** Язык и религия: Лекции по филологии и истории религий. М.: ФАИР, 1998 [а]. - 352 с.
- Мечковская Н.Б., Супрун А.Е.* Знания о языке в средневековой культуре южных и западных славян // История лингвистических учений: Позднее средневековье. СПб.: Наука, 1991. С.125—181.
- Мещанинов И.И.* Номинативное и **эргативное** предложения: Типологическое сопоставление структур. М.: Наука, 1984. — 295 с.
- Милевский Т.* Предпосылки типологического языкознания // Исследования по структурной типологии. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 3-31.

Миронов С.А. Формирование литературных норм современно-го африкаанс и нидерландского языка // Языковая норма: Типология нормализационных процессов. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 48 - 67.

Мишкуров Э.Н. О литературно-разговорной форме речевого общения в арабоязычном ареале // Юридические науки. Иностранные языки: Сб. статей № 17. М.: Военный Краснознаменный институт, 1981. С.141—148.

Московия В.А. Информационные языки. М.: Наука, 1971. — 144 с.

*Народы России: Энциклопедия. М.: Большая Рос. Энцикл., 1994. — 479 с.

Национальная политика в Российской Федерации. М.: Наука, 1993. — 184с.

Неверов С.В. Общественно-языковая практика современной Японии. М.: Наука, 1982. — 150 с.

*Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: Учебное пособие к курсам языкознания, лексикологии и теоретической грамматики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1997. — 758 с.

Николаева Т.М. Просодия Балкан: Слово — высказывание — текст. М.: Индрик, 1996. — 351 с.

Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. М.: Прогресс, 1989. — 437 с.

Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1978. — 144 с.

Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1994. — 228 с.

Откупщиков Ю.В. К истокам слова: Рассказы о науке этимологии. М.: Просвещение, 1973. — 256 с.

О языках, фольклоре и литературе Океании. М.: Наука, 1978. — 122 с.

*Пиотровский Р.Г., Бектаев К.Б., Пиотровская А.А. Математическая лингвистика. / М.: Высшая школа, 1977. — 384 с.

Плунгян В.А. Почему языки такие разные. М.: Русские словари, 1996. — 304 с.

*Поливанов Е.Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1933. — 182 с.

*Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию. М.: Наука, 1991. - 624 с.

Потапов В.В. К современному состоянию проблемы вымира-

ющих языков в некоторых регионах мира // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С.3 - 15.

Потапов В.В. Язык женщин и мужчин: фонетическая дифференциация // Известия РАН. СЛЯ, т.56, 1997[a], № 3. С.52 — 62.

Принципы описания языков мира. М.: Наука, 1976. — 244 с.

Проблемы интерлингвистики: Типология и эволюция международных искусственных языков. М.: Наука, 1976. — 158 с.

Проблемы компьютерной лингвистики: Сборник научных статей / Отв. ред. Р.Г.Пиотровский. Мн.: МГЛУ, 1997. — 180 с.

Проблемы международного вспомогательного языка. М.: Наука, 1991. — 204 с.

Проблемы национальной школы в СССР: История и современность. М.: ВНИК «Школа», 1989. - 41 с.

Проблемы языковой политики в странах тропической Африки. М.: Наука, 1977. - 199 с.

Прохоренко И.Л. Испанское национальное государство и феномен национализма // Национализм: теория и практика. М., 1994. С.86 — 133.

*Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Просвещение, 1967. — 544 с.

Ромпортл М. О сопоставлении систем мелодем в чешском и русском языках // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 52 — 63.

Русский язык // [В международной серии:] Najnowsze dzieje języków językach słowiańskich. Opole, 1997. — 256 с.

*Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд., переработанное и дополненное. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. — 703 с.

Сенур Э. [1921] Язык: Введение в изучение речи // Сенур Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С.26-203.

Скаличка В. [1958] О современном состоянии типологии // Новое в лингвистике. Вып. 3. М.: Изд-во иностр. л-ры, 1963. С.19 — 35.

Скаличка В. [1935] О фонологии языков Центральной Европы // Пражский лингвистический кружок: Сборник статей. М.: Прогресс, 1967. 84 — 87.

Соколовская Н.К. Некоторые семантические универсалии в

системе личных местоимений // Теория и типология местоимений. М.: Наука, 1980. С.84 — 103.

Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков: В связи с общими особенностями человеческого языка. М.: Вост. л-ра, 1995. — 353 с.

Солнцева Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков. М.: Наука, 1985. — 254 с.

Сопоставительное описание русского и белорусского языков: Морфология. Мн.: Навука і тэхніка, 1990. — 336 с.

Софронов М.В. Китайский язык и китайское общество. М.: Наука, 1979. — 312 с.

Социолингвистические проблемы в разных регионах мира. М.: Институт языкознания РАН, 1996. — 500 с.

Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании. Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1974. — 142 с.

**Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 824 с.

Ступин Л.П. Словари современного английского языка. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1973. — 69 с.

Супрун А.Е. Лексическая типология славянских языков. Мн.: Изд-во Белгосуниверситета, 1983. — 48 с.

Супрун А.Е. Принципы сопоставительного изучения лексики / Методы сопоставительного изучения языков. М.: Наука, 1988. С.26 — 31.

Тараненко О.О. Лінгвістичний і соціальний комплекс проблем навколо сучасного українського правопису // Мовознавство. 1995. № 1. С.3 — 8.

Тенденция к интернационализации в современных славянских литературных языках / Отв. ред. Л.Н.Смирнов. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. — 654 с.

Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. М.: Наука, 1994. — 240 с.

Теоретические основы классификации языков мира. М.: Наука, 1980. — 208 с.

Теоретические основы классификации языков мира: Проблемы родства. М.: Наука, 1982. — 312 с.

Типы наддиалектных форм языка. М.: Наука, 1981. — 310 с.

Толстой Н.И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. М.: Наука, 1969. — 262 с.

Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988. — 240 с.

Толстой Н.И. Избранные труды. Т. II. Славянская литературно-языковая ситуация. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — 544 с.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс»-«Культура», 1995. — 624 с.

Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып.5. Языковые универсалии. М.: Прогресс, 1970. С.250 — 299.

Успенский Б.А. Структурная типология языков. М.: Наука, 1965. — 287 с.

Успенский Б.А. Языковые универсалии и актуальные проблемы типологического описания языка // Языковые универсалии и лингвистическая типология. М.: Наука, 1969. С. 5 — 18.

Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века: Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М.: Изд-во Московского университета, 1985. — 216 с.

Успенский Б.А., Живое В.М. Центр и периферия в языке в свете языковых универсалий // Вопросы языкознания. 1973. № 5. С.24—35 [Работа перепечатана в издании: *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. III. Общее и славянское языкознание. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 58—77].

**Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и дополн. О.Н.Трубачева. 2-е изд. Т. I—IV. М.: Прогресс, 1986- 1987.

Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М.: Прогресс, 1975. С.441 — 472.

Хоккет Ч. [1961] Проблема языковых универсалий // Новое в лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии. М.: Прогресс, 1970. С. 45—76.

Цыхун Г. А. Типологические проблемы балканославянского языкового ареала. Мн.: Наука и техника, 1981. — 232 с.

Части речи. Теория и типология. М.: Наука, 1990. — 268 с.

Чекман В.Н. Исследования по исторической фонетике праславянского языка: Типология и реконструкция. Мн.: Наука и техника, 1979. - 216 с.

Человек в многонациональном обществе: **Этничность** и право. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1994. — 200 с.

Чернышев В.А. Вопросы языка в индийской конституции // Восток. 1993. № 6. С.52 - 62.

Шагаль В.Э. Нормирование арабского литературного языка и арабская лингвистическая традиция // Языковая норма: Типология **нормализационных** процессов. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С.194 — 226.

Шаумян С.К. Структурная лингвистика. М.: Наука, 1965. — 396 с.

Швейцер А.Д. Американский вариант литературного английского языка: пути формирования и современный статус // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С.3 — 16.

Швейцер А.Д. Некоторые проблемы языковой политики в США // Известия РАН. СЛЯ. 1996. № 2. С. 11-16.

**Широков О.С.* Введение в языкознание. М.: Изд-во Московского университета, 1985. — 264 с.

Шлюбскі Ал.[А.] Адносіны расіскага ураду да беларускае мовы у XIX ст. // Запіскі адзелу гуманітарных навук. Кн.2. Працы клясы філэлёгіі. Т.1. Менск: Інстытут беларускае культуры, 1928. С.303 — 337.

**Языки* Российской Федерации и соседних государств: Энциклопедия. Т.1. М.: Наука, 1997. — 432 с.

Языковая норма: Типология нормализационных процессов / М.: Институт языкознания РАН, 1996. — 384 с.

Языковая политика в афро-азиатских странах. М.: Наука, 1977. — 320 с.

Языковые универсалии и лингвистическая типология. М.: Наука, 1969. — 343 с.

Якобсон Р.[О.] Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 3. М.: Изд-во иностр. л-ры, 1963. С. 95—105.

Якобсон Р.[О.] [1960] Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сборник статей. М.: Прогресс, 1975. С. 193 — 230.

Якобсон Р.[О.] [1965] В поисках сущности языка // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 102- 117.

Ярцева В.Н. **Контрастивная** грамматика. М.: Наука, 1981. — 109 с.

Ярцева В.Н. О судьбах языков в современном мире // Известия РАН. СЛЯ, 1993, № 2. С.3 - 15.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авиценна (ок. 980 - 1037) § 4

Аyto (Эйто) John § 41.1., 41.2.

Акуленко В.В. § 94

Алексарх (IV — III вв. до н.э.) § 64.1.

Алисова Т.Б. § 44.4., 93, 95, Л-ра

Алпатов В.М. § 20, 53.1., 75.2., 78.1., Л-ра

Амирова Т.А. § 66.1., Л-ра

Ангелова И. § 94, Л-ра

Андрей, апостол § 71

Апресян Ю.Д. § 94

Аракин В.Д. § 94, Л-ра

Арапов М.В. § 90, Л-ра

Арапович Борислав § 1, 46.1, Л-ра

Ард Дж. § 81, 85, Л-ра

Аристотель (384 — 322 до н.э.) § 60

Арно **Антуан (1560 — 1619)** § 3

Арутюнова Н.Д. § 13, Л-ра

Ахманова О.С. § 31, 89, Л-ра

Барбюс Анри (1873 - 1935) § 64.2.

Багушевич Франтишек (1840 — 1900) § 54.1.

Бахтин М. М. (1895 - 1975) § 13

Бацын В.К. § 75.2. Л-ра

Бектаев К.Б. § 90

Белич Ярослав § 54.3.

Белл Роджер § 45, 63.4., Л-ра

Бен-Йегуда Элиэзер (1858 - 1922) § 45

Бенфей Теодор (1809 - 1881) § 10

Бернал Джон (1901 - 1971) § 64.2.

Берында Памва (ум. 1632) § 94

Бодуэн де **Куртенэ** И.А. (1845 - 1929) § 28, 66.2., 69, 75.2., 79, Л-ра

Бокадорова Н.Ю. § 3

Боккаччо Джованни (1313 — 1375) § 54.1., 78.3.

Бондарко А.В. § 31

Бопп Франц (1791 - 1867) § 3
 Боэций (ок. 480 — 524) § 60
Брук С.И. § 1, 44, 57.1., Л-ра
 Бубер Мартин (1878 - 1965) § 13
 Будагов Р.А. § 78.3., Л-ра
 Булаховский (Булаховський) Л.А. § 35, 78.3., Л-ра
Булич С.К. (1859 — 1921) § 64.1.
 Бурцев Василий (XVII в.) § 17
 Бэкон Роджер (1214 — 1292) § 3, 8
 Бэкон Фрэнсис (1561 - 1626) § 64.1.

Вавилов **В.Н.** § 55
 Вайян Андре (1890 — 1977) § 8
 Вайнрайх Уриель (1926 - 1967) § 42, 82, Л-ра
 Валь Эдгар де § 64.1.
Вахтин Н.Б. § 45, Л-ра
 Вежбицкая (Wierzbicka) Анна § 90, 98, Л-ра
 Велеславин Даниэль Адам (1546—1599) § 54.3.
 Вергилий (70 — 19 до н.э.) § 60
 Веселовский Александр Н. (1836 — 1906) § 10
 Vidović Muha Ada § 53.1.
 Вильтовская **Я.И.** § 38, Л-ра
 Винер Норберт (1894—1964) § 78.3.
 Виноградов В.А. § 2, 55, Л-ра
 Виноградов В.В. (1894/5 — 1969) § 32, Л-ра
 Винокур Г.О. (1896 - 1947) § 78.3.
 Вознесенский А.А. § 35
 Выготский Л. С. (1896 — 1934) § 39, Л-ра

Гавранек Богуслав (1893 — 1978) § 6, 20
 Гак В.Г. § 20, 25, 30, 41.1., 41.2., 72, 73, 94, Л-ра
 Ганди **К.Л.** § 2, 56, , 71, 77, Л-ра
 Германович **И.К.** § 94
Гиляревский Р.С. § 46.1.
Ginzburg R.S. § 41.1., § 41.2.,
 Глинка С.Н. (1775 - 1847) § 60
 Говард Майкл § 1, 55, 61, 63.4., Л-ра
 Гоголь Н.В. (1809 - 1852) § 52
Голенищев-Кутузов И.Н. § 60, Л-ра
 Гончаров И.А. (1812 - 1891) § 21
 Гораций (65 - 8 до н.э.) § 52, 60
 Горелов **В.И.** § 42, Л-ра
 Горький Максим (1868 - 1936) § 64.2.
 Гоуд Александр § 64.1.

Грабчиков С.М. § 94
 Грибоедов А.С. (1795 - 1829) § 32
 Гривнин В.С. § 46.1.
 Гримм, братья: Якоб (1785 - 1863) и Вильгельм (1786 - 1859) § 10
 Гринберг Джозеф § 4, 27, 29, 34, 41.1, 82, Л-ра
 Гумбольдт Вильгельм фон (1767 — 1835) § 3, 26, 27, Л-ра
Гутшмидт К. § 41.4. Л-ра
Гухман М.М. § 16, Л-ра
Гэсс С. § 81, 85, Л-ра

Даль **В.И.** (1801 - 1872) § 15, 22, 41.3.
 Даничич Джура (1825 - 1882) § 54.3.
 Дановский Н.Ф. § 64.2.
 Данте **Алигьери** (1265 - 1321) § 54.1. , 78.3.
 Дашкова Е.Р. (1744 - 1810) § 78.3.
 Декарт Рене (1596 - 1650) § 8, 64.1. , 65.1.
 Демьянков **В.З.** Л-ра
 Державин Г.Р. (1743 - 1816) § 66.2.
 Дионисий Фракиец (II в. до н.э.) § 31
 Добровский Йозеф (1753 - 1829) § 54.3.
 Долгопольский **А.Б.** § 86, Л-ра
Домашнев А.И. § 78.1., Л-ра
 Дубовик **Е.И.** § 38
 Дуличенко А.Д. § 45, 64.1., Л-ра
 Дунин-Марцинкевич Винцент (1808 — 1884) § 54.1.
Дыбо В.А. § 6
 Дьячков **М.В.** § 27, 63.3., 63.4., Л-ра

Евгеньева А.П. § 53.3.
 Екатерина II (1729 - 1796) § 95
 Eliade **Mircea** (Элиаде Мирче) § 48
Елизаренкова Т.Я. § 14, Л-ра
 Есперсен **Отто** (1860 — 1943) § 12, § 64.1.

Живов **В.М.** § 60, 61, 80, л-ра
Журковский Б.В. § 84

Заботкина В.И. § 41.1., Л-ра
Заденко Т.П. § 22, Л-ра
 Заменгоф Людвиг (1859 - 1917) § 64.1., 64.2.
 Замятин Е.И. (1884 - 1937) § 67.2.
 Зацный Ю.А. § 41.1.
 Зеленин **Д.К.** (1876 - 1954) § 10

- Зизаний Лаврентий (ум. после 1633) § 61, 94
Зиндер Л.Р. § 23, 24, 87, Л-ра
 Зиновьев **А.А.** § 64.3.
- Иванов Вяч.Вс. § 1, 6, 34, 82, 87, Л-ра
 Иероним, блаженный (342 — 420) § 48
 Иисус Христос § 63.4.
Иллич-Свитыч В.М. (1934—1966) § 6
 Иоанн, экзарх Болгарский (IX — начало X в.) § 17
 Исаев М.И. § 64.1., Л-ра
 Исаченко **А.В.** (1910 — 1978) § 16, 20, 37, 41.3., 42, 61, Л-ра
- Кампанелла** Томмазо (1568 — 1639) § 64.1.
 Каравкина Т.Ю. § 41.1., 41.2.
 Караджич **Вук** (1787 - 1864) § 54.3., 78.3.
 Карамзин Н.М. (1766 — 1826) 78.3.
 Карл I, король Чехии (1316 — 1378) § 54.3.
 Кацнельсон С.Д. (1907—1985) § 3, Л-ра
 Кибрик А.Е. § 45, Л-ра
 Клавдий **Гален** (130 г. — до н.э.) § 64.1.
 Климент **Охридский** (ок. 846 - 916) § 17
 Климов Г.А. (1928 - 1997) § 3, 16, 32, 33, Л-ра
Клычков Г.С. § 82
Клышка М.К. § 53.3.
Клуазева G. Y. § 41.1., § 41.2.
 Коваль А.И. § 55, Л-ра
 Кодзасов С.В. § 22, 24
 Козинский И.Ш. § 81, 82, Л-ра
Collinge N.E. § 21, 34, 55, 82
 Коменский Ян Амос (1592 — 1670) § 54.3.
 Конфуций (ок. 551 — 479 до н.э.) § 48
 Корнель Пьер (1606 — 1684) § 54.1.
 Корнилов **Г.Е.** § 84
 Корш Ф.Е. (1843 - 1915) § 66.2.
 Костомаров **В.Г.** 41.4.
 Котелова Н.З. § 41.1., 41.2., Л-ра
 Котов Р.Г. § 65.2., 65.3., Л-ра
Кривицкий А.А. § 94
Крижанич Юрий (ок. 1617 — 1683) § 64.1.
 Crystal (Кристал) D. § 38, 41.2., 42, 63.3., 63.4., 82
 Кубрякова Е.С. § 3, Л-ра
 Кузьмин М.Н. § 75.2. Л-ра
 Крымский **А. Е.** (1871 - 1942) § 66.2.
- Лансло Клод (1616 — 1695) § 3
 Ларцев **В.Г.** § 95
 Ластовский Вацлав (1883 — 1938) § 71
 Лафонтен **Анри** § 65.2.
 Лейбниц **Готфрид** Вильгельм (1646 — 1716) § 8, 64.1., 65.1.
 Лем Станислав § 92
 Леман Кристиан § 45, 96, Л-ра
 Лемтюгова **В.П.** § 94
 Леонтьев А.А. § 1
 Логачев К.И. § 61, Л-ра
 Ломоносов М.В. (1711 - 1765) § 20, 61
 Лосев А.Ф. (1893 - 1988) § 4, 95
 Лотман Ю.М. § 60, Л-ра
 Лузина **Л.Г.** Л-ра
Лукиан (ок. 120 - ок. 190) § 60
 Луначарский А.В. (1875 - 1933) § 78.1.
 Лурия А.Р. (1902 - 1977) § 39, Л-ра
 Люллий Раймунд (1235 - 1315) § 64.1.
- Максимович **Михайло** А. (1804 - 1873) § 71
 Марр Н.Я. (1864/65 - 1934) § 3
 Мартиневский **В.И.** § 38
 Мартынов В.В. § 65.2.
 Матезиус Вилем (1882 - 1945) § 18
 Маяковский В.В. (1893 - 1930) § 22
 Медникова Э.М. § 41.1., 41.2.,
 Мейе **Антуан** (1866 - 1936) § 8
 Менделеев Д.И. (1834 - 1907) § 2, 95
 Мечковская **Н.Б.** § 46, 49, 60, 66.2., 78.1., Л-ра
 Мещанинов И.И. (1883 - 1967) § 32, Л-ра
 Милевский Тадеуш (1906 - 1966) § 4, 28, 89, Л-ра
 Миллер Вс.Ф. (1848 - 1913) § 10
 Miller George § 38
 Миронов С.А. § 63.4., Л-ра
Михневич А.Е. § 94
 Мицкевич Адам (1798 - 1855) § 71
Мишкuroв Э.Н. § 61, Л-ра
 Мольер Жан Батист (1622 - 1673) § 54.1.
 Мор Томас (1478 - 1535) § 64.1.
 Москович В.А. § 65.2., Л-ра
 Мохиздин (XI в.) § 64.1.
 Муравьев Никита М. (1796 - 1843) § 60
Мухаммад (ок. 567 - 632) § 61, 71

Набоков **В.В.** (1899 — 1977) § 54.1.
 Наполеон I Бонапарт (1769 — 1821) § 42, 60
 Неверов С.В. § 38, 44
 Негош Петр (1813 - 1830) § 78.3.
 Недецкий Патриций (1522 - 1587) § 60
 Никитин М.В. § 85.1., Л-ра
 Николаев **Л.А.** § 91
 Николаева Т.М. § 24, 25, 52, Л-ра
 Новиков А.И. § 65.2., 65.3., Л-ра
 Норман Б.Ю. § 12, Л-ра
 Ньютон Исаак (1643 - 1727) § 64.1.

Обрадович Досифей (1739 — 1811) § 54.3., 78.3.

Огден Чарльз (1889 — 1957) § 38, 64.3.

Ольховиков Б.А. § 66.1., Л-ра

Орнатовский Иван (конец XVIII — первая пол. XIX в.) § 3

Оруэлл Дж. (1903 - 1950) § 67.2.

Откупщиков **Ю.В.**, § 93, Л-ра

Отле Поль § 65.2.

Панкрац **Ю.Г.** Л-ра

Парамонов АЛ. § 1

Pattanaуak D.P. § 1

Пеано **Джузеппе** (1858 - 1932) § 64.1.

Педерсен Хольгер (1867 — 1953) § 6

Персии Флакк Авл (34 — 62) § 60

Петрарка Франческо (1304 — 1374) § 54.1., 78.3.

Пешковский А.М. (1878 - 1933) § 53.3.

Пиккио Рикардо (р. 1924) § 60

Пиотровская **А.А.** § 90, Л-ра

Пиотровский **Р.Г.** § 90, Л-ра

Пирс Чарлз (1839 — 1914) § 35, 84

Платон (IV в. до н.э.) § 8

Плунгян В.А. § 26, Л-ра

Погодин М.П. (1800 — 1875) § 71

Подлужный А.И. § 94

Поливанов Е.Д. (1891 - 1938) § 6, 7, 83, 86, 87, 94, 95, Л-ра

Порхомовский В.Я. § 55, Л-ра

Потапов В.В. § 45, 85.1., Л-ра

Потебня А.А. (1835 - 1891) § 10

Прохоренко И.Л. § 73, Л-ра

Пушкарев Л.Н. § 64.1.

Пушкин А.С. (1799-1837) § 38, 54.1., 54.2., 60, 66.2., 78.1

Пыпин А.Н. (1833 - 1904) § 10

Расин Жан (1639 — 1699) § 54.1.

Репина Т.А. § 44.4., 93, 95, Л-ра

Реформатский А.А. (1900 - 1978) § 21, 22, 26, 28, 78.2., Л-ра

Robins Robert H. (р. 1921) § 45

Рождественский Ю.В. § 66.1., 83, Л-ра

Розенман **А.И.** § 94

Ромпортл Милан § 24, Л-ра

Рулен М. (Ruhlen) § 82

Салькова И.М. § 38

Sankin A.A. § 41.1., § 41.2.

Сводеш Моррис (1909 — 1967) § 86

Сенека Луций **Анней** (ок. 4 до н.э. — 65 н.э.) § 60

Сент-Экзюпери **Антуан де** (1900—1944) § 78.3.

Сепир Эдвард (1884-1939) § 14, 17, 25, 27, 32, 95, Л-ра

Сибата Такэси § 44

Симеон, болгарский царь (ум. 927) § 17

Скаличка Владимир (р. 1908/1909) § 20, Л-ра

Скокан Ю.П. § 65.2., 65, 3., Л-ра

Скорина Франтишек (до 1490 — ок.1541) § 66.2.

Смит Адам (1723 - 1790) § 3

Смотрицкий Мелетий (ок.1578 - 1633) § 61

Соколовская **Н.К.** § 82, Л-ра

Солсо Р.С. § 12

Солнцев В.М. § 16, 26, Л-ра

Солнцева Н.В. § 16, 26, § 41.1., Л-ра

Сорокин Ю.С. § 41.1.

Соссюр Фердинанд де (1857 - 1913) § 82

Софронов М.В. § 78.1., Л-ра

Старостин С.А. § 63.1.

Стасов В.В. (1824 — 1906) § 10

Стеблин-Каменский М.И. (1903 - 1881) § 78.3., Л-ра

Степанов Г.В. (1919 - 1986) § 93

Степанов Ю.С. § 3, 40, 78.1., Л-ра

Ступин Л.П. § 38, Л-ра

Супрун А.Е. (1928-1999) § 37, 38, 60, 90, Л-ра

Сухомлинов М.И. § 78.3.

Тальявини Ч. (Tagliavini C.) § 15

Тараненко О.О. § 76, Л-ра

Тарашкевич Б.А. (1892 - 1938) § 66.2.

Таривердиева М.А. § 44.4., 93, 95, Л-ра

- Телушкин Йосеф § 45
 Теньер Люсьен (1893 - 1954) § 36, Л-ра
 Терентьева В.А. § 6
 Тимковский И.Ф. (1772 — 1853) § 3
 Толстой Л.Н. (1828-1908) § 38, 60, 64.2.
 Толстой Н.И. (1923- 1996) § 37, 46.1., 54.3., 60, Л-ра
 Томашевский Б.В. (1890 — 1957) § 60
Томлин Р.С. § 34
 Топоров В.Н. § 10, 14, Л-ра
 Третьяковский В.К. (1703 — 1768) § 54.2.
 Тури Дж. § 72
 Трубецкой Н.С. (1890 - 1938) § 20
 Тэйлор Эдуард (1832 — 1917) § 10
- Uhlenbeck Е.М. § 45
 Ульманн Стефан (1914 — 1976) § 14, 15, Л-ра
 Уорф Бенджамин Ли (1897 — 1941) § 95
 Урынсон М.И. § 1
 Успенский Б.А. § 21, 54.2., 61, 80, 81, 82, 85, 87, 89, 95, 96, Л-ра
- Фасмер Макс (1886 — 1962) § 8, Л-ра
 Федоров Иван (ок.1510 — 1583) § 17
 Фергюсон Чарлз (р. 1921) § 61
Филон Александрийский (ок. 25 г. до н.э. — ок. 50 г. н.э.) § 10
 Фишман Джошуа (р. 1926) § 61
 Флоренский, священник Павел Н. (1882 — 1937) § 95
 Флоря Б.Н. § 17
 Фортунатов Ф.Ф. (1848 — 1914) § 66.2.
 Фосслер Карл (1872 — 1949) § 95
 Франко Б. (1892 - 1975) 45, 73
- Хауген Эйнар (р. 1906) § 54.1., 66, Л-ра
Хёнигсвальд Генри (р. 1915) § 86
Khidekel S.S. § 41.1., 41.2.
 Хоккет Чарлз (р. 1916) § 25, 84, 88, Л-ра
 Холодович А.А. (1906 - 1977) § 31
 Хомский Нозм (р. 1928) § 8
 Храбр (черноризец) (IX в.) § 17
 Хрущев Н.С. (1894 — 1971) § 75.2.
 Хуан Шуин § 22
- Цезарь Гай Юлий (102 или 100 — 44 до н.э.) § 35
 Циолковский К.Э. (1857 - 1935), § 64.2.

- Ципф Джордж (1902 - 1950) § 90
 Цицерон Марк Туллий (106 — 43 до н.э.) § 60
Цыхун ГА. § 16, Л-ра
- Чекман В.Н. § 93, Л-ра
 Чернышев В.А. § 71, 72, Л-ра
Чехов А.П. (1860 — 1904) § 12
- Шагаль В.Э.** § 61, Л-ра
 Шаумян С.К. § 92, Л-ра
 Шахматов А.А. (1864 — 1920) § 66.2.
Шварц Е.Л. (1896 — 1958) § 12
 Швейцер А.Д. § 46.2., 66.2., Л-ра
 Шекспир Вильям (1564 - 1616) § 38, 54.1., 63.3.
 Шеннон Клод (р. 1916) § 13
 Широков О.С. § 87, Л-ра
 Шишков А.С. (1754- 1841) § 66.2., 78.3.
 Шкловский В.Б. (1893 - 1984) § 95
 Шкробова Г.С. § 38
 Шлегель Фридрих фон (1772 - 1829) § 3
 Шлейер Иоганн (1842 - 1912) § 64.1.
Шлюбски А.А. (1897 - 1941) § 73, Л-ра
Штандлер Вольфганг § 53.1.
 Шуба П.П. § 94
- Щерба Л.В. (1880- 1944) § 78.3., 87
- Эвклид** (III в. до н.э.) § 65.1.
 Эзоп (VI в. до н.э.) § 54.3.
 Эразм Роттердамский (1469 - 1536) § 60, 61
- Юнг Карл Густав (1875 — 1961) § 8, 10, 14
 Юнгман Йзеф (1773 - 1847) § 54.3.
- Язвицкий Николай § 3
Якоб Людвиг Г. (1759 - 1827) § 3
 Якобсон Р.О. (1896 — 1982) § 7, 13, 16, 23, 25, 35, 83, 96, Л-ра
 Якушин Б.В. § 65.2., Л-ра
 Янчук Н.А. (1859 - 1921) § 66.2.
 Ярцева В.Н. § 16, Л-ра

УКАЗАТЕЛЬ ЯЗЫКОВ, ЯЗЫКОВЫХ ГРУПП И СЕМЕЙ

Абазинский § 82
 абхазский § 44.3., 47.1., 87
 аварский язык § 33
 авестийский § 1, 6, 48
 австралийские языки (языковая семья) § 1, 28, 33, 36, 98
 австронезийские (семья языков) § 1, 36
 азербайджанский § 44.3., 47.1.
 алеутский пиджин § 63.3.
 аккадский 63.5.
 алжирский § 61
 алтайские языки (языковая семья) § 6, 14, 28, 33
 английский — *passim*
 англосаксонский § 27, 29
 андаманские § 36
 арабский § 1, 20, 22, 26, 39, 44, 44.1., 45, 47.1., 50, 52, 53.2., 55, 56, 57.1., 61, 63.1., 63.5., 78.1.
 арамейский § 26, 48, 63.5.
 армянский § 44.3., 47.1.
 ассиро-вавилонский § 26
 афразийские (семито-хамитские) языки (семья языков) § 6, 26, 28, 33, 34, 36, 56
 африкаанс (бурский язык) 63.4., 69

Балканский языковой союз § 16
 балтийские языки § 23
 бамана § 63.1., 63.2.
 банатско-болгарский § 45
 банту языки (языковая семья) § 27, 28, 33, 34, 36, 57.1.
 Basic English § 64.3.
 баскский § 6, 33, 36, 44.4., 45, 55, 56, 73
 белорусский (включая старобелорусский) § 5, 6, 7, 20, 25, 30, 38, 41.3., 50, 53.1., 53.3., 54, 54.2., 56, 58, 59, 60, 61, 66.1., 66.2., 71, 73, 76, 78.1., 93

бенгальский § 44
 болгарский § 6, 26, 38, 51
 бретонский § 44.4., 45, 55
 бурушаски § 6, 36
 бушменские языки § 21, 34, 36

Валлийский (уэльский) § 45, 55
 ведийский язык § 1, 48
 венгерский § 7, 25, 42, 50, 56
 верхнелужицкий § 38
 волапук § 64
 восточнославянские языки § 20
 восточнословацкий § 45
 ву § 44
 вьетнамский § 26, 27, 34, 41, 44.2., 78.1.
 вэньянь (древнекитайский литературный язык) § 1, 48, 63.5.

Галисийский § 44.4., 45, 55, 56, 73
 германские § 36, 45, 56, 93
 голландский — см. фламандский
 готтентотские языки § 21, 36
 градишанско-хорватский § 45
 греческий — см. древнегреческий
 грузинский язык § 28, 44.3., 47.1., 50
 гэльский (шотландский) § 45, 55

Дагестанские языки § 82
 датский § 20, 23, 26
 дравидийские языки (языковая семья) § 6, 28, 36
 древнегреческий (а также ново- и среднегреческий) § 3, 7, 15, 17, 23, 25, 26, 28, 36, 42, 44.1., 48, 50, 61, 63.5., 75.2.
 древнееврейский — см. иврит
 древнеегипетский § 1, 15
 древнеиндийский § 6
 древнекитайский — см. вэньянь

Египетский § 61
 енисейские языки § 23

Иберийско-кавказские языки — см. кавказские языки
 иврит (древнееврейский) § 1, 15, 20, 25, 26, 42, 45, 48, 50, 56, 63.3.

игбо (ибо) § 44.4., 55
 идиш § 45, 56, 66.1.
 идо § 64
 индейские языки (в т.ч. южно- и североиндейские) § 20, 26, 28, 33, 34, 36, 87
 индоевропейские языки (семья языков) § 3, 5, 6, 8, 27, 29
 индоевропейский (пра)язык § 6, 27, 82, 93
 индонезийский — см. **малайско-индонезийский**
 иракский § 61
 ирландский § 45, 55
исландский § 1, 56
 испанский (в том числе кастильский) § 20, 36, 44, 44.1., 45, 47.2., 50, 51, 56, 73
 итальянский § 20, 36, 47.2., 50, 56, 56, 63.2., 78.3.

Йеменский § 61
 йоруба § 44.4., 55

Кавказские (иберийско-кавказские) языки § 1, 20, 33, 36
кайкавский § 45
 кантонский § 44
 карпаторусинский («американский», в США) § 45
 картвельские § 6
 кастильский — см. испанский
 каталанский § 44.4., 45, 55, 56, 73
 кашубский § 20, 45
 кельтские § 36, 45
 кечумара § 33
 китайский § 15, 22, 25, 26, 42, 44, 44.1., 47.1., 47.2., 51, 57.1., 78.1., 87
 китайско-тибетские языки (языковая семья) § 33, 36
койсанская макросемья языков § 21
 коми § 15, 75.2.
 корейский § 6, 28, 34, 36, 78.1.
 корсиканский § 55
 корякский § 26
 крио § 27, 63.3., 63.4.
 крымскотатарский § 56
 кхмерский § 26

Ладино § 45
 лазский § 44.3.
 лаосский § 26
 латгальский § 73

латынь § 3, 6, 7, 8, 15, 25, 26, 28, 36, 42, 44.1., 48, 50, 52, 60, 63.1., 63.5., 66.1., 75.2., 93
 латышский § 6, 7, 23, 58, 73, 75.2. 93
 летцебургский § 56
 ливский § 73
 лингва франка § 44.2., 63.1.
 литовский § 23, 44.3., 56, 58, 66.1.
 ляшский § 45

Македонский § 38
 малайско-индонезийский (малайский) § 44, 44.2., 47.1., 57.1., 63.4.
 маньчжурский 42
 марокканский § 61
 мегрельский § 44.3.
 миннан § 44
 молдавский § 72
 молизско-хорватский § 45
 монгольский 42

Насиой (Новая Гвинея) § 1
 немецкий § 6, 7, 8, 15, 20, 22, 23, 25, 27, 28, 30, 36, 44, 47.2., 50, 51, 53.1., 56, 56, 63.2., 75.2., 78.3., 85.1., 87
 нидерландский — см. фламандский
 нижнелужицкий § 38
 нило-сахарские языки § 6
 норвежский § 23, 78.3.
 ностратическая макросемья языков § 1, 6

Окситанский — см. провансальский
 окциденталь § 64
 осетинский § 44.3.

Палеоазиатские языки § 6, 23, 87
 палестинский § 26
 пали 48
 папуасские § 33, 36
 пенджабский § 44
 персидский (и новоперсидский) § 20, 26, 29, 63.5.
пиджин-инглиш § 55
 пиджины § 1, 55, 63.3.
 польский § 6, 7, 8, 14, 20, 22, 25, 38, 41.3., 50, 51, 56, 60, 66.1., 66.2., 73, 78.1.

португальский § 44, **44.2.**, 57.1.
 праславянский § 5, 6, 7, 15, 22, 93
 прекмурско-словенский § 45
 провансальский (окситанский) § **44.4.**, **66.1.**
пунтухуа § 22

Резьянский § 45
 ретороманский § **44.4.**, 55, 56, 57.1.
 романские языки § 20, 23, 36, 42, 45, **85.1.**, 93
 русский (и древнерусский) — *passim*
 русско-китайский пиджин § 63.3.
 русско-норвежский пиджин § 63.3.

Саами § 15

салишские языки § 82
 самодийские языки (языковая семья) § 15, 33
 санскрит § 1, 15, 23, 27, 29, 42, 48, 50, 71
 сардинский § 44.4.
 сванский § 44.3.
 семито-хамитские языки (семья языков) — см. афразийская семья
 семитские языки — см. семито-хамитские языки
 сербский § 20, 23, 38, **53.3.**, **54.2.**, **54.3.**, 76, 78.3.
 сербскохорватский § 54.3.
 сиамский — см. тайский
 сирийские языки § 26
 скандинавские языки § 23
 славянские языки § 1, 5, 6, 16, 17, 20, 23, 28, 34, 38, 41.3.
 словацкий § 7, 38, 54, 54.2.
 словенский § 5, 6, 7, 8, 15, 20, 23, 34, 38, 39, **41.3.**, 51, **53.1.**, 53.3.
54.2., 66.2.
 старославянский (и церковнославянский) § 1, 3, 17, 20, 23, 42,
 48, 50, **53.2.**, **54.2.**, **54.3.**, 61, 66.1.
 суахили § 15, 27, 29, 33, 44, **44.2.**, **57.1.**, **63.1.**, 63.4.

Тагальский (**пилипино**) § 44, **57.1.**
 таймырский пиджин § 63.3.
 тайский (сиамский) § 26, 44, 44.3.
 тамильский § 44, **47.1.**
 тасманийский § 36
 татарский § 56, **66.1.**
телугу § 44
 тибето-бирманские языки § 34

тибетский § 42, **44.4.**, 51
 тирольский § 45, 55
 ток-писин § **63.3.**, 63.4.
 тонкава § 82
 тунгусо-маньчжурские языки § 23, 33, 87
 турецкий § 7, 8, 44
 тюркские языки (семья языков) § 1, 25, 27

Узбекский § 29

украинский § 5, 6, 7, 38, 50, **53.1.**, **54.2.**, 56, 59, **66.2.**, 71, 76
 урало-алтайские языки (языковая макросемья) § 6, 36
 уральские языки (языковая макросемья) § 6, 33
 УРДУ § 44, 44.3.

Фарерский § **44.4.**, 45

финикийский § 26
 финно-угорские языки (семья языков) § 28, 33, 73
 финский § 7, 25, 42, 56, 69, 73
 фламандский (нидерландский, голландский) § 56, **63.4.**, 69
 французский § 7, 8, 20, 25, 28, 30, 36, 40, **41.1.**, 42, 44, **44.1.**, **47.1.**, **47.2.**,
 50, 51, **54.4.**, 56, **57.1.**, 60, **63.2.**, **66.1.**, 69, **75.2.**, 87
 фризский 45
 фриульский § **44.4.**, 45, 55

Хауса § **44.4.**, 55

хинди § 44, **44.3.**, 71, 72, 77
хири-моту 63.4.
 хорватский § 20, 23, 38, **54.2.**, 76

Церковнославянский — см. старославянский

Чакавский § 45

чешский § 7, 22, 24, 25, 38, **41.3.**, 54, **54.2.**, **54.3.**, 56, **63.2.**, 78.3.
чжуанский § 44.4.
 чукотско-камчатские языки § 23, 26, 33, 36

Шведский § 22, 23, 56, 69, 73, 93

шумерский § 36

Эвенкийский § 23

эвенский § 23
 эламский § 36

эскимосский § 27, 36, 39
 эскимосско-алеутские языки § 23, 33
 эсперанто § 64, 75.2.
 эстонский § 47.1., 58, 75.2.
 эфиопский § 26, 29

Югославско-русинский (русинский) § 45

Яванский § 63.3.
 якутский § 26, 27, 29
 японский § 6, 15, 25, 28, 34, 36, 42, 44, 53.1., 56, 63.2., 78.1., 95
 ятвяжский § 46.1.

УКАЗАТЕЛЬ ТАБЛИЦ, СХЕМ, ДИАГРАММ

3. — Морфологическая типология языков (по Гумбольдту)
9. — Три фактора, условия и следствия межъязыковых сходств
12. — Деревья подчинения (графические схемы) четырех высказываний
20. — Различия между парадигматической и синтагматической **вокаличностью** французского и русского языков (по Гаку)
24. — Распределение моделей интонации общего вопроса в чешском и русском языке (по Ромпортлу)
27. — Индексы синтетичности для 9 языков (по Гринбергу)
29. — Индексы агглютинативности для 8 языков (по Гринбергу)
34. — **Представленность** в языках мира 6 моделей порядка слов.
36. — Типологический континуум языков в зависимости от «цетростремительности»-«цетробежности» словорасположения (по Теньеру)
38. — Объемы словарей в современных славянских литературных языках (по Супруну)
- 38-а. — Количественные характеристики лексиконов
40. — Стилистическая градация синонимов в русском языке (по Степанову)
- 40-а. — Стилистическая градация синонимов во французском языке (по Степанову)
- 41.1. — Удельный вес трех деривационных групп лексики во французском и русском языке (по Гаку)
- 41.2. — Продуктивность разных источников (способов образования) новых обозначений в русском языке
44. — 25 самых распространенных языков мира
- 44-а. — Разные источники о числе говорящих на русском языке
- 44.5. — Зависимость между коммуникативным рангом языка и объемом осуществляемой на нем коммуникации

Цифры до первой точки соответствуют номеру параграфа.

50. — Типологический континуум языков в зависимости от их **учебно-педагогического** статуса
- 53.2. — Два типа нормативно-функционального уклада языка
56. — Типологические признаки языковых ситуаций
58. — Удельный вес сельского и коренного населения в странах Балтии
59. — Зависимость языкового самоопределения украинцев и белорусов от компактности-рассеянности проживания
- 63.5. — Типологический континуум языков межэтнического общения
- 64.2. — Фрагмент морфологии эсперанто: слова и формы, противопоставленные по значению пола
- 67.1.** — Различия в языковой политике в зависимости от **одноязычия** или двуязычия социума.
- 67.2. — Различия в языковой политике при **одноязычии** в несхожих политических условиях
- 67.3. — Различия в **языковой** политике при многоязычии в несхожих политических условиях
- 67.4. — Профили языковой политики в полярно различных политических системах
69. — Динамика языковой ассимиляции в СССР
- 74.1.** — Модели распределения языков в отдельной социальной сфере
- 74.2. — Модели распределения мажоритарного и миноритарного языка в социумах с полярно различной политикой
75. — Модели распределения мажоритарного и миноритарного языка в образовании в социумах с полярно различной политикой

Н. Б. Мечковская

**Общее языкознание.
Структурная и социальная
типология языков**

Учебное пособие

Нина Борисовна Мечковская — доктор филологических наук, профессор. Автор книг: «Общее языкознание» (1983, в соавторстве), «Ранние восточные грамматики» (1984), «Словенский язык» (1991), «Общее языкознание: Сущность и история языка» (1993, в соавторстве), «Социальная лингвистика» (1994, переиздания: 1996, 2000), «Общее языкознание: Структура языка. Типология языков и лингвистика универсалий» (1995, в соавторстве), «Язык и религия: Лекции по филологии и истории религий» (1998).

ФЛИНТА • НАУКА